

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БФУ

**БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА**

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIJSKIJ REGION

2023 || Том 15 || № 1

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2023

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2023.
176 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
<https://balticregion.kantiana.ru/>

© БФУ им. И. Канта, 2023

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); **Г. М. Федоров**, д-р геогр. наук, проф., зам. главного редактора, БФУ им. И. Канта (Россия); **Й. фон Браун**, проф., Боннский университет (Германия); **И. М. Бусыгина**, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); **В. В. Воронов**, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); **А. Г. Дружинин**, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); **М. В. Ильин**, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); **П. Йонниеми**, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); **Н. В. Каледин**, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); **В. А. Колосов**, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); **Г. В. Кретинин**, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); **Ф. Лебарон**, проф. социологии, Высшая нормальная школа Париж-Сакле (Франция); **В. А. Мау**, д-р экон. наук, проф., РАНХиГС (Россия); **Н. М. Межевич**, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); **А. Ю. Мельвиль**, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); **П. Оппенхаймер**, проф., Крайст-Чёрч, Оксфордский университет (Великобритания); **Т. Пальмовский**, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); **А. А. Сергунин**, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); **Э. Спирыевас**, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); **К. К. Худoley**, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия); **А. Е. Шаститко**, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); **Д. Шиманска**, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша)

Подписной индекс 32249

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 19.12.2022 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Политика

- Чихачев А. Ю.* Стратегия Франции в регионе Балтийского моря: военно-политические аспекты 4
- Путинцев И. С.* «Тяга к двухпартийности» в политической системе Польши: проявления, причины, перспективы 18
- Чеков А. Д.* Эстонская «прибалтийскость» как социальный конструкт: смыслы и контекстуальная специфика 34
- Розанова Н. Н.* Репутационное ядро российской власти: особенности регионального уровня 52

Экономическая география

- Ажинов Д. Г., Лапшова Т. Е.* Типологизация стран Балтийского региона по уровню научно-технологического развития 78
- Алов И. Н., Пилясов А. Н.* Внутренние различия протекания пандемии коронавируса в Балтийском макрорегионе России 96

Туризм

- Александрова А. Ю., Красавцев И. В.* Территориальная структура въездного и внутреннего туризма в странах Прибалтики 120
- Манаков А. Г., Крыстев В. К., Красильникова И. Н., Иванов И. А.* Изменение структуры и географии туристских потоков в Балтийском регионе в период пандемии COVID-19 139

События

- Ворожеина Я. А., Клемешев А. П., Комлева Н. А., Дружинин А. Г., Белозеров В. К., Федоров Г. М., Волошенко К. Ю.* Геополитическая безопасность России: к постановке проблемы 153

Рецензия

- Худолей К. К.* Подъемы и спады российско-эстонских отношений. Рецензия на книгу: Тамби С. А. Россия — Эстония: история взаимоотношений и современность. К 100-летию со времени установления дипломатических отношений 170

СТРАТЕГИЯ ФРАНЦИИ В РЕГИОНЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А. Ю. Чихачев

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская набережная, 7/9

Поступила в редакцию 16.10.2022 г.
Принята к публикации 05.12.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-1
© Чихачев А. Ю., 2023

Исследуется военно-политическая стратегия современной Франции в Балтийском регионе. Данное направление традиционно не входило в число главных приоритетов французской дипломатии, однако при президенте Э. Макроне Париж стал уделять Балтике более пристальное внимание вследствие нарастания напряженности в отношениях России и Запада. Согласно актуальным стратегическим документам руководство страны оценивает обстановку преимущественно в негативном ключе, считая действия России главной причиной милитаризации региона и выражая готовность проявлять солидарность с союзниками по НАТО. На этой основе Париж постепенно наращивает свое военное присутствие на Балтике, которое в совокупности уже превышает его контингенты на Ближнем Востоке и в Сахеле. В частности, французские силы продолжают участвовать в программе воздушного патрулирования восточных рубежей НАТО и в военно-морских учениях, а также продлили свое пребывание на территории Эстонии в рамках миссии «Лупх». Основными направлениями дальнейшей активности Парижа в регионе могут стать углубление кооперации со Швецией и Финляндией по завершении их вступления в НАТО; увеличение контингента в Прибалтике (уже запланированное на 2023 г.); развитие проекта «Европейского политического сообщества». Автор заключает, что даже если французское присутствие на Балтике пока не представляет критической угрозы для безопасности России, линия Парижа в регионе приобретает все более явную проатлантическую направленность в ущерб прежним заявлениям Э. Макрона о необходимости укрепления «европейского суверенитета» и восстановления диалога с Россией.

Ключевые слова:

Балтийский регион, Франция, НАТО, Расширенное передовое присутствие, милитаризация, Большая Европа, Россия, Эммануэль Макрон

Введение

В последнее время Балтийский регион как самоценный комплекс безопасности [1] вновь становится зоной нарастающей международной напряженности ввиду все более явного противостояния интересов России и Запада. С началом российской спецоперации на Украине в 2022 г. именно на Балтике произошел ряд кризисных событий и сдвигов, свидетельствующих об углублении «прохладной войны» [2]: начало процедуры вступления Швеции и Финляндии в НАТО, попытки литовского

Для цитирования: Чихачев А. Ю. Стратегия Франции в регионе Балтийского моря: военно-политические аспекты // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 1. С. 4–17. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-1.

руководства ограничить транзит в Калининградскую область, утечки на трубопроводах «Северный поток» и др. Как указывается в Морской доктрине РФ, на Атлантическом направлении НАТО продолжает «прямое противоборство с Российской Федерацией и ее союзниками»¹, продвигая все дальше к востоку свою инфраструктуру и укрепляя военные возможности. В регионе формируются различные коалиции, до той или иной степени подразумевающие сдерживание Москвы, — в частности «Люблинский треугольник» или «Инициатива трех морей» [3], — не говоря о регулярных учениях с участием ВМС США.

В этом контексте еще одной примечательной тенденцией становится постепенное повышение интереса к Балтийскому региону со стороны европейских государств, географически к нему не относящихся. Среди них выделяется Французская Республика, чья внешняя политика традиционно более активна на южном направлении (Средиземноморье и Африка), но при президенте Э. Макроне одновременно стремится не упустить из виду и северо-восточные рубежи Евросоюза. Французские вооруженные силы с 2014 г. на регулярной основе участвуют в различных союзных форматах НАТО на Балтике, включая программу расширенного передового присутствия на территории Литвы и Эстонии². С балтийскими государствами Париж связывают многочисленные документы о партнерстве различного статуса: Ахенский договор с ФРГ 2019 г., двусторонние декларации с Финляндией 2018 г. и Польшей 2020 г. о взаимодействии в европейских делах, франко-шведское письмо о намерениях 2021 г. относительно оборонного сотрудничества и т. д. С подачи действующего президента Франция последовательно выступала сторонницей идеи стратегической автономии ЕС, сумев вовлечь в часть своих проектов северные страны [4, с. 138—141, 178—183]. Имели место факты взаимодействия и на внеевропейских театрах: присутствие финских военнослужащих в распоряжении французской миротворческой миссии в Ливане, подключение датского и шведского контингентов к операции «Бархан» в Сахеле [5].

Следует заметить, что на сегодняшний день внешняя политика Франции остается достаточно популярным объектом исследования как среди российских, так и среди зарубежных авторов. Так, Е. О. Обичкина рассуждала о внешнеполитической стратегии Пятой республики в современном мире, указывая на стремление Парижа играть роль общеевропейского лидера [6]. Европейскую политику Э. Макрона подробно исследовал В. Н. Чернега, отметивший, что попытки французского президента сделать Европу более суверенной в целом отвечали российским интересам, хотя и не без ряда нюансов [7; 8], тогда как Е. А. Нарочницкая и Г. Н. Канинская искали пределы применимости доктрины голлизма к современным международным реалиям [9; 10]. Среди работ зарубежных авторов обращают на себя внимание труды о разнообразных вызовах, стоящих перед внешней политикой Франции, за авторством Т. Гомара [11; 12], М. Дюкло [13], Т. де Монбриаля [14], Ж. Ваисса [15].

Стоит добавить, что немало исследователей фокусируется не только на внешней политике Франции как таковой, но и на ее конкретных региональных направлениях, отношениях с отдельными странами. Например, С. М. Федоров рассмотрел новые тенденции в российско-французском диалоге, наметившиеся с приходом Э. Макрона к власти [16], тогда как автор настоящей статьи вместе с Е. С. Алексеенковой

¹ Об утверждении морской доктрины Российской Федерации : указ Президента РФ № 512 от 31 июля 2022 г. 2022, *Официальный интернет-портал правовой информации*, URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207310001> (дата обращения: 01.10.2022).

² La France face aux enjeux de sécurité en Baltique, 2019, *Ministère des Armées*, URL: https://www.archives.defense.gouv.fr/content/download/551358/9392188/file/DGRIS_La%20France%20face%20aux%20enjeux%20de%20s%C3%A9curit%C3%A9%20en%20Baltique_vFR%20-%202019.pdf (дата обращения: 02.10.2022).

выявил проблемы и перспективы формирования оси «Париж — Рим» [17]. В спектр внимания специалистов попадает «тандем» Пятой республики с Германией [18; 19], попытки французского руководства выстроить альянс с Грецией [20], формы французского влияния на Западных Балканах [21] и мн. др. При известном многообразии изучаемых сюжетов приходится констатировать, что политика Парижа на балтийском векторе, напротив, обычно слабо интересует исследователей. Среди немногих работ на эту тему следует назвать статью В. А. Оленченко о подходе Э. Макрона к выстраиванию отношений с Эстонией, Латвией и Литвой [22], что отчасти комментировала также К. П. Зуева [23]. Отдельные упоминания данного сюжета также можно встретить в аналитических материалах польского исследователя П. Зерка [24] и комментариях приглашенных экспертов эстонского центра ICDS [25]. Однако в подобных публикациях еще не ставилась задача рассмотреть Балтийский регион как самоценное направление внешней политики Франции. В ряде случаев авторы предпочитали касаться отношений Парижа с расположенными здесь государствами лишь косвенно, имея в виду их неоднородное восприятие общеевропейских инициатив Э. Макрона [7; 8]. Аналогичным образом, как замечает Н. Эскаш, во французской академической традиции сложился стереотип о данной зоне как о «глухом угле» европейской интеграции, где не происходит значимых для всего Союза событий, а потому не заслуживающей детального изучения [26]. Все это создает потенциал для отдельного исследования стратегической линии Пятой республики на Балтике, которую проводит нынешнее руководство страны, в том числе с учетом событий 2022 г.

Таким образом, цель настоящего исследования состоит в выявлении основных стратегических ориентиров, на основе которых выстраивается политика Франции в регионе Балтийского моря. Для этого необходимо определить, какими доктринальными установками руководствуется Париж в своем подходе; обобщить используемые им средства присутствия в регионе; обозначить перспективы на ближайшие годы. Основной теоретической предпосылкой выступает теория региональных комплексов безопасности, активно разрабатывавшаяся Копенгагенской школой [27] и позволяющая трактовать балтийский фланг НАТО как целостный «кластер» безопасности, участником которого стремится стать и Франция. Учитывая растущую милитаризацию данного пространства, представляется уместным сосредоточиться на военно-политической стороне французской стратегии, чтобы определить масштаб угроз, которые она способна создать с точки зрения интересов России. С методологической точки зрения наибольшую ценность в данном случае имеет анализ основных документов французской внешней и оборонной политики (в качественном отношении), а также элементы сравнительного анализа (для сопоставления военных возможностей Франции на Балтике с присутствием в других регионах, соотнесения перспектив сотрудничества с отдельными странами).

Ситуация на Балтике в оценках французского руководства

Подходя к исследованию основных доктринальных установок, ныне лежащих в основе подхода Парижа по отношению к Балтике, следует оговориться, что в значительной степени они оказались сформированы через призму ЕС и НАТО. Как отмечают исследователи, после «восточных» расширений в конце 1990-х — начале 2000-х гг. в обеих организациях стал прослеживаться тренд на отстраненность от России как способ внутренней консолидации [6, с. 178]. По замечанию Е. О. Обичкиной, «этот выбор противоречил традиционной геостратегии Пятой республики, но Франция, не разделяя его, не стала ему активно сопротивляться, уважая стремление бывших социалистических стран порвать с советским прошлым» [6, с. 178]. В результате для Парижа сложился парадокс: не считая необходимым обострение отношений с Россией само по себе, в поисках общеевропейского консенсуса он все

же вынужден постепенно солидаризироваться с Восточной Европой (прежде всего со странами Балтии и Польшей), вставая на путь конфронтации. Определенные признаки данного парадокса заметны в стратегических документах, где проблематика безопасности на восточных рубежах НАТО и, конкретнее, в Балтийском регионе начинает звучать все чаще.

Так, еще в Белой книге по обороне и национальной безопасности 2013 г. прямое упоминание Балтики отсутствовало как таковое, и в общих чертах говорилось лишь о необходимости поддерживать диалог с Кремлем в духе Парижской хартии 1990 г.³ Напротив, в Стратегическом обзоре 2017 г., выпущенном уже при Э. Макроне с учетом начавшегося расхождения России и Запада, фиксировалась несколько более развернутая позиция. Авторы документа полагали, что северные и восточные рубежи Европы «отмечены стремлением Москвы восстановить зону влияния» (включая форпост в виде Калининградской области), а конкретно на Балтике приходится говорить о «провокационной позиции» российских властей⁴. В качестве ответа на их постоянные «военные демонстрации» французское руководство позитивно относилось к наращиванию потенциала НАТО в регионе, выражая готовность участвовать в патрулировании воздушных и морских рубежей⁵. В Обзоре подчеркивалось, что для современных международных отношений оказался характерен тренд на соперничество великих держав за лидерство на морских просторах (транспортные артерии, подводные кабели, трубопроводы), и Северная Атлантика вместе с Балтикой не стали исключением. В этой связи французских стратегов особо беспокоило укрепление российского военного потенциала: хотя часть сухопутных сил и надводного флота считалась уступающей западным стандартам, в документе признавалось, что в целом Москва обладает «очень существенными» возможностями по проекции мощи в своем ближнем зарубежье⁶. Тем не менее по вопросам, представлявшим взаимный интерес, предлагалось поддерживать двусторонний диалог, о чем Э. Макрон впоследствии неоднократно напоминал на встречах с В. Путиным в Версале, Санкт-Петербурге и форте Брегансон в 2017—2019 гг.

Еще одно показательное упоминание Балтийского региона было сделано в законе о военном планировании 2018 г. (LPM), определившем приоритеты французского военного строительства на следующие семь лет. В нем утверждалось, что участие Парижа в инициативах НАТО на данном направлении является посильным вкладом в обеспечение европейской безопасности и практическим подтверждением солидарности внутри Альянса⁷. Правительство обещало уделять повышенное внимание тем видам вооружений, которые могли бы быть востребованы здесь для выполнения задач по предотвращению конфликтов и неядерному сдерживанию, — малым патрульным кораблям, фрегатам, истребителям, оснащению сил специального назначения и пр. Участие в программе расширенного передового присутствия НАТО и миссии по воздушному патрулированию стран Балтии позиционировалось как еще один аванпост французских войск в мире наряду с опорными пунктами в Африке (Габон, Сенегал, Кот-д'Ивуар, Джибути) и на Ближнем Востоке (ОАЭ).

³ Livre blanc défense et sécurité nationale — 2013, *Direction de l'information légale et administrative, Paris*, URL: http://www.livreblancdefenseetsecurite.gouv.fr/pdf/le_livre_blanс_de_la_defense_2013.pdf, p. 54 (дата обращения: 07.10.2022).

⁴ *Révue stratégique de défense et de sécurité nationale*, 2017, *France Diplomatie*, URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/2017-rs-def1018_cle0b6ef5-1.pdf, p. 24 (дата обращения: 07.10.2022).

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Loi n° 2018-607 du 13 juillet 2018 relative à la programmation militaire pour les années 2019 à 2025 et portant diverses dispositions intéressant la défense, 2018, *Legifrance.fr*, URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000037192797/> (дата обращения: 07.10.2022).

Логика рассуждений из Обзора 2017 г. и LPM 2018 г. была еще раз воспроизведена в ключевом документе 2021 г. — так называемом Стратегическом обновлении. Французское руководство констатировало, что все тенденции, замеченные четыре года назад, включая возвращение соперничества великих держав, слом прежней архитектуры миропорядка, расширение количественного и качественного разнообразия кризисов, только усиливаются⁸. Указывалось, что Россия продолжает преследовать в разных регионах собственные «стратегические амбиции», на которые Париж рассчитывал сформулировать сбалансированный ответ, сочетающий «твердость» и «диалог». Значимой частью этого ответа должна была быть военно-политическая и промышленная кооперация с партнерами по ЕС, притом не только с ФРГ, связи с которой традиционно имеют особый статус [9; 10], но и с другими государствами Балтийского региона — Швецией, Финляндией, Данией и др. При этом особый упор по-прежнему делался на сотрудничество внутри НАТО: Франция предлагала сформулировать для блока четкие стратегические ориентиры (к чему Э. Макрон призывал и ранее, констатируя «смерть мозга» Альянса) и поддерживала повышение финансовых обязательств стран-членов. В наиболее свежем на конец 2022 г. документе — Стратегическом национальном обзоре — Париж признавал, что рассчитывает быть «образцовым союзником» по НАТО, активно участвуя во всех совместных миссиях, в том числе на Балтике⁹.

Примечательно, что помимо вышеупомянутых текстов в эти же годы Министерство вооруженных сил Пятой республики подготовило еще и отдельный документ на балтийскую тематику — 12-страничную брошюру «Франция и вызовы безопасности на Балтике». Она оказалась примечательна тем, что при всей лаконичности стала фактически первой попыткой оборонного ведомства сформулировать для себя отдельную стратегию на данном направлении. В дополнение к уже известным тезисам о милитаризации региона и росте российской военной мощи подчеркивалось, что на Балтике производится до одной трети ВВП Евросоюза (по данным на 2018 г.) и проживает 200 тыс. французских граждан¹⁰. Исходя из этого, Париж считает защиту балтийских государств частью собственной безопасности и имеет схожие с ними стратегические интересы, в том числе по отношению к другим регионам мира (борьба с терроризмом, ограничение нелегальной иммиграции из стран Африки и Ближнего Востока). Как заключалось в документе, несмотря на увеличивающиеся военные расходы, в случае крупного конфликта ни одна из стран не в состоянии продержаться долгое время самостоятельно, поэтому взаимопомощь между союзниками играет решающую роль. Франция без каких-либо оговорок обещала поддерживать союзные связи, преподнося себя как партнера, готового к комплексному взаимодействию по всем видам вооруженных сил.

Если в перечисленных документах французское руководство сформулировало свой взгляд на Балтику в отчетливо «атлантистском», пронатовском ключе, то во время своих поездок по странам региона Э. Макрон обозначал и другой акцент — «европеистский». Например, на встрече с руководством Дании в августе 2018 г.¹¹

⁸ Actualisation stratégique, 2021, *Ministère des Armées*, URL: <https://www.defense.gouv.fr/sites/default/files/dgris/REVUE%20STRAT%202021%2004%2002%202021%20FR.pdf>, p. 7–8 (дата обращения: 08.10.2022).

⁹ Revue nationale stratégique, 2022, *République Française*, URL: <http://www.sgdsn.gouv.fr/uploads/2022/11/revue-nationale-strategie-07112022.pdf>, p. 39 (дата обращения: 29.11.2022).

¹⁰ La France face aux enjeux de sécurité en Baltique, 2019, *Ministère des Armées*, URL: https://www.archives.defense.gouv.fr/content/download/551358/9392188/file/DGRIS_La%20France%20face%20aux%20enjeux%20de%20s%C3%A9curit%C3%A9%20en%20Baltique_vFR%20-%202019.pdf (дата обращения: 02.10.2022).

¹¹ Conférence de presse conjointe du Président de la République et du Premier Ministre Danois, 2018, *Elysee.fr*, URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/08/30/conference-de-presse-conjointe-du-president-de-la-republique-et-du-premier-ministre-danois> (дата обращения: 08.10.2022).

он подчеркивал, что, не отрицая ведущую роль НАТО, необходимо выстраивать европейскую стратегическую автономию — способность стран ЕС к самостоятельным решениям и общей обороне¹². Немногим позже в разговоре с финским коллегой С. Нийнистё он напомнил о стремлении к единой стратегической культуре (одинаковой трактовке основных угроз), а также о намерении Франции, тогда еще декларирuемом, двигаться по пути построения «Большой Европы» вместе с Россией¹³. Об углублении военно-промышленной кооперации стран ЕС Э. Макрон рассуждал, в частности, в Польше (2020), имея в виду возможное участие Варшавы в разработке проекта танка следующего поколения MGCS¹⁴. Кроме того, в рамках визитов в Вильнюс и Ригу (2020) французский лидер подчеркивал, что Франция и Прибалтика сталкиваются с общими задачами, стоящими перед всем Евросоюзом, будь то обеспечение технологического суверенитета, восстановление экономики после коронакризиса или защита демократических институтов [23, с. 193]. Иными словами, французский президент стремился убедить коллег в применимости своего «европейского проекта» и для Балтийского региона, показать, что государства Северной и Восточной Европы считаются им полноправными участниками европейской интеграции. Ответная же реакция, как правило, была весьма сдержанной: в большинстве региональных столиц скептически воспринимали риторику о стратегической автономии и тем более об «общеевропейской армии», считая, что твердые гарантии безопасности может дать только НАТО [8].

Итак, нынешняя французская политика по отношению к Балтийскому региону оказалась выстроена на двух констатациях: 1) нарастающие военно-политические угрозы, вызванном, как оценивает Париж через общую западную призму, действиями России; 2) готовности солидаризироваться с союзниками по коллективному Западу. Хотя руководство Пятой республики считало бы желательным формирование автономного европейского оборонного потенциала и сохранение некоторого диалога с Москвой, в своих базовых документах оно никоим образом не оспаривало приоритет Североатлантического альянса, в целом глядя на ситуацию в регионе именно через его оптику.

Военное присутствие Франции в регионе

Как следует из сказанного выше, в качестве основной опоры для реализации своей балтийской стратегии Париж видит собственный воинский контингент, участвующий в разнообразных миссиях и инициативах под эгидой НАТО. Представляется необходимым конкретизировать, какие силы и средства имеются у Франции на данном театре и на выполнение каких задач они ориентированы.

1. Сухопутные войска представлены подразделением из 300 человек, дислоцированным в эстонском городе Тапа в рамках миссии «Лунх» (название французского элемента многонационального батальона НАТО под руководством Великобритании). Данная миссия была запущена в 2017 г. вскоре после согласования программы расширенного передового присутствия Альянса и ежегодно продлевалась сначала на ротационной основе (с перемещением французских сил из Эстонии в Литву и

¹² Эти слова адресовались и непосредственно Копенгагену, который на тот момент формально еще не был участником Общей внешней политики и политики безопасности ЕС.

¹³ Conférence de presse conjointe d'Emmanuel Macron et de Sauli Niinistö, Président de la République de Finlande, 2018, *Elysee.fr*, URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/08/30/conference-de-presse-conjointe-demmanuel-macron-et-de-sauli-niinisto-president-de-la-republique-de-finlande> (дата обращения: 08.10.2022).

¹⁴ Déclaration conjointe du Président Emmanuel Macron et de M. Andrzej Duda, Président de la République de Pologne, 2020, *Elysee.fr*, URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/02/03/declaration-conjointe-du-president-emmanuel-macron-et-de-m-andrzej-duda-president-de-la-republique-de-pologne> (дата обращения: 08.10.2022).

обратно), затем с неизменным пунктом базирования. В 2022 г. «Lynx» планировалась к завершению, однако на фоне обострения украинского конфликта президентом Э. Макроном было принято решение продлить пребывание контингента еще минимум на год. К тому моменту помимо живой силы в него входили 12 танков Leclerc, 8 БМП VBCI, около 30 легких броневедомств, инженерная техника¹⁵. Основная задача сводится к отработке взаимодействия с расположенными по соседству британскими, датскими и эстонскими частями, навыков ведения боя в лесистой местности и в осенне-зимних условиях.

К этому следует добавить, что в период крупных учений НАТО Париж демонстрирует готовность к использованию в сопредельных с Балтикой районах дополнительных сил. Например, на учения «Brilliant Jump», проходившие в феврале — марте 2022 г. на территории Норвегии, направлялись 2 тыс. французских солдат и офицеров и 400 единиц техники; на учения «Cold Response» — еще 3,2 тыс. военнослужащих¹⁶.

2. Присутствие воздушно-космических сил Франции организовано в формате патрулирования границ Польши и Прибалтики («Air Policing»). Для этого еще в 2014 г. до четырех истребителей Rafale и Mirage-2000 перебрасывались на аэродром Мальборк, затем в Шауляй (2016) и Эмари (2018, 2022). Как отмечает военное ведомство, с началом российской спецоперации на Украине полеты французских самолетов вдоль восточных рубежей НАТО на некоторых хронологических отрезках стали приобретать почти ежедневный характер, притом стали практиковаться и дальние перелеты с французских баз в Мон-де-Марсане и Истре¹⁷. По его же информации, Франция является одним из наиболее активных участников таких миссий, судя по общему количеству вылетов (2,8 тыс. к 2019 г.) и проведенных в небе часов (3,6 тыс.)¹⁸. Среди прочего совершенствуются навыки пилотов по идентификации неопознанных объектов, а также действия в случае тревоги высшего уровня.

3. В это же время в Балтийском море и, шире, в Северной Атлантике продолжает проявлять активность французский флот. Одним из недавних примеров стало участие Парижа в учениях BALTOPS (июнь 2022 г.), в ходе которых, по сообщениям прессы, американские ВМС испытывали перспективные образцы подводных беспилотных аппаратов¹⁹. Правда, французская сторона была представлена отнюдь не самой передовой техникой: самолетом Atlantique 2, тральщиком «Sagittaire», фрегатом «Latouche-Tréville» (для которого этот поход стал последним перед выводом из состава флота). Такой подбор техники свидетельствовал о нацеленности на преимущественную отработку методик противолодочной и противоминной борьбы. Основные же силы ВМС Франции, способные решать более широкий

¹⁵ Dossier de presse. Mission Opérationnelle LYNX Estonie, 2022, *Ministère des Armées*, URL: https://www.defense.gouv.fr/sites/default/files/operations/20211230_LYNX12_Dossier-de-presse.pdf (дата обращения: 10.10.2022).

¹⁶ Renforcement du flanc est de l'OTAN, 2022, *Ministère des Armées*, URL: <https://www.defense.gouv.fr/operations/europe/europe-du-nord-lest/otan/renforcement-du-flanc-est-lotan> (дата обращения: 10.10.2022).

¹⁷ La France face aux enjeux de sécurité en Baltique, 2019, *Ministère des Armées*, URL: https://www.archives.defense.gouv.fr/content/download/551358/9392188/file/DGRIS_La%20France%20face%20aux%20enjeux%20de%20s%C3%A9curit%C3%A9%20en%20Baltique_vFR%20-%202019.pdf (дата обращения: 02.10.2022).

¹⁸ La France face aux enjeux de sécurité en Baltique, 2019, *Ministère des Armées*, URL: https://www.archives.defense.gouv.fr/content/download/551358/9392188/file/DGRIS_La%20France%20face%20aux%20enjeux%20de%20s%C3%A9curit%C3%A9%20en%20Baltique_vFR%20-%202019.pdf (дата обращения: 02.10.2022).

¹⁹ NATO tested underwater 'equipment' close to Nord Stream – Moscow, 2022, *RT*, URL: <https://www.rt.com/russia/563741-nato-underwater-drones-nord-stream/> (дата обращения: 10.10.2022).

спектр задач, появляются, как правило, не на Балтике, а по соседству — в Северном и Норвежском морях, куда в 2022 г. заходил десантный корабль типа *Mistral*, а за два года до того — авианосец «*Charles de Gaulle*» с группой сопровождения. Более того, как раз в Северной Атлантике обычно несет дежурство одна подлодка типа «*Triomphant*» с баллистическими ракетами и сопровождающая ее многоцелевая АПЛ типа «*Rubis*».

4. Отдельной строкой следует выделить факт сотрудничества французских специалистов с балтийскими коллегами в киберпространстве. В этом плане наиболее интересным партнером для Парижа уже не первый год остается Эстония, с которой в 2020 г. была согласована декларация о двустороннем сотрудничестве в сфере цифровой безопасности. Пятая республика регулярно участвует в учениях «*Cyber Coalition*», проводимых на территории этой страны, тем более что они организируются по линии союзного Командования по трансформации, с 2009 г. возглавляемого непременно французскими офицерами.

5. Наконец, Париж пытается подтвердить свои позиции в регионе посредством борьбы за тендеры на поставку тем или иным странам военной техники собственного производства. В 2020—2021 гг. повышенный интерес французских оружейников вызывали Польша и Финляндия, которые рассчитывали обновить имеющиеся у себя парки истребителей, вследствие чего открывалась возможность предложить им машины *Rafale*. Проникновение на финский рынок выглядело особенно многообещающим, учитывая, что в рамках своей «дилеммы безопасности» Хельсинки воспринимал Пятую республику как одну из наиболее надежных стран Западной Европы [28] и, в отличие от Польши или Прибалтики, высоко оценивал оборонное сотрудничество внутри ЕС [29]. Однако в итоге все же перевесило влияние американского ВПК, получившего контракты в обоих случаях. Кроме того, как стало известно осенью 2022 г., согласованные пять лет назад поставки 15 орудий *CAESAR* для Дании было решено с согласия Копенгагена частично перенаправить в пользу Украины. В результате единственным крупным партнером Франции в этой сфере среди балтийских государств пока остается Германия, в тандеме с которой Париж ведет существенную часть проектов *PESCO*, продолжает проектирование новых истребителя и танка [18].

Все это демонстрирует, что на современном этапе военное присутствие Пятой республики на Балтике достаточно разнообразно, хотя и невелико в абсолютных значениях. Характерно, что последнее обстоятельство выглядит достаточно разочаровывающим в глазах трансатлантических союзников. Как обобщали эксперты корпорации *RAND* еще в 2017 г., в случае необходимости Франция попросту не сможет направить сюда действительно крупные силы, поскольку ее армия вынуждена выполнять охранные функции на территории собственной страны, не говоря об операциях в других регионах мира (с тех пор эти два препятствия так и не исчезли) [30]. Между тем по французским меркам нынешнее присутствие на Балтике уже можно назвать существенным. В 2019 г. военное ведомство отчитывалось о среднем показателе в 4 тыс. военнослужащих, проходящих через регион ежегодно (суммарно по всем видам и родам войск)²⁰. За неимением последующих данных остается предполагать, что по итогам 2022—2023 гг. эта цифра станет выше, но даже без изменений она бы превысила контингенты, развернутые Парижем в Ираке (600 человек) и Сахеле (перед завершением операции «*Бархан*» — 3 тыс.). Примечательно, что в самой Франции ведущие политические силы в целом поддерживают

²⁰ La France face aux enjeux de sécurité en Baltique, 2019, *Ministère des Armées*, URL: https://www.archives.defense.gouv.fr/content/download/551358/9392188/file/DGRIS_La%20France%20face%20aux%20enjeux%20de%20s%C3%A9curit%C3%A9%20en%20Baltique_vFR%20-%202019.pdf (дата обращения: 02.10.2022).

размещение войск на Балтике хотя бы в таких объемах. В частности, в ходе выборов в Европарламент 2019 г. даже М. Ле Пен, нередко обвиняемая в слишком тесных контактах с Кремлем, посетила Эстонию, где сообщила, что борьба с советской угрозой в свое время тоже «составляла ДНК» ее партии²¹. Своеобразным исключением можно считать лидера крайне левой «Непокоренной Франции» Ж.-Л. Меланшона, который за время своей политической карьеры неоднократно отказывался считать страны Балтии «настоящей» Европой и призывал Елисейский дворец не втягиваться в ненужную конфронтацию с Россией [31].

Перспективы французской политики на Балтике

Систематичность вовлечения Парижа в регион, наблюдавшаяся в последние годы, а также дальнейшая эскалация отношений Росси и Запада в 2022 г. позволяют предполагать, что и на втором президентском сроке Э. Макрона балтийское направление внешней политики отнюдь не будет свернуто. Напротив, по состоянию на осень 2022 г. здесь просматриваются как минимум три направления дальнейшей работы французской дипломатии.

Во-первых, следует ожидать развития военно-политических контактов с Финляндией и Швецией, подавших заявки на членство в НАТО. В отличие от Турции французское Национальное собрание еще в августе ратифицировало протоколы о членстве обеих стран в Альянсе без каких-либо предварительных условий и с большим перевесом: «за» проголосовало 209 депутатов от различных системных партий, против — 46 голосов — выступила только левопопулистская оппозиция. По завершении процедуры вступления сотрудничество Парижа и Хельсинки может развиваться по достаточно широкому спектру сюжетов: заход французских кораблей в местные порты, воздушное патрулирование вдоль границы с Россией, потенциально — размещение сухопутного контингента в обмен на сохранение финских миротворцев в Ливане. Однако потенциал взаимодействия со Стокгольмом видится все же более существенным. В частности, следует ожидать активизации контактов по линии сил специального назначения (для чего уже существует наработанная база — совместная борьба с терроризмом в Сахеле в 2021—2022 гг. в рамках миссии «Такуба»), роста военно-промышленных связей (ввиду развитости шведской оборонной отрасли), а также взаимодействия флотов и служб береговой охраны. Не следует преуменьшать и фактор исторической близости двух стран — французские корни правящей династии Бернадотов.

Во-вторых, оборонное ведомство уже анонсировало на 2023 г. укрепление своих позиций в Прибалтике. Речь идет, в частности, об отправке новых пехотных частей в расположение миссии «Lynx» с усилением в виде некоторого количества бронетанковых автомобилей Griffon, а также о переброске еще нескольких истребителей Rafale в Литву. По всей видимости, будут только продолжаться контакты между профильными министерствами, генеральными штабами, военными училищами Франции и Прибалтики [23, с. 193]. В весьма ограниченных масштабах страны Балтии способны стать клиентами французского ВПК, о чем говорит недавний интерес литовской стороны к орудиям CAESAR. Подобная техника может приобретаться ими как для собственных нужд, так и, по аналогии с датским случаем, ради последующей передачи Украине.

В-третьих, Э. Макрон наверняка будет продолжать попытки строительства так называемой Большой Европы, но уже без былой открытости к Москве. В октябре

²¹ Mission séduction compliquée pour Marine Le Pen en Estonie, 2022, *Le Monde*, URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2019/05/15/mission-seduction-compliquée-pour-marine-le-pen-en-estonie_5462365_823448.html (дата обращения: 29.11.2022).

2022 г. в Праге состоялся учредительный саммит нового многостороннего формата, предложенного Елисейским дворцом, — так называемого Европейского политического сообщества (ЕПС). Мероприятие объединило 44 государства от Исландии до Азербайджана за исключением России и Белоруссии. Практически сразу стал очевиден проукраинский характер ЕПС, поскольку итоги саммита свелись к неудачным попыткам Евросоюза расширить круг стран, введших санкции против России, и созданию отдельного фонда для закупок Киевом новых вооружений. На этом фоне прежние французские идеи прямого диалога с Кремлем, даже до начала спецоперации сопровождавшиеся многочисленными оговорками [32], оказались тем более отставлены на второй план как почти не имеющие шансов на поддержку внутри Евросоюза и особенно на Балтике. Напротив, инициатива ЕПС в некотором смысле показала желание Парижа отныне проявлять солидарность с восточноевропейскими странами, опасаящимися «российской угрозы», заодно создав дополнительные политические рамки для своего вовлечения в регион.

Таким образом, уместно заключить, что происходящая активизация балтийского направления внешней политики Франции едва ли перекликается с интересами России. Главным и пока единственным ориентиром ее стратегии служит стремление участвовать в делах региона не столько в качестве принципиально нового игрока, готового предложить какое-либо оригинальное видение и на этой основе возрождать отношения с Москвой, сколько как дисциплинированного члена НАТО, намеренного укреплять общий потенциал. Судя по имеющимся оценкам, именно такой позиции ожидали от Франции ее союзники: в частности, в польских [24] и немецких [18] экспертных кругах прослеживается положительное восприятие факта заинтересованности Парижа в обороне восточных рубежей Альянса как показательного проявления солидарности. Сама по себе французская стратегия на Балтике не представляла бы прямой угрозы безопасности РФ, учитывая малые масштабы задействованных сил и средств, однако сегодня она тесно увязывается с действиями других стран НАТО, вследствие чего приобретает недружественную направленность. Дальнейшее наращивание или, наоборот, сворачивание военного присутствия Франции на Балтике будет предопределяться ходом конфронтации России и Запада.

Статья подготовлена в рамках грантового проекта Российского научного фонда №22-78-00198 «Военная политика современной Франции: основные направления, тенденции, вызовы для России» (<https://rscf.ru/project/22-78-00198/>).

Список литературы

1. Зверев, Ю. М., Межевич, Н. М. 2022, Республика Беларусь и Калининградская область России как субрегиональный комплекс безопасности, *Балтийский регион*, т. 14, № 3, с. 64—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>.
2. Худoley, К. К. 2019, «Прохладная война» в регионе Балтийского моря: последствия и дальнейшие сценарии, *Балтийский регион*, т. 11, № 3, с. 4—24, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-1>.
3. Еремина, Н. В. 2021, Люблинский треугольник как свидетельство усиления регионального блокового подхода в Восточной Европе, *Евразия. Эксперт*, № 1, с. 47—53, <https://doi.org/10.18254/S271332140014406-3>.
4. Арбатова, Н. К., Кокеев, А. М. (ред.). 2020, *Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией*, М., «Весь мир», 368 с.
5. Чихачев, А. 2021, Франция в Сахеле: ставка на Европу, *РСМД*, 09 декабря 2021, URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsiya-v-sakhele-stavka-na-evropu/> (дата обращения: 02.10.2022).

6. Обичкина, Е. О. 2022, Франция — ЕС — США: взаимодействие и противоречия, в: Клинова, М. В., Кудрявцев, А. К., Тимофеев, П. П. (ред.), *Современная Франция: между тревогами и надеждами*, М., ИМЭМО РАН, с. 168—181, <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0605-2>.
7. Чернега, В. Н. 2020, Европейский проект Э. Макрона и Россия, *Международная жизнь*, № 2, с. 54—63.
8. Чернега, В. Н. 2019, ЕС и инициатива Э. Макрона относительно «европейской армии», *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*, № 52, с. 10—15.
9. Нарочницкая, Е. А. 2020, Политическая философия Шарля де Голля — взгляд из XXI в. Международное измерение, *Современная Европа*, № 7, с. 188—198, <https://doi.org/10.15211/soveurope72020206216>.
10. Канинская, Г. Н. 2019, Сумерки «голло-миттерандизма»: взгляд из Франции, в: Швейцер, В. Я. (отв. ред.), *Свет и тени «эры Макрона»*, М., Институт Европы РАН, с. 66—74.
11. Gomart, T. 2020, *L'affolement du monde. 10 enjeux géopolitiques*, Tallandier, 329 p.
12. Gomart, T. 2022, *Guerres invisibles: Nos prochains défis géopolitiques*, Tallandier, 324 p.
13. Duclos, M. 2022, *La France dans le bouleversement du monde*, Editions de l'Observatoire, 320 p.
14. de Montbrial, T. 2021, La politique étrangère de la France: un cap pour les trente prochaines années, *Politique étrangère*, № 4, p. 9—22.
15. Vaïsse, J. 2017, Le passé d'un oxymore. Le débat français de politique étrangère, *Le Monde Diplomatique*, Novembre 2017.
16. Федоров, С. 2018, Российско-французские отношения сегодня: между надеждами и сомнениями, *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 3, с. 15—22, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320181522>.
17. Алексеенкова, Е. С., Чихачев, А. Ю. 2022, Квиринальский трактат — двусторонний договор о будущем ЕС? *Современная Европа*, № 3, с. 33—48, <https://doi.org/10.31857/S0201708322030032>.
18. Kempin, R. (ed.). 2021, France's Foreign and Security Policy under President Macron: The Consequences for Franco-German Cooperation, *SWP Research Paper*, № 4, <https://doi.org/10.18449/2021RP04>.
19. Рубинский, Ю. И., Синдеев, А. А. 2019, От Елисейского к Ахенскому договору, *Современная Европа*, № 2, с. 18—26, <https://doi.org/10.15211/soveurope220191826>.
20. Schmid, D., Domingues dos Santos, E. 2022, *The France-Greece Partnership: Beyond the Eastern Mediterranean*, IFRI, 25 p.
21. Marciacq, F., Le Quiniou, R. (dir.). 2022, *L'engagement de la France dans les Balkans occidentaux. Pour un renforcement de la coopération stratégique, politique, économique et sociétale*, IFRI, 44 p.
22. Оленченко, В. А. 2019, Э. Макрон и Прибалтика, в: Швейцер, В. Я. (отв. ред.), *Свет и тени «эры Макрона»*, М., Институт Европы РАН, с. 109—114.
23. Зуева, К. П. 2022, Политика Франции в отношении европейских стран постсоветского пространства, в: Клинова, М. В., Кудрявцев, А. К., Тимофеев, П. П. (ред.), *Современная Франция: между тревогами и надеждами*, М., ИМЭМО РАН, с. 192—202, <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0605-2>.
24. Zerka, P. 2022, The case for defence: How Russia's war on Ukraine has proved France right, *ECFR*, 21 November 2022.
25. Stoicescu, K., Lebrun, M. 2019, Estonian-French Defence Cooperation — Where Estonian Pragmatism Meets French Vision, *ICDS*, 27 August 2019.
26. Escach, N. 2021, Vulnérabilités et recompositions baltiques: les conséquences d'une géopolitique insidieuse, *Mappemonde*, № 130, <https://doi.org/10.4000/mappemonde.5426>.
27. Buzan, B., Waever, O. 2003, *Regions and Powers: The Structure of International Relations*, Cambridge, 598 p.
28. Худолей, К. К., Ланко, Д. А. 2019, Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы, *Мировая экономика и международные отношения*, № 3, с. 13—20, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>.
29. Новикова, И. Н., Межевич, Н. М. 2016, Финляндия и НАТО: как забвение уроков прошлого может привести к их повторению, *Управленческое консультирование*, № 4, с. 27—39.

30. Shurkin, M. 2017, The Abilities of the British, French, and German Armies to Generate and Sustain Armored Brigades in the Baltics, *RAND Corporation*.

31. Pech, T. 2022, Mélenchon et les surgelés de la Guerre froide, *Terra Nova*, 10 Mars 2022.

32. Чихачев, А. 2022, Российско-французские отношения при президенте Эммануэле Макроне: достижения и противоречия, *Вестник СПбГУ. Международные отношения*, № 1, с. 86—104, <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.106>.

Об авторе

Алексей Юрьевич Чихачев, кандидат политических наук, ассистент кафедры европейских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: alexchikhachev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7648-8087>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

FRANCE'S STRATEGY IN THE BALTIC REGION: MILITARY AND POLITICAL ASPECTS

A. Yu. Chikhachev

St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Received 16 October 2022
Accepted 05 December 2022
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-1
© Chikhachev, A. Yu., 2023

This article examines the current military-political strategy of France in the Baltic region. This area has not traditionally been among the main priorities of French diplomacy. However, under President Emmanuel Macron, France pays closer attention to the Baltic Sea due to the growing tension between Russia and the West. According to France's key strategic documents, the government assesses the present-day situation mainly in a negative way, considering Russian actions as the main reason for the militarization of the region and expressing its readiness to show solidarity with NATO allies. On this basis, Paris is gradually increasing its military presence in the Baltic region, which now exceeds its contingents in the Middle East and the Sahel. For example, French forces still participate in the NATO air policing programme as well as in naval exercises, keeping the troops in Estonia within the Lynx mission. France's further activity in the region includes enhanced cooperation with Sweden and Finland after they accede to NATO, an already planned increase in military contingent in the Baltic States in 2023, and the development of the European Political Community project. The author concludes that even if France's presence in the Baltic does not yet pose a critical threat to Russian security, Paris's policy is becoming more pro-Atlantic to the detriment of previous statements about 'European sovereignty' and dialogue with Russia.

Keywords:

Baltic region, France, NATO, enhanced forward presence, militarization, wider Europe, Russia, Emmanuel Macron

References

1. Zverev, Yu. M., Mezhevich, N. M. 2022, The Republic of Belarus and the Kaliningrad region of Russia as a sub-regional security complex, *Baltic region*, vol. 14, №3, p. 64—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>.
2. Khudoley, K. K. 2019, The ‘cool war’ in the Baltic Sea Region: consequences and future scenarios, *Baltic region*, vol. 11, №3, p. 4—24, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-1>.
3. Eremina, N. V. 2021, Lublin triangle as certificate of increasing regional block approach in Eastern Europe, *Evrasiâ. Èkspert*, №1, p. 47—53, <https://doi.org/10.18254/S271332140014406-3>.
4. Arbatova, N. K., Kokeev, A. M. (eds.). 2020, *Strategicheskaya avtonomiya ES i perspektivy sotrudnichestva s Rossiei* [Strategic Autonomy of the EU and Prospects for Cooperation with Russia], Moscow, «Ves’ Mir», 368 p. (in Russ.).
5. Chikhachev, A. 2021, France in the Sahel: Preferring Europe, *RIAC*, December 09, 2021.
6. Obichkina, E. O. 2022, France — EU — USA: interaction and contradictions. In: Klinova, M. V., Kudriavtsev, A. K., Timofeev, P. P. (ed.), *Sovremennaya Frantsiya: mezhdru trevogami i nadezhdami* [Contemporary France: between worries and hopes], M., IMEMO RAS, p. 168—181, <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0605-2>.
7. Chernega, V. N. 2020, Macron’s European Project and Russia, *Mezhdunarodnaya zhizn’* [International Affairs], №2, p. 54—63 (in Russ.).
8. Chernega, V. N. 2019, The EU and Macron’s Initiative on the “European Army”, *Evropeiskaya bezopasnost’: sobytiya, otsenki, prognozy* [European Security: Events, Perspectives, Forecasts], №52, p. 10—15 (in Russ.).
9. Narochitskaya, E. 2020, Charles de Gaulle’s Political Philosophy — a View from the 21st. C. International Dimension, *Sovremennaya Evropa*, №7, p. 188—198, <https://doi.org/10.15211/soveurope72020206216>.
10. Kaninskaya, G. I. 2019, The Twilight of Gaullo-Miterrandism: a View from France, in: Schweizer, V. Ya. (ed.), *Light and Shadows of the «Macron Era*, M., Institute of Europe RAS, p. 66—74.
11. Gomart, T. 2020, *L’affolement du monde. 10 enjeux géopolitiques*, Tallandier, 329 p.
12. Gomart, T. 2022, *Guerres invisibles: Nos prochains défis géopolitiques*, Tallandier, 324 p.
13. Duclos, M. 2022, *La France dans le bouleversement du monde*, Editions de l’Observatoire, 320 p.
14. de Montbrial, T. 2021, La politique étrangère de la France: un cap pour les trente prochaines années, *Politique étrangère*, №4, p. 9—22.
15. Vaisse, J. 2017, Le passé d’un oxymore. Le débat français de politique étrangère, *Le Monde Diplomatique*, Novembre 2017.
16. Fedorov, S. 2018, Russian-French Relations Today: Between Hopes and Doubts, *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, №3, p. 15—22, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320181522>.
17. Alekseenkova, E. S., Chikhachev, A. Yu. 2022, The Quirinal Treaty: Bilateral Agreement on the EU’s Future? *Sovremennaya Evropa*, №3, p. 33—48, <https://doi.org/10.31857/S0201708322030032>.
18. Kempin, R. (ed.). 2021, France’s Foreign and Security Policy under President Macron: The Consequences for Franco-German Cooperation, *SWP Research Paper*, №4, <https://doi.org/10.18449/2021RP04>.
19. Rubinskiy, Yu., Sindeev, A. 2019, From the Elysee Treaty to the Aachen Treaty, *Sovremennaya Evropa*, №2, p. 18—26, <https://doi.org/10.15211/soveurope220191826>.
20. Schmid, D., Domingues dos Santos, E. 2022, *The France-Greece Partnership: Beyond the Eastern Mediterranean*, IFRI, 25 p.
21. Marciacq, F., Le Quiniou, R. (dir.). 2022, *L’engagement de la France dans les Balkans occidentaux. Pour un renforcement de la coopération stratégique, politique, économique et sociétale*, IFRI, 44 p.
22. Olenchenko, V. A. 2019, E. Macron and the Baltics, in: Schweizer, V. Ya. (ed.), *Light and Shadows of the «Macron Era*, M., Institute of Europe RAS, p. 109—114.

23. Zueva, K. 2022, The French policy towards European countries at the post-soviet area, in: Klinova, M. V., Kudriavtsev, A. K., Timofeev, P. P. (eds.), *Contemporary France: between worries and hopes*, Moscow, IMEMO, p. 192—202, <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0605-2>.
24. Zerka, P. 2022, The case for defence: How Russia's war on Ukraine has proved France right, *ECFR*, 21 November 2022.
25. Stoicescu, K., Lebrun, M. 2019, Estonian-French Defence Cooperation — Where Estonian Pragmatism Meets French Vision, *ICDS*, 27 August 2019.
26. Escach, N. 2021, Vulnérabilités et recompositions baltiques: les conséquences d'une géopolitique insidieuse, *Mappemonde*, № 130, <https://doi.org/10.4000/mappemonde.5426>.
27. Buzan, B., Waever, O. 2003, *Regions and Powers: The Structure of International Relations*, Cambridge, 598 p.
28. Khudoley, K., Lanko, D. 2019, Finnish Security Dilemma, NATO and the Factor of Eastern Europe, *World Economy and International Relations*, № 3, p. 13—20, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>.
29. Novikova, I. N., Mezhevich, N. M. 2016, Finland and NATO: How the Forgetting of Lessons of the Past Can Lead to their Repetition, *Administrative Consulting*, № 4, p. 27—39.
30. Shurkin, M. 2017, The Abilities of the British, French, and German Armies to Generate and Sustain Armored Brigades in the Baltics, *RAND Corporation*.
31. Pech, T. 2022, Mélenchon et les surgelés de la Guerre froide, *Terra Nova*, 10 Mars 2022.
32. Chikhachev, A. 2022, Russia — France relations under President Emmanuel Macron: Achievements and inconsistencies, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 15, № 1, p. 86—104, <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.106>.

The author

Dr Aleksei Yu. Chikhachev, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: alexchikhachev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7648-8087>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

«ТЯГА К ДВУХПАРТИЙНОСТИ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПОЛЬШИ: ПРОЯВЛЕНИЯ, ПРИЧИНЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

И. С. Путинцев

МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Поступила в редакцию 29.07.2022 г.
Принята к публикации 15.12.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-2
© Путинцев И. С., 2023

Исследуется тенденция к усилению роли двух партий, которая наблюдается в Польше более 15 лет. На основании различных проявлений можно сделать заключение, что в Польше сложилась партийная система с двумя доминирующими партиями. Используя формулировку М. Дюверже, можно сказать, что польской модели присуща «тяга к двухпартийности». В работе анализируются факты, которые позволяют прийти к такому выводу: это не только распределение депутатских мест в Сейме по итогам выборов (что является основным критерием), но также многие другие количественные и качественные характеристики политической системы. Основная цель работы — выявить причины формирования «тяги к двухпартийности» и оценить перспективы ее дальнейшего развития с учетом того, что обе ведущие партии сталкиваются с многочисленными сложностями. В итоге делается вывод, что перспективы эволюции польской партийной модели в направлении двухпартийности ограничены, и со временем Польша может вернуться к исторически характерной для нее многопартийной модели с большим количеством влиятельных партий. При этом в последние годы наличие двух доминирующих партий в политической системе имело больше позитивных последствий, чем негативных.

Ключевые слова:

Польша, партийная система, «Право и справедливость», «Гражданская платформа», двухпартийность, две доминирующие партии, тяга к двухпартийности

Введение

В первые два десятилетия XXI в. партийная система Польши существенно видоизменилась. На смену хаотическому чередованию у власти множества нестабильных партий пришла значительно более структурированная система, ключевыми субъектами которой стали две новые партии — «Право и справедливость» (ПиС) и «Гражданская платформа» (ГП). Начиная с 2005 г. только кандидаты от данных сил становились президентами и премьер-министрами. Усилилась поляризация политической жизни: борьба двух партий стала главным нервом польской политики, а ее накал отражает широко распространенная формулировка «польско-польская война». Противостояние ПиС и ГП также регулярно оказывается в центре международного внимания: будь то смоленская авиакатастрофа 2010 г. или усиление противоречий между польскими властями и органами Евросоюза в последние годы.

Для цитирования: Путинцев И. С. «Тяга к двухпартийности» в политической системе Польши: проявления, причины, перспективы // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 1. С. 18–33. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-2.

Несмотря на доминирование ПиС и ГП в политической жизни Польши, в ее отношении практически никогда не используется термин «двухпартийность». Действительно, в строгом понимании двухпартийность предполагает полное отсутствие политического влияния у любых партий, кроме двух, — по примеру США. В случае Польши это не так: начиная с 2005 г., в Сейме наряду с ПиС и ГП были представлены еще от двух до четырех партий и блоков, а некоторые из них входили в правящую коалицию и обеспечивали парламентское большинство. Однако, безусловно, современный тип польской многопартийности — это вовсе не тот тип, который существовал в 1990-е гг. Используя терминологию М. Дюверже [1, с. 298], можно говорить о существовании в Польше «тяги к двухпартийности» (*two-party tendency*), характеризующей ее многопартийную систему, которую также можно назвать системой с двумя доминирующими партиями (*two-and-a-half party system*¹), применяя классификацию А. Сиароффа, и основной критерий которой — наличие у двух политических сил от 80 до 95 % мест в парламенте [2, р. 272].

В последние годы некоторые исследователи делают вывод, что в середине 2000-х гг. в Польше возникли «зачатки двухпартийной системы» (*embryonic two-party system*) [3, р. 592]. Однако ранее такая мысль казалась преждевременной и недостаточно подкрепленной реалиями. Имевшийся опыт партстроительства и традиции польской политической культуры говорили не в пользу формирования институционально стабильной партийной системы, тем более в двухпартийном варианте. Делался вывод, что о формировании «двухполюсной системы» (*bipolar system*) говорить еще рано и что имеющиеся тенденции можно объяснить поляризацией общественного мнения и протестным голосованием [4, р. 435]. Утверждалось, что в будущем в Польше вряд ли будет существовать иная система, кроме многопартийной [5, с. 82], либо переход к двухпартийности будет длительным и потребует укрепления внутренней стабильности основных политических сил [6, с. 199]. Встречалось и мнение, что отнести партийную систему Польши к тому или иному типу из наиболее известных невозможно в принципе [7, с. 51].

Однако в настоящее время можно с определенностью сказать, что в последние 15—20 лет наблюдалась достаточно устойчивая стабилизация польской партийной системы при закреплении ведущей роли двух политических сил. В чем проявляется эта роль? Вследствие каких причин произошло формирование данной системы? Можно ли на основании имеющихся тенденций сделать вывод, что «тяга к двухпартийности» — не временное явление и может получить дальнейшее развитие?

Проявления доминирования двух партий в политической системе

Вначале следует рассмотреть на конкретных примерах, почему партийную систему Польши можно отнести к модели с двумя доминирующими партиями, а не к иным типам многопартийности. Прежде всего необходимым количественным критериям в целом соответствуют результаты выборов. Как уже отмечалось, для того чтобы говорить о наличии доминирующих партий, нужно, чтобы они контролировали на двоих не менее 80 % мест в парламенте. В случае Польши имеет значение главным образом распределение мест в Сейме как палате, наделенной ключевыми полномочиями при формировании правительства и в законодательном процессе. Начиная с 2007 г., на четырех подряд выборах в Сейм ГП и ПиС, а также возглавляемые ими предвыборные блоки получали суммарно от 79 до 82 % мест (табл. 1). Данный результат в целом соответствует нижней планке критерия, при этом важно

¹ Буквальный перевод данного термина («двух-с-половиной-партийная система») равнозначен смыслу — система с двумя доминирующими партиями.

не только его значение, но и стабильность во времени. С учетом расклада сил в Сейме только члены ГП и ПиС могут претендовать на должность главы правительства, другие партии могут в лучшем случае стать младшим партнером в коалиции. В Сенате преобладание двух партий является абсолютным: с 2007 г. они контролируют более 90 % мест (впрочем, следует учитывать, что в Польше Сенат имеет мало полномочий). Различия в степени доминирования двух партий в Сейме и Сенате объясняются прежде всего использованием разных избирательных систем: пропорциональной и мажоритарной соответственно. Что касается выборов в Европарламент, то с 2009 г. депутаты от ПиС и ГП традиционно получали от 75 до 80 % мест по польской квоте.

Таблица 1

Суммарный результат ПиС и ГП² на общенациональных выборах с 2005 г., %

Год	Доля мест		Доля голосов в первом туре выборов президента
	Сейм	Сенат	
2005	63	83	66
2007	82	99	—
2010	—	—	78
2011	79	94	—
2015	81	95	69
2019	80	91	—
2020	—	—	74

Примечание: прочерк означает, что данные выборы в указанный год не проводились.

Укреплению новой модели польской партийной системы способствовало также то, что с 2005 г. только политики от двух ведущих партий занимают должность президента. То, что глава государства после избрания становится беспартийным, не имеет реального значения: фактически он действует в неразрывной связи с поддерживающей его политической силой, тем более что существующие ограничения являются лишь данью традиции, заложенной в 1995 г. президентом А. Квасьневским, а не четко прописанной нормой права³. В последние 20 лет президентские выборы превратились в борьбу двух соперников от ПиС и ГП, которые всегда выходили во второй тур. Сформировался стандартный сценарий президентской гонки, во многом определяющий общественные ожидания, действия партий и используемые ими политтехнологии. Несмотря на ограниченные полномочия, президент играет немалую роль в польской политике: например, он обладает правом вето, для преодоления которого требуется не менее 60 % голосов в Сейме (обычно у правящих сил нет такого большинства).

Тенденция к усилению влияния двух партий наблюдается не только в общенациональной политике, но также на региональном уровне. Если в 2006—2014 гг. ПиС и ГП получали от 63 до 66 % мандатов в сеймиках воеводств в целом по стране, то на выборах 2018 г. эта доля возросла до 80 %⁴. При этом в 7 воеводствах из 16 одна из двух партий получила абсолютное большинство в сеймике: в шести регионах — ПиС, в одном — ГП.

² Считая возглавляемые ими предвыборные блоки: «Объединенных правых» на базе ПиС в 2015 г. и «Гражданскую коалицию» на базе ГП в 2019 г.

³ L. Kaczyński: konstytucyjnie dyskusyjne czy prezydent może być szefem partii, *Dziennik Gazeta Prawna*, 15.06.2009, URL: <https://prawo.gazetaprawna.pl/artykuly/324893,lkaczynski-konstytucyjnie-diskusyjne-czy-prezydent-moze-byc-szefem-partii.html> (дата обращения: 26.07.2022).

⁴ Расчеты автора по официальным результатам выборов; количество мест в каждом из 16 воеводств рассматривались как равновесное.

Большое значение имеет участие двух партий в местном самоуправлении, хотя оно проявляется асимметрично. ПиС традиционно показывает слабый результат на местных выборах, в то время как козырем ГП выступает высокий уровень поддержки в больших городах. Из десяти крупнейших городов Польши шесть находятся под управлением мэров от ГП: Гданьск — все последние 20 лет, Варшава и Люблин — с 2006 г., Лодзь и Быдгощ — с 2010 г., Познань — с 2014 г. Особую роль играет столица, где после недолгого периода преобладания ПиС в первой половине 2000-х гг. (когда мэром был будущий президент Л. Качиньский) у власти прочно закрепилась ГП.

О стабилизации партийной системы, связанной с наличием двух ведущих партий, свидетельствует также существенное укрепление партийной дисциплины в парламенте после 2005 г. Выход депутатов из фракций правящих партий перестал иметь массовый характер во второй половине 2000-х гг. [8, р. 359]. В последующем отдельные попытки расколоть изнутри ПиС и ГП, в том числе с участием статусных политиков (см. об этом, напр.: [9, с. 74—75, 78—79]), имели обратный эффект: не угрожая влиянию партий, они лишь способствовали их внутренней консолидации [10, р. 190].

На доминирование двух партий указывают не только результаты выборов и иные количественные показатели. Его проявлением является также возросшая поляризация польской политической жизни. На момент появления ПиС и ГП эти партии не казались антагонистами, а напротив, как две правые силы рассматривались в качестве потенциальных партнеров. Сложенная из польских названий двух партий (*PO*, *PiS*) шутивная аббревиатура «*POPiS*», которую можно также перевести как «представление», «шоу», первоначально отражала политико-идеологическую близость этих сил. На местных выборах 2002 г. они даже выступали единым списком, за исключением столичного воеводства. После парламентских выборов 2005 г., когда ПиС и ГП впервые заняли первые два места, многие ожидали создания широкой коалиции с их участием. Однако образование блока ПиС с правыми популистами при формировании правительства и конфликтный характер президентских выборов 2005 г. положили начало политико-идеологическому размежеванию двух партий.

В последующем это размежевание лишь усиливалось. Авиакатастрофа под Смоленском, в которой погиб президент Л. Качиньский и многие члены его окружения, сделала непримиримыми отношения его брата Я. Качиньского, возглавлявшего ПиС, с лидером ГП Д. Туском, на которого оппоненты пытались возложить ответственность за случившееся. На момент возвращения ПиС к власти в 2015 г. Д. Туск уже стал председателем Евросовета и олицетворял ориентированные на ЕС силы, в то время как новые власти вступили с Брюсселем в затяжной конфликт. (По иронии судьбы, Польша была единственной страной в ЕС, которая проголосовала против переизбрания Туска в 2017 г.). Внутри страны ПиС провозгласила себя борцом за традиционные польские ценности и суверенитет, в то время как ГП — за демократию, гражданские права и единую Европу. Ярко проявляются и личностные различия между Я. Качиньским и Д. Туском: если первого называют «консервативным революционером», сравнивая с В. Орбаном и Р.Т. Эрдоганом [11, с. 89], то второй — гибкий прагматик, делающий акцент не на идеологии, а на технократических решениях (политика «горячей воды в кране») [10, р. 185].

Поляризация превратила взаимоотношения двух ведущих партий в «игру с нулевой суммой», когда то, что хорошо для ПиС, — плохо для ГП, и наоборот. В их тени (а отчасти — и в их орбите) находятся другие, менее влиятельные политические силы, которые лишь в небольшой степени могут воздействовать на текущую повестку. Выбор между двумя партиями — центральный вопрос польской политики и основной фактор политического самоопределения большинства избирателей. Он в значительной мере определяет содержание и тональность общественно-политических дискуссий. Партии стали явно отличаться друг от друга: если в 2005 г. 45 %

избирателей ГП рассматривали ПиС как основной альтернативный вариант при голосовании, то к 2011 г. эта доля сократилась до 3%; среди избирателей ПиС она упала с 37 до 6% [12, р. 493].

Как следствие произошедшего размежевания, в польской политической публицистике сформировался стереотипический образ сторонников двух партий: за ПиС голосуют «мохеровые береты» (или «мохеры») — возрастные жители небольших городов, ревностные католики, имеющие только среднее образование и весьма скромный уровень дохода; ГП поддерживают «лемминги» — космополитически настроенное молодое население крупных городов с хорошим образованием, материальным положением и высокой социальной мобильностью [13, с. 55]. Четко проявляется и территориальное разделение в уровне поддержки ПиС и ГП: за первую партию чаще голосуют в центральных и юго-восточных районах, за вторую — в крупных городах и так называемых возвращенных землях, вошедших в состав Польши в 1945 г.

Данные образы, впрочем, не создают полного представления о реальной картине голосования. Вопреки стереотипу обе партии имеют многочисленных сторонников во всех слоях общества и регионах страны, что характерно для устойчивых систем с двумя доминирующими партиями. Они опережают другие силы по уровню поддержки практически в любой группе избирателей: по возрасту, образованию, месту проживания и профессии; причем в середине 2010-х гг. ПиС стала лидировать во всех выделяемых группах (включая молодежь, студентов, крупнейшие города и лиц с высшим образованием), за исключением работников из сферы менеджмента [14, р. 104].

«Тяга к двухпартийности», возникшая в Польше с середины 2000-х гг., способствовала росту стабильности партийной системы. В 2007 г. в парламент впервые не прошла ни одна новая партия. В 2011 г. правящая коалиция смогла избраться на второй срок, переломив традицию, в соответствии с которой на парламентских выборах всегда побеждала оппозиция. В 2015 г. в Сейме впервые не потребовалось формировать коалицию, поскольку одна политическая сила получила абсолютное большинство мест. В 2019 г. данная ситуация повторилась. Обе ведущие партии получили опыт работы и во власти, и в оппозиции: на трех выборах побеждала ПиС (2005, 2015 и 2019 гг.), на двух — ГП (2007 и 2011 гг.). Польская партийная система продемонстрировала устойчивость в условиях сильных внешних и внутренних потрясений: мирового финансового кризиса 2008 г., авиакатастрофы под Смоленском, вооруженных конфликтов на Украине, пандемии COVID-19. Средневзвешенные данные соцопросов, проводившихся с января по октябрь 2022 г., показывают, что ПиС стабильно пользуется поддержкой от 36 до 38% избирателей, а созданная на базе ГП «Гражданская коалиция» имеет рейтинг от 27 до 29%⁵.

Все перечисленные факты подтверждают, что с началом чередования у власти ПиС и ГП партийная система Польши стала более структурированной и обрела новые качества, позволяющие говорить о ней именно как о системе с двумя доминирующими партиями. На данный момент она выдержала проверку временем. В связи с этим необходимо проанализировать причины и предпосылки, которые способствовали ее формированию.

Причины и предпосылки «тяги к двухпартийности»

Выявление причин и предпосылок «тяги к двухпартийности» облегчается четкой локализацией времени ее появления. Возникнув в начале 2000-х гг. как партии второго эшелона польской политики, ПиС и ГП к концу десятилетия установили

⁵ Poll of Polls — Polish polls, trends and election news for Poland, 2022, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/poland/> (дата обращения: 29.10.2022).

в ней лидерство. Одной из главных предпосылок этому стал глубокий идеологический кризис польских левых сил (по традиции называемых «левицей», в противоположность правым силам — «правице»). Опираясь на богатые исторические традиции, «левица», основу которой в Польше составляли «перекрасившиеся» бывшие коммунисты, была одним из двух полюсов в польской политике в 1990-е гг. и в первой половине 2000-х гг. Ее представитель А. Квасьневский дважды побеждал на выборах президента, социал-демократы в разное время играли главную роль в правящей коалиции на протяжении двух парламентских каденций. Опираясь на голоса тех избирателей, которые были недовольны последствиями «шоковой терапии» и снижением социальных гарантий государства, партия тем не менее сильно сдвинулась вправо. Во второй половине 1990-х гг. она отказалась от взвешенных оценок социалистического прошлого в пользу концепции тоталитаризма [15, с. 56], полностью поддержала интеграцию в НАТО и ЕС, а при премьер-министре Л. Миллере (2001—2004) стала неотличима от правых партий и с точки зрения своего социально-экономического курса. Как отмечают исследователи, либеральная экономическая политика левых сил в первой половине 2000-х гг. «привела к отходу от ценностей социал-демократии и потере идеологической идентичности» [16, с. 179].

Основными бенефициарами стали две правые партии, которые получили возможность быстрого роста за счет привлечения разочарованных избирателей социал-демократов. При этом каждой из партий было что предложить им: для Пис характерны левые патерналистские взгляды в экономике и социальной сфере, а ГП привлекает людей светского мышления, выступающих против усиления клерикальных тенденций (в Польше данный вопрос — один из центральных). То, что при этом обе партии относятся к правым, касается прежде всего их исторических корней и трактовки вопросов, важных для национальной истории и идеологии. Таким образом, Пис и ГП получили возможность выйти за пределы первоначально достаточно узкого круга сторонников и заявить о себе как о партиях с широкой политической повесткой, затрагивающей все слои населения.

Это породило потребность в более четком идеологическом позиционировании и усилении программных различий между ведущими партиями. В эпоху правления идеологически «всеядных» социал-демократов в первой половине 2000-х гг. различия в программах польских партий в целом не были значительными, поэтому избирателям было непросто делать выбор из ограниченного числа альтернатив [17, р. 594]. Данная ситуация, которая привела к стремительному упадку левых сил и быстрому подъему правопопулистских партий, обозначила потребность в четком политическом размежевании. Произшедшая в результате кристаллизация взглядов, программных подходов и идеологической самоидентификации способствовала институционализации партийной системы на новых началах [18, s. 85]. Поддержка двух партий возросла, в том числе за счет крайних сегментов политического спектра: так, в 2007 г. Пис «перетянула» голоса 60 % избирателей правопопулистской Лиги польских семей [19, s. 589], утратившей представительство в парламенте, а ГП на тот момент стала объединять избирателей либерального фланга. Сложнее обстояли дела с правопопулистской «Самообороной», лидера которой А. Леппера за усилившееся сходство с Л. и Я. Качиньскими стали называть «третьим близнецом» [20, с. 897]: половина ее избирателей не явилась на выборы 2007 г. [19, s. 589], но в 2010-е гг. ее бывший электорат также постепенно влился в ряды Пис.

Характерно, что идеологическое размежевание произошло не по стандартной для Польши модели «правица — левица». Обе партии скомбинировали в своей программе элементы обоих идеологических направлений, хотя по-прежнему считались правыми партиями. Анализ их программных установок показывает, что в сфере политического мировоззрения взгляды Пис являются правыми (условно на 70 %), а в

социально-экономических — левыми на все 100%; в то время как у ГП явно преобладает левое мышление в политических вопросах и правое — в экономических [21, с. 168]. Как следствие, в польской политике возникла диспропорция: хотя долю избирателей с левыми взглядами можно оценить в 25% [22, р. 64], левые силы получают на выборах от 7,5 до 13% голосов (в 2015 г. они даже не попали в Сейм). Остальные голоса в основном забирают доминирующие партии. Козырь ПиС — инициативная и последовательная социальная политика: так, введенную в ее правление государственную программу «500+» (ежемесячную выплату 500 злотых на каждого ребенка) поддержало 77% населения, что полностью блокировало возможность других партий оппонировать ей [23, с. 186]. Немаловажную роль играла также отмена пенсионной реформы, осуществленной в годы правления ГП, и снижение пенсионного возраста. Программа ПиС закрепила как главную цель строительство «польской модели современного государства благосостояния»⁶. На пике популярности в начале 2020 г. ПиС имела рекордный для Польши уровень поддержки — 50%⁷. В свою очередь, в пользу ГП играет активное недовольство многих поляков авторитарными и клерикальными тенденциями в правление ПиС: наступление на судебную систему, ужесточение запрета аборт, запрет торговли по воскресеньям и др. Поэтому в последние годы ГП сместила основные идеологические акценты из сферы экономики в сферу политики, выступая в защиту демократических институтов, прав женщин, за легализацию однополых партнерств и избегая характерных для правых сил отсылок к христианской идеологии и католической культурной традиции⁸. Таким образом, обе партии «присвоили» важные элементы левой повестки, что способствовало разделу между ними большей части политического поля.

Значительное влияние на формирование двухполюсной партийной системы в Польше оказал фактор Евросоюза. Если до вступления в ЕС в 2004 г. для польских партий был в целом характерен еврооптимизм, то с середины 2000-х гг. рост евроскептических настроений развел их по разным флангам. Интересно, что ГП, до вступления в ЕС активно заигрывавшая с соответствующим сегментом электората, впоследствии стала позиционировать себя как лагерь сторонников единой Европы — на контрасте с ПиС, закрепившей в своей программе принцип «евро-реализма»⁹ и все сильнее дрейфующей в направлении евроскептицизма. В спорах о европейской интеграции ярко проявляется характерное для польского общества обостренное отношение к сохранению суверенитета. Правыми политиками Брюссель все больше воспринимается как новый имперский центр, стремящийся диктовать свои условия и навязывать космополитические ценности, далекие от национальных традиций [17, р. 597]. С другой стороны, идея принадлежности Польши к Европе и католическому миру — фундамент ее национальной идеологии, поэтому ПиС выступает не против членства в ЕС, а за его фундаментальную трансформацию на базе христианских ценностей по модели «Европы наций» [24, с. 20]. Проблемы, связанные с поиском Польшей своего места в Евросоюзе, стали неисчерпаемым источником общественных споров, легко накладывающихся на противостояние двух ведущих партий.

⁶ Program Prawa i Sprawiedliwości 2019, Polski model państwa dobrobytu, 2019, s. 22, URL: https://pis.org.pl/files/Program_PIS_2019.pdf (дата обращения: 28.10.2022).

⁷ Polish Public Opinion, CBOS — *Public Opinion Research Center*, November 2021, p. 3, URL: https://www.cbos.pl/PL/publikacje/public_opinion/2021/11_2021.pdf (дата обращения: 29.10.2022).

⁸ Twoja Polska. Program Koalicji Obywatelskiej, 2019, s. 9—10, 16, 23, URL: <https://platforma.org/upload/document/86/attachments/121/KO%20Program.pdf> (дата обращения: 28.10.2022).

⁹ Program Prawa i Sprawiedliwości 2019, Polski model państwa dobrobytu, 2019, s. 20, URL: https://pis.org.pl/files/Program_PIS_2019.pdf (дата обращения: 28.10.2022).

На возникновение в Польше «тяги к двухпартийности» существенно повлияли также особенности законодательства о выборах. После взрывного роста количества парламентских партий в начале 1990-х гг. было создано немало правовых механизмов, сдерживающих потенциал малых партий. Был установлен довольно высокий избирательный порог: 5 % для партий и 8 % для коалиций. Это привело, например, к существенному искажению итогов выборов в 2015 г., когда ПиС и ГП получили значительно меньше голосов, чем ранее, но нарастили фракции в Сейме (табл. 2). Распределение мест в Сейме с 2005 г. вновь стало осуществляться по методу д'Ондта, несколько занижающему представительство малых партий. При этом места распределяются раздельно в каждом избирательном округе (в среднем по 11 мандатов), и для участия в Сейме необходимо преодолеть планку в данном округе, что в случае его малого размера благоприятствует крупным партиям [25, s. 77]. В комбинации с методом д'Ондта это создает в Польше достаточно сильные диспропорции при распределении депутатских мандатов. Без влияния этих диспропорций было бы невозможно ни сохранение большинства у правящей коалиции на выборах 2011 г., ни создание однопартийного правительства ПиС в 2015 и 2019 гг. На выборах в Сенат используется мажоритарная система, что сводит к минимуму шансы других партий, кроме ПиС и ГП. Все это не вполне подтверждает тезис, что роль избирательного законодательства в развитии польской партийной системы снижается с начала XXI в. [26, s. 345]. Оно остается принципиально важным ограничителем возможностей малых партий, как и задумывалось его создателями в нестабильные 1990-е гг.

Таблица 2

Диспропорции при распределении мест в Сейме с 2005 г., %

Год	Доля голосов за ПиС и ГП ¹⁰	Доля мест ПиС и ГП	Доля голосов за другие парламентские силы	Доля мест других парламентских сил
2005	51	63	38	37
2007	74	82	22	18
2011	69	79	27	21
2015	62	81	22	19
2019	71	80	28	20

Перспективы перехода к двухпартийности

Какие перспективы развития есть у польской модели системы с двумя доминирующими партиями? Для того чтобы ответить на данный вопрос, необходимо проанализировать, какие факторы сдерживают ее перерастание в полноценную двухпартийную систему, а впоследствии могут привести к возврату к более традиционному для Польши типу многопартийности.

Польская модель не может стать двухпартийной в ее классическом варианте, пока на выборах в Сейм сохраняется пропорциональная система. Вероятность отката от нее невелика: в условиях поляризации ПиС и ГП действуют рассогласованно и не в состоянии создать «партийный картель», который мог бы по своему усмотрению принципиально менять правила игры в польской политике в ущерб интересам малых сил [27, s. 103]. Попытки сделать это голосами однопартийного большинства взорвали бы ситуацию в обществе и привели к объединению вокруг главной партии — соперника всех оппозиционных сил. Ключевую роль в данном вопросе играет укорененная в национальной идеологии традиция, по которой все значимые общественные группы имеют право на политическое представительство.

Для польской политической системы характерно также такое явление, как «мода на партии» [28, с. 158]. С начала 2010-х гг. каждые парламентские и пре-

¹⁰ Считая возглавляемые партиями предвыборные блоки: «Объединенных правых» на базе ПиС в 2015 г. и «Гражданскую коалицию» на базе ГП в 2019 г.

зидентские выборы приносили относительный успех новым политическим силам и кандидатам, которые позиционировали себя как антисистемные. На парламентских выборах 2011 г. это было резко антиклерикальное «Движение Паликота», на президентских и парламентских выборах 2015 г. — правопопулистский политик, рок-музыкант П. Кукиз и возглавляемое им движение, в 2019 г. на выборах в Сейм в отдельных округах преодолел порог ультраправый блок «Конфедерация», в 2020 г. третье место на выборах президента занял независимый кандидат, шоумен Ш. Голвня. Они получали на выборах от 7 до 21 % голосов, прикладывая намного меньше усилий, чем традиционные партии, имеющие прочные организационные структуры и государственное финансирование. Во многом это результат протестного голосования, что подтверждается, например, тем, что 25 % избирателей П. Кукиза на предыдущих выборах поддержали Я. Паликота, хотя, казалось бы, идеологически между ними не было почти ничего общего [29, p. 242]. Традиционно от 20 до 32 % польских избирателей считают, что ни одна из существующих партий не выражает их интересы [30, s. 52]. Исследователи отмечают, что «создать успешную политическую партию в Польше — дело нескольких месяцев» [29, p. 240].

Кроме неустойчивых популистских партий в Польше есть также более стабильные парламентские силы, имеющие богатые исторические традиции и определенное влияние в реальной политике. Помимо социал-демократов это также «людовцы»¹¹ — Польская крестьянская партия, самая устойчивая в польской политике и единственная, которая была представлена в Сейме всех созывов. Отличаясь наиболее эклектичным набором взглядов, она обладает самым большим коалиционным потенциалом из всех польских партий [21, s. 168—169]. Ее традиционная роль — пытаться создать коалицию с более сильным парламентским игроком [31, с. 94]. В рамках данных коалиций, которые формируются как на национальном, так и на региональном уровне, она зачастую приобретает влияние, превышающее средний уровень ее поддержки (около 8—9 %).

В этой связи интересно сравнить польские партии по массовости. Парадоксальным образом две крупнейшие польские партии оказываются вовсе не лидерами по данному показателю. Так, численность членов Польской крестьянской партии в начале 2010-х гг. в среднем оценивалась в 100 тыс. человек, социал-демократов — было 59 тыс. [12, p. 492]. ГП и ПиС уступали им по численности, а по состоянию на 2018 г. в их рядах состояли лишь по 34 тыс. человек в каждой [10, p. 191].

За исключением ряда крупных городов, где доминирует ГП, в целом местное самоуправление в Польше не находится под контролем двух ведущих партий, как и каких-либо других. При этом полномочия и самостоятельность местных властей являются одними из самых широких в Европе [32, p. 512]: финансово они независимы от правительства и воеводств, что дополнительно подкрепляется возможностью получать прямые субсидии из фондов ЕС [33, с. 151]. Многие крупные города десятилетиями управляются самостоятельными политиками — даже те, которые в целом могут рассматриваться как электоральная вотчина ПиС (Краков, Жешув) или ГП (Щецин, Гдыня). В небольших городах и селах полностью преобладают местные политики. Партии там не играют существенной роли, причем на долю «людовцев» в начале 2010-х гг. приходилось больше членов местного самоуправления, чем у ГП и ПиС вместе взятых [12, p. 491].

Фактором потенциальной слабости двух ведущих партий выступает также их сильная персонализация. Как отмечают исследователи, по классической схеме партии создают лидера, в то время как в Польше, как и в других странах ЦВЕ, наоборот, партии формируются вокруг лидера [34, s. 75]. Обе партии называют вождистскими или даже «авторскими» — когда их лидеры являются одновременно их основателями [6, s. 197]. ПиС — это детище Я. Качиньского, который в качестве ее лидера имел, по общепринятой оценке, больше политического влияния, чем вышедшие из

¹¹ «Людовцы» — название членов польских крестьянских партий.

рядов его партии президенты и премьер-министры. ГП — это вотчина Д. Туска: попытки выдвинуть новых лидеров после его переезда в Брюссель закономерно провалились, и в 2021 г. он вновь возглавил партию. Между тем это возрастные деятели (Я. Качиньскому в 2022 г. исполнилось 73 года, Д. Туску — 65 лет), не сходящие с политического Олимпа уже более 20 лет. Для Польши это очень много. Неизвестно, переживут ли партии своих лидеров: опыт ГП показывает, что даже небольшое дистанцирование от них может привести к внутреннему кризису.

Обе партии не следует рассматривать как зеркальное отражение друг друга [19, s. 599]. ПиС идеологически является намного более цельной; она единственная из польских партий наработала ядро постоянно готовых голосовать за нее избирателей, не рассматривающих как альтернативу другие политические силы [14, p. 108—109]. При всех негативных оценках ее идеологической палитры (см., напр.: [35, с. 58]) нельзя не отметить, что ПиС отличается четким идеологическим позиционированием и для нее электоральный эффект проводимой политики в целом вторичен по отношению к идеологии [36, с. 196]. В свою очередь, у ГП с начала 2010-х гг. вследствие усиления прагматического характера и идеологической эклектичности возникли проблемы с сохранением лояльности избирателей. Существенная их часть стала голосовать за новые парламентские силы: бывшие сторонники ГП составляли 43 % электората «Движения Паликота» в 2011 г. [12, p. 492] и 71 % — партии «Современная» в 2015 г. [29, p. 238]. Начиная с середины 2010-х гг., ГП несколько раз проваливалась в опросах не только ниже ПиС, но и других политических сил. В 2015 г. она в определенный момент уступала объединению П. Кукиза [37, с. 152—153], в 2016 г. — либеральной партии «Современная» [38, с. 67]. В 2020 г. ГП чуть не разгромили на начальном этапе президентских выборов, когда лишь замена кандидата смогла обеспечить прохождение партии во второй тур, а в 2021 г. ее на короткое время опередила в опросах антисистемная партия «Польша 2050» под руководством Ш. Головни¹². Данные проблемы ГП вызваны прежде всего тем, что, пытаясь привлечь на свою сторону людей либеральных взглядов, партия при этом не формулирует четко свою позицию по таким острым вопросам, как сокращение влияния церкви в обществе и предоставление женщинам права на аборт. По данным вопросам партия в своей программе делает намеки оппозиционно настроенным избирателям, не заявляя позицию прямо (говоря о «правах полек» вместо права на аборт¹³, избегая упоминания церкви вместо декларации принципов светского государства и др.). Оппонируя ПиС, она зачастую не решается пойти дальше привычных для себя компромиссных установок, что в условиях общественной поляризации уже не удовлетворяет значительную часть ее целевого электората.

Все упомянутые проблемы ГП и ПиС позволяют сделать вывод, что в будущем в Польше не следует ожидать усиления «тяги к двухпартийности». При этом нельзя не учитывать, что доминирование двух партий на политической арене в последние 15 лет было устойчивым, произошел бурный рост поддержки ПиС в целом по стране и постепенное расширение влияния ГП в местной политике, а резкий рост явки на выборах 2019 и 2020 гг. не подорвал преобладания двух партий в польской политике. Однако данные факты и тенденции не перевешивают тех проблем, с которыми сталкиваются ПиС и ГП при попытках минимизировать влияние третьих сил. Вряд ли оправдано также часто встречающееся мнение, что авторитарные наклонности в политике ПиС могут привести к формированию в Польше политической системы наподобие венгерской (с доминированием одной партии), поскольку для этого нет ключевой предпосылки — возможности ПиС получить конституционное большинство без голосов ГП.

¹² Poll of Polls — Polish polls, trends and election news for Poland, 2022, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/poland/> (дата обращения: 29.10.2022).

¹³ Twoja Polska. Program Koalicji Obywatelskiej, 2019, s. 16, URL: <https://platforma.org/upload/document/86/attachments/121/КО%20Program.pdf> (дата обращения: 28.10.2022).

Выводы

Политическую систему в Польше в последние 15 лет можно по совокупности показателей охарактеризовать как систему с двумя доминирующими партиями. Об этом свидетельствует не только основной критерий (распределение мест в Сейме), но и множество других факторов: роль президента и Сената, усиление влияния двух партий на региональных выборах, преобладание двух партий практически во всех основных социальных группах, идеологическая поляризация, формирование шаблонных сценариев избирательных кампаний, основанных на противостоянии двух сил, и др. Появлению партийной системы в ее новом варианте способствовал глубокий кризис левых сил, программное размежевание двух партий, усиление фактора ЕС в польской политике, возможность (особенно в случае ПиС) привлечь избирателей с различными идеологическими установками, а также особенности законодательства о выборах. Новая партийная модель, возникшая со второй половины 2000-х гг., вплоть до настоящего времени отличалась высокой внутренней устойчивостью, несмотря на большое число проблем, с которыми сталкивались ПиС и ГП на пути к расширению своего влияния. Многочисленные скептические прогнозы относительно перспектив складывания в Польше системы с доминированием двух партий к настоящему времени не оправдались.

Однако логика, которая стояла за данными прогнозами, сохранилась. Сложно ожидать, что «тяга к двухпартийности» в Польше продолжит усиливаться: это не соответствует не только многим реалиям польской политики, но и ее глубоким историческим традициям. Дальнейшее развитие двухпартийного начала сдерживается неспособностью двух партий совместно определить новые правила игры в польской политике, наличием пропорциональной системы на выборах в парламент, слабостью партий на местном уровне, отсутствием по-настоящему массового членства в партиях. Будущий потенциал двух партий сдерживает также «мода» на новые партии в обществе, слабость механизмов кадрового обновления высшего партийного руководства, а в случае ГП также нестабильность общественной поддержки вследствие усиления идеологической эклектичности в 2010-е гг.

При этом необходимо отметить, что существующая уже более 15 лет «тяга к двухпартийности» имела помимо отдельных негативных моментов (усиление общественной поляризации) также немало позитивных: формирование более стабильных правительств, структурирование политического процесса и обеспечение последовательной линии властей Польши в тех вопросах, где две партии сходятся. Логика развития польской партийной системы в последние 15—20 лет показала, что она способна развиваться именно как система, а не как хаотический набор разнородных партийных комбинаций.

Список литературы

1. Дюверже, М. 2013, *Политические партии*, 5-е изд., М., Академический проект, 544 с.
2. Siaroff, A. 2003, Two-and-a-Half Systems and the Comparative Role of the 'Half', *Party Politics*, vol. 9, № 3, p. 267—290, <https://doi.org/10.1177/1354068803009003001>.
3. Hou, P. 2020, Menu or Mandate? EU Governance and Party Politics in Poland, *Chinese Political Science Review*, № 5, p. 588—607, <https://doi.org/10.1007/s41111-020-00147-0>.
4. Szczerbiak, A. 2008, The Birth of a Bipolar Party System or a Referendum on a Polarizing Government? The October 2007 Polish Parliamentary Elections, *Communist Studies and Transition Politics*, vol. 24, № 3, p. 415—443, <https://doi.org/10.1080/13523270802267955>.
5. Kurek-Bąk, J. 2013, Transformacja polskiego systemu partyjnego po 1989 roku, *Studia Politicæ Universitatis Silesiensis*, № 10, s. 53—82.
6. Dzieciński, P. 2009, Kształtowanie się i ewolucja systemu partyjnego w Polsce po 1989 roku, *Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie, Seria: Res Politicæ*, vol. 3, s. 185—200.

7. Danel, Ł. 2013, 25 lat kształtowania się polskiego systemu partyjnego — teoria i praktyka, *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego w Krakowie*, №921, s. 35—53.
8. Gwiazda, A. 2009, Poland's Quasi-Institutionalized Party System: The Importance of Elites and Institutions, *Perspectives on European Politics and Society*, vol. 10, №3, p. 350—376, <https://doi.org/10.1080/15705850903105769>.
9. Михалев, О. Ю. 2014, Польша: политический расклад после Смоленска (2010—2013), *Современная Европа*, №4, с. 70—83, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420147083>.
10. Stanley, B. 2020, A Comparison of Two Polish Leaders: Jarosław Kaczyński and Donald Tusk, in: Gherghina, S. (ed.), *Party Leaders in Eastern Europe*, Cham, Palgrave Macmillan, p. 171—195, https://doi.org/10.1007/978-3-030-32025-6_8.
11. Волобуев, В. В. 2022, Качинизм как польская версия великодержавного консерватизма, *Свободная мысль*, №1, с. 89—104.
12. Szczerbiak, A. 2013, Poland (Mainly) Chooses Stability and Continuity: The October 2011 Polish Parliamentary Election, *Perspectives on European Policy and Society*, vol. 14, №4, p. 480—504, <https://doi.org/10.1080/15705854.2013.793535>.
13. Воротников, В. В. (общ. ред.). 2021, *Польша в современном мире*, М., МГИМО-Университет. 273 с.
14. Tworzecki, H. 2019, Poland: A Case of Top-Down Polarization, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 681, №1, p. 97—119, <https://doi.org/10.1177/0002716218809322>.
15. Лыкошина, Л. С. 2015, «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши, М., ИНИОН РАН, 258 с.
16. Савенков, Р. В. 2019, Левые партии сегодня. Потенциал оппозиции в современной Польше, *Свободная мысль*, №4, с. 168—181.
17. Bernhard, M. 2021, Democratic Backsliding in Poland and Hungary, *Slavic Review*, vol. 80, №3, p. 585—607, <https://doi.org/10.1017/slr.2021.145>.
18. Materska-Sosnowska, A. 2011, Instytucjonalizacja polskiego systemu partyjnego — wybrane aspekty, *Studia Politologiczne*, vol. 22, s. 76—90.
19. Flis, J., Kwiatkowska, A. 2018, Polski system partyjny — idee i identyfikacje, w: Wojtaszczyk, K. A., Stawarz, P., Wiśniewska-Grzelak, J. (red.), *Zmierzch demokracji liberalnej*, Warszawa, Instytut Europeistyki Uniwersytetu Warszawskiego, s. 587—606.
20. Носкова, А. Ф. (ред.). 2012, *Польша в XX веке. Очерки политической истории*, М., Индрик, 952 с.
21. Filipczak-Białkowska, A. 2021, *Od prawicy do lewicy. Struktura ideologiczna polskich partii politycznych w latach 2015—2017*, Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 190 s.
22. Wojtasik, W. 2020, Changes in the Party System in the Context of Deconsolidation of Democracy in Poland, *Polish Political Science Yearbook*, vol. 49, №1, p. 55—66, <https://doi.org/10.15804/pps2020105>.
23. Глухова, А. В., Савенков, Р. В. 2019, Новый авторитаризм в польском облачении, *Политические исследования*, №4, с. 181—191, <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.13>.
24. Клемешев, А. П., Ворожеина, Я. А. 2018, Национал-консервативный «поворот» Польши в геополитическом контексте, *Политические исследования*, №5, с. 17—28, <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.03>.
25. Uziębło, P. 2011, Wpływ systemów wyborczych na systemy partyjne (wybrane zagadnienia), *Przegląd Prawa Konstytucyjnego*, №3, s. 67—87.
26. Jastrzębski, M. 2013, Wpływ zmian prawa wyborczego na ewolucję systemu partyjnego w Polsce w latach 1989—2011, w: Kuczur, T., Wolsza, T. (red.), *Polska w XX wieku: w kręgu badań historycznych, politologicznych i prawnych*, Bydgoszcz, Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, s. 323—345.
27. Radecki, M. 2012, Czy w Polsce istnieje kartel partii politycznych? *Świat Idei i Polityki*, vol. 11, s. 87—105.
28. Майорова, О. Н. 2016, Правый поворот в Польше. Президентские и парламентские выборы 2015 г., *Славянский альманах*, №1—2, с. 147—163.
29. Jaskiernia, J. 2017, The Development of the Polish Party System: a Perspective of the Parliamentary Elections Results, *Polish Political Science Yearbook*, vol. 46, №2, p. 227—246, <http://dx.doi.org/10.15804/pps2017214>.

30. Marmola, M. 2020, Poziom reprezentatywności partii politycznych i zapotrzebowanie na nowe ugrupowania w polskim systemie partyjnym, *Wrocławskie Studia Politologiczne*, № 29, s. 49—57, <https://doi.org/10.19195/1643-0328.29.4>.

31. Лыкошина, Л. С. 2015, Десять лет спустя: о выборах 2015 г. в Польше, *Современная Европа*, № 6, с. 89—98, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620158998>.

32. O'Dwyer, C., Stenberg, M. 2021, Local-Level Democratic Backsliding? The Consolidation of Aspiring Dominant-Party Regimes in Hungary and Poland, *Government and Opposition*, vol. 57, № 3, p. 508—531, <https://doi.org/10.1017/gov.2021.12>.

33. Носович, А. А. 2020, Альтернатива для Европы. Что предлагает Польше и ее союзникам внутренняя политика «Права и справедливости», в: Крашенинникова, В. Ю., Буевич, Д. С. (ред.), *Польша в борьбе за Восточную Европу 1920—2020*, М., Кучково поле, с. 144—153.

34. Materska-Sosnowska, A. 2015, Relacje między wyborami prezydenckimi a systemem partyjnym w Polsce, *Studia Sociologiczno-Polityczne. Seria Nowa*, № 1, s. 75—92.

35. Яжборовская, И. С. 2016, Польша 2015—2016 гг. Хроника неавторитарного реванша, *Полис. Политические исследования*, № 5, с. 49—65, <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.05>.

36. Носович, А. А. 2022, Куда заведет Польша? *Россия в глобальной политике*, № 1, с. 188—204, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-1-188-204>.

37. Волобуев, В. В. 2020, Польша: от социального государства к социальному учению церкви, в: Никифоров, К. В. (ред.), *Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX—начало XXI вв.*, М., СПб., Нестор-История, с. 126—164.

38. Михалев, О. Ю. 2018, Состояние и перспективы либеральных партий в Польше, *Современная Европа*, № 7, с. 61—72, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720186274>.

Об авторе

Игорь Сергеевич Путинцев, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки, МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: isp90@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2576-4467>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

THE TWO-PARTY TENDENCY IN POLAND'S POLITICAL SYSTEM: MANIFESTATIONS, CAUSES AND PROSPECTS

I. S. Putintsev

MGIMO University
76, Vernadskogo Pr., Moscow, 119454, Russia

Received 29 July 2022
Accepted 15 December 2022
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-2
© Putintsev, I. S., 2023

The article analyses the Polish political system and the increasing role of two political parties in it. This tendency has been observed in Poland for more than 15 years. We can draw a conclusion that two-and-a-half-party system has formed in Poland. Using Duverger's phrasing,

To cite this article: Putintsev, I. S. 2023, The two-party tendency in Poland's political system: manifestations, causes and prospects, *Balt. reg.*, Vol. 15, № 1, p. 18—33. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-2.

there is a “two-party tendency” in the functioning of the Polish model. The study analyses the facts that firm up this conclusion: not only the distribution of seats in the Sejm (the main criterion) but also many other quantitative and qualitative characteristics of the political system contribute to the development of the current political trend. The main goal of this article is to identify the factors that have led to the emergence and development of the tendency and assess the prospects of its further evolution, considering that both leading parties face multiple difficulties. The article concludes by pointing out that Poland is unlikely to continue strengthening its two-party tendency, and could instead return to the multiparty system with many influential parties which this system is more characteristic of the country historically. However, in recent years the leading role of two parties in the political system has had more positive effects rather than negative ones.

Keywords:

Poland, party system, Law and Justice, Civic Platform, two-party system, two-and-a-half party system, two-party tendency

References

1. Duverger, M. 2013, *Politicheskie partii* [Political Parties], 5th ed., Moscow, Academic Project. 544 p. (in Russ.).
2. Siaroff, A. 2003, Two-and-a-Half-Party Systems and the Comparative Role of the ‘Half’, *Party Politics*, vol. 9, № 3, p. 267—290, <https://doi.org/10.1177/1354068803009003001>.
3. Hou, P. 2020, Menu or Mandate? EU Governance and Party Politics in Poland, *Chinese Political Science Review*, № 5, p. 588—607, <https://doi.org/10.1007/s41111-020-00147-0>.
4. Szczerbiak, A. 2008, The Birth of a Bipolar Party System or a Referendum on a Polarizing Government? The October 2007 Polish Parliamentary Elections, *Communist Studies and Transition Politics*, vol. 24, № 3, p. 415—443, <https://doi.org/10.1080/13523270802267955>.
5. Kurek-Bąk, J. 2013, Transformacja polskiego systemu partyjnego po 1989 roku, *Studia Politicæ Universitatis Silesiensis*, № 10, s. 53—82.
6. Dzieciński, P. 2009, Kształtowanie się i ewolucja systemu partyjnego w Polsce po 1989 roku, *Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie, Seria: Res Politicæ*, vol. 3, s. 185—200.
7. Danel, Ł. 2013, 25 lat kształtowania się polskiego systemu partyjnego — teoria i praktyka, *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego w Krakowie*, № 921, s. 35—53.
8. Gwiazda, A. 2009, Poland’s Quasi-Institutionalized Party System: The Importance of Elites and Institutions, *Perspectives on European Politics and Society*, vol. 10, № 3, p. 350—376, <https://doi.org/10.1080/15705850903105769>.
9. Mikhalev, O. Yu. 2014, Poland: Political Set up after the Smolensk (2010—2013), *Sovremennaya Evropa*, № 4, p. 70—83, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420147083> (in Russ.).
10. Stanley, B. 2020, A Comparison of Two Polish Leaders: Jarosław Kaczyński and Donald Tusk, in: Gherghina, S. (ed.), *Party Leaders in Eastern Europe*, Cham, Palgrave Macmillan, p. 171—195, https://doi.org/10.1007/978-3-030-32025-6_8.
11. Volobuev, V. V. 2022, Kaczynism as a Polish Version of the Great Power Conservatism, *Svobodnaya mysl* [Free Thought], № 1, p. 89—104 (in Russ.).
12. Szczerbiak, A. 2013, Poland (Mainly) Chooses Stability and Continuity: The October 2011 Polish Parliamentary Election, *Perspectives on European Policy and Society*, vol. 14, № 4, p. 480—504, <https://doi.org/10.1080/15705854.2013.793535>.
13. Vorotnikov, V. V. (ed.). 2021, *Pol’sha v sovremennom mire* [Poland in contemporary world], Moscow, MGIMO University. 273 p. (in Russ.).
14. Tworzecki, H. 2019, Poland: A Case of Top-Down Polarization, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 681, № 1, p. 97—119, <https://doi.org/10.1177/0002716218809322>.
15. Lykoshina, L. S. 2015, “Pol’sko-pol’skaya voina”: *Politicheskaya zhizn’ sovremennoi Pol’shi* [“Polish-Polish war”: The Political Life of Contemporary Poland], Moscow, INION RAS. 258 p. (in Russ.).

16. Savenkov, R. V. 2019, Left Parties Today. The Potential of the Opposition in Contemporary Poland, *Svobodnaya mysl* [Free Thought], № 4, p. 168—181 (in Russ.).
17. Bernhard, M. 2021, Democratic Backsliding in Poland and Hungary, *Slavic Review*, vol. 80, № 3, p. 585—607, <https://doi.org/10.1017/slr.2021.145>.
18. Materska-Sosnowska, A. 2011, Instytucjonalizacja polskiego systemu partyjnego — wybrane aspekty, *Studia Politologiczne*, vol. 22, s. 76—90.
19. Flis, J., Kwiatkowska, A. 2018, Polski system partyjny — idee i identyfikacje, w: Wojtaszczyk, K. A., Stawarz, P., Wiśniewska-Grzelak, J. (red.), *Zmierzch demokracji liberalnej*, Warszawa, Instytut Europeistyki Uniwersytetu Warszawskiego, s. 587—606.
20. Noskova, A. F. (ed.). 2012, *Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoi istorii* [Poland in the 20th century. Essays on Political History], Moscow, Indrik. 952 p. (in Russ.).
21. Filipczak-Białkowska, A. 2021, *Od prawicy do lewicy. Struktura ideologiczna polskich partii politycznych w latach 2015—2017*, Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 190 s.
22. Wojtasik, W. 2020, Changes in the Party System in the Context of Deconsolidation of Democracy in Poland, *Polish Political Science Yearbook*, vol. 49, № 1, p. 55—66, <https://doi.org/10.15804/ppsy2020105>.
23. Glukhova, A. V., Savenkov, R. V. 2019. New Authoritarianism in Polish Vestment, *Polis (Russian Federation)*, № 4, p. 181—191, <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.13> (in Russ.).
24. Klemeshev, A. P., Vorozheina, Ya. A. 2018, National-Conservative “Turn” of Poland in Geopolitical Context, *Polis (Russian Federation)*, № 5, p. 17—28, <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.03> (in Russ.).
25. Uziębło, P. 2011, Wpływ systemów wyborczych na systemy partyjne (wybrane zagadnienia), *Przegląd Prawa Konstytucyjnego*, № 3, s. 67—87.
26. Jastrzębski, M. 2013, Wpływ zmian prawa wyborczego na ewolucję systemu partyjnego w Polsce w latach 1989—2011, w: Kuczur, T., Wolsza, T. (red.), *Polska w XX wieku: w kręgu badań historycznych, politologicznych i prawnych*, Bydgoszcz, Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, s. 323—345.
27. Radecki, M. 2012, Czy w Polsce istnieje kartel partii politycznych? *Świat Idei i Polityki*, vol. 11, s. 87—105.
28. Mayorova, O. N. 2016, The Right Turn in Poland. Presidential and Parliamentary Elections in 2015, *Slavyanskii al'manakh* [Slavic Almanac], № 1—2, p. 147—163 (in Russ.).
29. Jaskiernia, J. 2017, The Development of the Polish Party System: a Perspective of the Parliamentary Elections Results, *Polish Political Science Yearbook*, vol. 46, № 2, p. 227—246, <http://dx.doi.org/10.15804/ppsy2017124>.
30. Marmola, M. 2020, Poziom reprezentatywności partii politycznych i zapotrzebowanie na nowe ugrupowania w polskim systemie partyjnym, *Wrocławskie Studia Politologiczne*, № 29, s. 49—57, <https://doi.org/10.19195/1643-0328.29.4>.
31. Lykoshina, L. S. 2015, 10 Years Afterwards: on the 2015 Elections in Poland, *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], № 6, p. 89—98. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620158998> (in Russ.).
32. O'Dwyer, C., Stenberg, M. 2021, Local-Level Democratic Backsliding? The Consolidation of Aspiring Dominant-Party Regimes in Hungary and Poland, *Government and Opposition*, vol. 57, № 3, p. 508—531, <https://doi.org/10.1017/gov.2021.12>.
33. Nosovich, A. A. 2020, An Alternative for Europe. What Does the Internal Policy of “Law and Justice” Offer to Poland and Her Allies, in: Krasheninnikova, V. Yu., Bunevich, D. S. (eds.), *Pol'sha v bor'be za Vostochnuyu Evropu 1920—2020* [Poland's Struggle for Eastern Europe 1920—2020], Moscow, Kuchkovo pole, p. 144—153 (in Russ.).
34. Materska-Sosnowska, A. 2015, Relacje między wyborami prezydenckimi a systemem partyjnym w Polsce, *Studia Sociologiczno-Polityczne. Seria Nowa*, № 1, s. 75—92.
35. Yazhborovskaya, I. S. 2016, Poland 2015—2016. Chronicle of Neoauthoritarian Revanche, *Polis (Russian Federation)*, № 5, p. 49—65, <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.05> (in Russ.).
36. Nosovich, A. A. 2022, Where Is Poland Heading? *Russia in Global Affairs*, № 1, p. 188—204, <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-1-166-184> (in Russ.).
37. Volobuev, V. V. 2020, Poland: from the Social State to the Social Teachings of the Church, in: Nikiforov, K. V. (ed.), *Ocherki politicheskoi istorii stran Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evro-*

py. Konets XX — nachalo XXI vv. [Essays on the Political History of Central and South-Eastern Europe. From the Late 20th to the Early 21st Centuries], Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, p. 126—164 (in Russ.).

38. Mikhalev, O. Yu. 2018, Status and Perspectives of the Liberal Parties in Poland, *Sovremennaya Evropa*, № 7, p. 61—72, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720186274> (in Russ.).

The author

Dr Igor S. Putintsev, Associate Professor, Department of European and American History and Politics, MGIMO University, Russia.

E-mail: isp90@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2576-4467>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ЭСТОНСКАЯ «ПРИБАЛТИЙСКОСТЬ» КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ: СМЫСЛЫ И КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

А. Д. Чеков

МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Поступила в редакцию 03.04.2022 г.
Принята к публикации 10.12.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-3
© Чеков А. Д., 2023

Данная работа посвящена изучению эстонского видения прибалтийской идентичности. Официальные эстонские власти неоднократно артикулировали свое скептическое отношение как к самой концепции выделения отдельного «Прибалтийского региона», так и к включению Эстонии в его состав, предпочитая позиционировать ее как североευропейскую страну. При этом известны многочисленные случаи, когда они же открыто маркировали Эстонию в качестве прибалтийского государства. В работе проводится контент-анализ официальных выступлений политического руководства Эстонии с целью выявления контекстов и значений ее маркирования в качестве прибалтийской страны. Автор приходит к выводу, что, несмотря на значимое присутствие в дискурсе социально-экономической проблематики, наиболее целостный образ эстонской «прибалтийскости» конструируется комплексом взаимосвязанных сюжетов, выстроенных вокруг советского прошлого, а также ассоциированных с Россией «угроз безопасности». Дополнительной объяснительной моделью выступает теоретическая рамка регионалистики, позволяющая рассмотреть прибалтийский регион в качестве социального конструкта, а не набора материальных факторов.

Ключевые слова:

Эстония, прибалтийский, Прибалтика, идентичность, регионализм, конструктивизм

Введение и обзор литературы

В современной исследовательской литературе по проблематике прибалтийской¹ идентичности можно выделить две ключевых ее интерпретации. Первая из них является *позитивной* и делает акцент на таких сюжетах, как укрепление по-

¹ В современной науке вокруг употребления терминов «прибалтийский» и «Прибалтика» продолжается активный спор. Многие авторы используют для обозначения Эстонии, Латвии и Литвы термин «страны Балтии», аргументируя это наличием негативных ассоциаций с советским дискурсом, возникающих при употреблении словосочетания «прибалтийские страны/государства». Однако автор придерживается мнения о том, что в русском языке словосочетание «страны Балтии(ки)» корректно использовать только для обозначения *всех государств*, имеющих выход к Балтийскому морю. Поскольку данная работа посвящена проблеме региональной идентичности, то использование в русском языке словосочетания «балтийская идентичность Эстонии» сопряжено с возникновением смыслового искажения, отсылающего читателя к ее позиционированию в качестве одной из стран региона Балтийского моря. Возможным выходом могло бы стать использование терминов «восточно-балтийская идентич-

Для цитирования: Чеков А. Д. Эстонская «прибалтийскость» как социальный конструкт: смыслы и контекстуальная специфика // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 1. С. 34–51. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-3.

позиционирования Эстонии, Латвии и Литвы в качестве прогрессивного субрегиона Европейского союза (ЕС) и недопущение их маргинализации, дистанцирование от «негативного» образа постсоветского государства, объединение усилий с целью увеличения внешнеполитического влияния (в основном внутри ЕС), развитие внутрирегиональных связей и т. д. [1—4]. Вторая является *негативной* и концентрируется главным образом на периоде нахождения прибалтийских государств в составе СССР, воспринимаемом большей частью национальных элит, населения и внешних наблюдателей в качестве тяжелого исторического наследия [5—8]. В этом контексте общее прошлое «затмевает» собой значимые различия между тремя государствами, препятствуя укоренению их альтернативных идентичностей.

Эстонский исследователь Э. Берг писал о наличии подобной дихотомии еще пятнадцать лет назад: «Прибалтийские государства обрели образ как посткоммунистических тигров-реформаторов, так и яростных дезертиров из советского прошлого с его обременительным наследием» [9, р. 49]. При этом можно с уверенностью сказать, что негативная интерпретация «прибалтийскости» является доминирующей. На это указывают, в частности, работы литовского ученого М. Юркинаса, утверждающего, что современная прибалтийская идентичность «основывается на озабоченностях безопасностью в отношении России и на советском наследии» [10, р. 328; см. также 11; 12]². В свою очередь, эти «озабоченности» — прямые производные от исторического опыта отношений Эстонии, Латвии и Литвы с Россией.

Смысловые ассоциации, порождаемые негативной интерпретацией прибалтийской идентичности, имеют значимые последствия для сферы политической риторики всех трех прибалтийских государств. Они побуждают их политические элиты к проявлению феномена, который уместно назвать идентичностным эскапизмом, выражающимся в стремлении «причислить» собственные страны к другим более «благополучным» регионам. В частности, руководство Эстонии, Латвии и Литвы склонно позиционировать свои государства в качестве стран региона Северной Европы [13; также см. 14]. В части международной легитимации им удалось добиться определенных успехов; в январе 2017 г. при обновлении информации на своей официальной веб-странице Статистический отдел ООН классифицировал все три республики как североευропейские государства, вызвав тем самым закономерные отклики одобрения со стороны прибалтийских политиков³.

Из всех трех стран позиция Эстонии в отношении отрицания существования отдельной «прибалтийской идентичности» является наиболее артикулированной,

ность» и «страны/государства Восточной Балтии», однако в русскоязычном научном дискурсе они пока не укоренились. В связи с этим в рамках данной работы автор будет использовать для обозначения Эстонии, Латвии и Литвы в качестве единого региона термин «Прибалтика» и производные от него термины, руководствуясь соображениями более точного соответствия нормам русского языка и не вкладывая в их употребление какой-либо негативный смысл.

² К такому выводу ученый приходит не только логико-интуитивным путем, но и через проведение анализа публичных выступлений политического руководства прибалтийских стран с 1992 по 2006 г. (см. [11]) и отдельно их президентов с 2014 по 2018 г. (см. [12]). В представляемой работе используется альтернативная исследовательская методика, а эмпирический материал (выступления президентов, премьер-министров и министров иностранных дел Эстонии в период с 1 марта 2011 г. по 1 марта 2021 г.) по большей части не совпадает с выборкой, анализируемой в трудах Юркинаса.

³ The UN classifies Estonia as a Northern European country, 2017, Estonian World, URL: <https://estonianworld.com/life/un-reclassifies-estonia-northern-european-country/> (дата обращения: 01.02.2022). Важно отметить, что в действительности ООН классифицирует Эстонию, Латвию и Литву как государства Северной Европы начиная с 2002 г. Однако обновление веб-страницы Счетного отдела ООН стало для прибалтийских политиков удобным поводом в очередной раз артикулировать североευропейскую идентичность своих стран.

что, в свою очередь, объясняет, почему именно эта страна была выбрана в качестве объекта для рассмотрения в данной работе. В стремлении обосновать «исключение» своей страны из Прибалтийского региона эстонские политики апеллируют к двум ключевым нарративам. Первый из них сводится к тому, что с точки зрения языка и культуры Эстония ближе всего к североевропейской Финляндии. При этом современная разница в уровне жизни между двумя странами объясняется главным образом длительным нахождением Эстонии в составе СССР [15, р. 58—73; 16, р. 289]. Альтернативный нарратив сводится к сознательному дистанцированию от образа «постсоветского государства», возникающего в голове внешнего наблюдателя при упоминании слова «Прибалтика». В данном контексте эстонские политики акцентируют внимание на том, что по определенным показателям (зачастую очень специфическим, такие как знание населением английского языка или качество интернет-соединения) Эстония находится на уровне североевропейских стран, и противопоставляют эти достижения возможным негативным ассоциациям, связанным с «советским наследием», в частности коррупции [17, р. 192—193; 18, р. 356].

После обретения независимости наиболее видным проводником идеи Эстонии как североевропейской страны стал ее министр иностранных дел (1996—1998; 1999—2002) Т. Ильвес. В этом контексте знаковым является его выступление в Шведском институте международных отношений 14 декабря 1999 г.:

К сожалению, большинство, если не все люди за пределами Эстонии, говорят о чем-то под названием «Прибалтика».

<...>

Я думаю, что пришла пора отказаться от плохо подходящих, навязанных извне категорий. Пора признать, что мы имеем дело с тремя очень разными странами региона Прибалтики с совершенно разными родственными узлами. Не существует прибалтийской идентичности с общей культурой, языковой группой, религиозной традицией⁴.

Вместо Прибалтики Ильвес предложил связать региональную идентичность Эстонии с так называемым Йолеландом, концепцию которого он сформулировал в этом же выступлении. По мысли Ильвеса, этот регион должен включать в себя все страны, где существует традиция отмечать праздник середины зимы Йоль; помимо Эстонии это государства Скандинавии (Исландия, Норвегия, Швеция, Дания и Финляндия), а также Великобритания. Несложно заметить, что границы Йолеланда соответствуют некоторым современным трактовкам североевропейского географического ареала.

Помимо традиции празднования Йоля Ильвес выделил в качестве объединяющего фактора схожесть менталитета жителей Йолеланда:

Британцы, скандинавы, финны, эстонцы считают себя рациональными, логичными, не обремененными эмоциональными аргументами; мы деловые, упрямые и трудолюбивые. Наши южные соседи считают нас слишком сухими и серьезными, трюдоголиками, лишенными страсти и радости жизни⁵.

Как представляется, этот посыл был призван нащупать альтернативные способы укрепления восприятия Эстонии как части Северной Европы, так как если рассматривать Йолеланд с точки зрения уровня экономического развития и жизненных стандартов, то разница между Эстонией и другими государствами региона стала бы слишком очевидной. В конце концов предложенная Ильвесом

⁴ Estonia as a Nordic Country, 1999, *Ministry of Foreign Affairs of Estonia*, URL: <https://vm.ee/en/news/estonia-nordic-country> (дата обращения: 09.02.2022).

⁵ Ibid.

концепция не получила широкого распространения, но определенную роль в легитимации североевропейской идентичности Эстонии все же сыграла. Исследователь А. Пурс отмечает, что многие наблюдатели «не заметили попыток Ильвеса проявить юмор в речи», однако «его предложение... положило начало длительной дискуссии» [6, р. 10].

В то же время при более детальном рассмотрении политической риторики эстонского руководства подобный идентичностный эскапизм подводит нас к интересному парадоксу. Если Прибалтики не существует, то как объяснить, почему тот же Ильвес регулярно ассоциирует свою страну с этим регионом? К примеру, в упомянутом выше выступлении он заявляет: «То, что объединяет прибалтийские государства, почти полностью проистекает из общего несчастного опыта, навязанного нам извне: оккупации, депортации, аннексии, советизации, коллаборационизма, русификации»⁶. Впоследствии, уже занимая пост президента Эстонии (2006—2016), Ильвес делал выступления с сентенциями о борьбе «трех “прибалтийских мушкетеров”» за свободу⁷, о стремлении «народов Прибалтики» к обретению независимости⁸, об интеллектуальной и географической близости «прибалтийских стран»⁹, а также по многим другим сюжетам, где все три республики выступали элементами единого целого.

Данная работа призвана проанализировать этот парадокс и установить контекстуальную специфику маркирования эстонским руководством своей страны в качестве прибалтийского государства. Полученные результаты будут способствовать улучшению понимания эстонской политики путем получения ответа на вопрос, почему несмотря на постоянно артикулируемое желание избавиться от прибалтийского «ярлыка», он продолжает занимать важное место в национальном дискурсе.

Представляемое исследование состоит из пяти частей. Первая часть — введение и обзор литературы. Вторая часть посвящена анализу эволюции концепции региона в научном дискурсе и его операционализации в контексте задач исследования. В третьей части излагается методология проведения исследования. В четвертой приводятся описание и интерпретация полученных результатов. В пятой делаются заключительные выводы.

Регион — эволюция концепции и операционализация понятия

Одна из причин возникновения описанного выше парадокса — это то, что сам термин «регион» можно операционализировать по-разному. Говоря об отсутствии общей прибалтийской региональной идентичности, Ильвес апеллирует в первую очередь к формирующим ее материальным элементам — культуре, религии и языку¹⁰. С другой стороны, в этом же выступлении он говорит об «общем несчастном

⁶ Estonia as a Nordic Country, 1999, *Ministry of Foreign Affairs of Estonia*, URL: <https://vm.ee/en/news/estonia-nordic-country> (дата обращения: 09.02.2022).

⁷ Vabariigi President Eesti Vabariigi iseseisvuse taastamise 20. aastapäeva vastuvõtul Kadrioru roosiaias 19. augustil 2011, 2011, *Vabariigi President*, URL: <https://vp2006-2016.president.ee/et/ametitegevus/koned/6401-vabariigi-president-eesti-vabariigi-iseseisvuse-taastamise-20-aastapaeva-vastuvotul-kadrioru-roosiaias-19-augustil-2011/index.html> (дата обращения: 14.02.2022).

⁸ 25 aastat hiljem — ikka veel ei ühtne ega vaba, 2014, *Vabariigi President*, URL: <https://vp2006-2016.president.ee/et/ametitegevus/koned/10531-2014-09-09-07-14-54/index.html> (дата обращения: 14.02.2022).

⁹ President Toomas Hendrik Ilves riigiõhtusöögil Vilniuses 27 mail 2013, 2013, *Vabariigi President*, URL: <https://vp2006-2016.president.ee/et/ametitegevus/koned/9091-2013-05-27-16-59-54/index.html> (дата обращения: 14.02.2022).

¹⁰ В данном контексте под материальными факторами имеются в виду переменные, поддающиеся количественному измерению и сопоставлению.

опыте» Эстонии, Латвии и Литвы, тем самым все же признавая наличие неких нематериальных объединяющих факторов, и, в частности, эпизодов совместной истории.

Фактически противопоставляя одно другому, Ильвес делает вывод, что поскольку в материальном плане страны Прибалтики слишком сильно отличаются друг от друга, то сводить их в единый регион будет ошибкой. Однако для академической науки такое понимание является устаревшим. Сегодня регион как аналитическая категория основывается не на противопоставлении материальных и нематериальных факторов, а на их объединении в качестве операционных составляющих, формирующих это понятие. П. Катценштейн характеризует эту особенность следующим образом:

Они [регионы] представляют собой нечто большее, чем поток людей и товаров через физическое пространство, которое, как мы можем предположить, прямо и точно представлено на картографических изображениях. Регионы также являются социальными и когнитивными конструктами, укорененными в рамках повседневных практик [19, р. 129].

Более очевидный характер материальных факторов и связанная с этим относительная легкость их анализа предопределили то, что именно они стали первоочередными объектами для научного изучения. Такой фокус был характерен для представителей традиционной школы регионалистики¹¹.

Хрестоматийным пример — труд британского исследователя П. Хаггета «Пространственный анализ в общественной географии». В нем автор связывает установление факта существования того или иного региона с «последовательным выделением его региональных стержней и границ» [22, р. 254], под которыми понимаются различные переменные, поддающиеся измерению и сопоставлению, — климатические условия, ландшафт, экономическое развитие и т. д.

Хаггет и другие представители традиционной школы полагали, что регионы существуют объективно и могут быть «выявлены» путем определенной аналитической работы¹². При этом они практически не уделяли внимания «неформально признаваемым регионам», под которыми понимались, к примеру, различные исторические области. Хаггет называл такие феномены «интуитивно уместными», утверждая, что они «остаются отчетливыми только при взгляде издали и растворяются в новом ряду “характерных мест” при более пристальном рассмотрении» [22, р. 245].

Подобный позитивистский подход был крайне уязвим для критики в связи с его ограниченной эвристической ценностью. Так, исследователь Дж. Кимбл критиковал представителей традиционной школы, называя их работу попытками «определения несуществующих границ не имеющих значения территорий» и указывая на то, что реальные особенности жизни на местности всегда будут больше, «чем сумма всех измеримых частей, динамических или статических» [25, р. 159, 161]. Хаггет проблему признавал, но полноценного ответа на критику не сформулировал, подчеркнув, что регионы «продолжают оставаться одним из наиболее логичных и приемлемых способов организации географической информации» [22, р. 241].

Очевидно, что этот тезис мог восприниматься лишь как приглашение продолжить дискуссию. Важная работа была проделана представителями марксистской школы, установившими прямую связь между процессом регионализации и распределением капитала¹³. Видным представителем этого направления стал осно-

¹¹ Подробнее о традиционной школе регионалистики см. [20, р. 45—46; 21, р. 2—3].

¹² Подробнее о регионе как об объективном феномене см. [23; 24].

¹³ Подробнее о переосмыслении понятия «регион» в рамках марксистской школы см. [26, р. 4].

воположник мир-системной теории И. Валлерстайн, предложивший концепцию разделения географического пространства на регионы центра, периферии и полупериферии, исходя из особенностей установившихся в мире капиталистических отношений [27].

Однако подлинный прорыв в регионалистике был связан с развитием конструктивистского подхода, сторонники которого образовали так называемую новую школу¹⁴. В основе ее наработок лежит отход от восприятия региона в качестве элемента объективной реальности в пользу изучения различных движущих сил, оказывающих влияние на его возникновение и трансформацию. Иными словами, предметом изучения конструктивистов стали не столько сами регионы, сколько процессы, определяющие их формирование и эволюцию. Бельгийский исследователь Л. Ван Лангенхау характеризует эту особенность следующим образом: «Образование регионов — это всегда процесс. Регионы не создаются в одночасье, за ними стоит поэтапная последовательность с собственной внутренней динамикой и широким набором геополитических и экономических факторов» [28, р. 318]. Такой подход радикально отличался от концепции традиционной школы, представители которой полагали, что регионы определяются в соответствии с теми или иными формальными признаками.

В то же время будет неверным сказать, что представители новой школы полностью отрицали роль материальных факторов, сосредоточивая свое внимание исключительно на таких вопросах, как динамика развития региональных дискурсов или социальных практик. Скорее, наоборот, — в своих исследованиях они демонстрировали готовность сочетать нематериальные и материальные категории в тех пропорциях, которые диктовались необходимостью решения стоящих перед ними исследовательских задач. В этой связи возрос интерес к созданию комплексных моделей, отражающих процесс конструирования региона. На сегодняшний день наиболее продвинутой из них представляется модель «институционализации региона», предложенная финским исследователем А. Пааси [29; см. также: 30; 31].

Согласно этой модели, процесс конструирования региона состоит из четырех стадий: оформление территории, оформление символов, оформление институтов и функционирование. Эти стадии не обязательно следуют друг за другом, они могут идти в произвольном порядке или даже одновременно. Оформление территории подразумевает установление некоего ограниченного пространства, для которого характерны определенные объединяющие черты. Они либо возникают в результате исторического процесса, либо же просто определяются *ad hoc*. В свою очередь, границы такого пространства могут быть как «жесткими» (к примеру, установленными административно), так и «размытыми» (к примеру, если они связаны с природными условиями, культурой, ландшафтом, стереотипами о жителях и т. д.).

Оформление символов означает процесс создания смысловых образов, которые одновременно выражают и усиливают региональную идентичность. Важнейшим из них является название самого региона, озвучивание которого должно формировать определенный целостный образ как для его населения, так и для внешнего наблюдателя. К символам также относятся местные названия, отсылающие к общему прошлому и выделяющие членов одной группы на фоне других.

Оформление институтов подразумевает создание различных функциональных конструкций, сплачивающих регион в единое целое. К их числу относятся как формальные институты, такие как различные региональные организации и объединения, так и разнообразные неформальные практики, к примеру общие привычки населения или его специфическое восприятие вещей.

¹⁴ Подробнее о новой школе регионалистики см. [20, р. 47—49; 21, р. 3—6].

Наконец, функционирование региона предполагает, что он становится частью мирового пространства и коллективного сознания. Функционирующие регионы включаются в борьбу за ресурсы и власть, а их названия регулярно воспроизводятся в рамках различных дискурсов и социальных практик, распространенных в политике, экономике, массовых коммуникациях, культуре и образовании.

В соответствии с моделью Пааси готовность политиков воспроизводить название региона уже может считаться свидетельством его функционирования в качестве элемента мировой системы. Это обстоятельство позволяет предположить, что вокруг Прибалтики существует определенный контекст, при возникновении которого эстонские политики готовы как бы «забывать» о своей «исходной» североευропейской идентичности и позиционировать Эстонию в качестве прибалтийского государства. Для установления данного контекста и особенностей такого позиционирования автор предлагает обратиться к методологии контент-анализа.

Методология

В данной работе объектами контент-анализа являются официальные выступления президентов, премьер-министров и министров иностранных дел Эстонской Республики в период с 1 марта 2011 г. по 1 марта 2021 г.¹⁵ Такой выбор обусловлен тем, что политические деятели, занимающие данные должности, — с одной стороны, выразители смыслового содержания эстонской региональной идентичности, а с другой — агенты ее конструирования¹⁶. В свою очередь, их официальные выступления служат важными источниками, позволяющими судить об идентичностных представлениях как эстонской национальной элиты, так и, с известными допущениями, общества в целом.

С целью повышения качества исследования и минимизации возможных переводных искажений было принято решение использовать в работе эстоноязычные тексты официальных выступлений за исключением тех ситуаций, когда они оказывались недоступными; в этих случаях для анализа брались англоязычные тексты. Отбор корпуса исследуемых материалов производился вручную¹⁷ по трем категориям. В первую заносились тексты официальных выступлений, в которых мини-

¹⁵ В рамках данной работы под «официальным выступлением» понимается речь, произнесенная соответствующим политическим деятелем и зафиксированная в виде текста на официальном сайте (сайт президента Эстонии — <https://www.president.ee/>; сайт Правительства Эстонии — <https://www.valitsus.ee/>; сайт Министерства иностранных дел Эстонии — <https://vm.ee/en>). Таким образом, из исследовательской выборки исключены такие документы, как совместные заявления, декларации и меморандумы.

¹⁶ Согласно эстонской конституции президент страны является главой государства, а премьер-министр представляет правительство страны, которому принадлежит исполнительная власть (Конституция (основной закон) Эстонской Республики, 2011, *Riigikogu*, URL: https://www.riigikogu.ee/wpcms/wp-content/uploads/2015/02/3_Pohiseadus_VENE.pdf (дата обращения: 12.03.2022)). Таким образом политические деятели, занимающие данные должности, в силу своего статуса априори выступают важнейшими акторами как конструирования, так и выражения региональной идентичности государства. Включение в анализ министра иностранных дел обусловлено спецификой его должностных обязанностей, предопределяющих центральную роль государственного деятеля, занимающего данную должность, в осуществлении международного (и в том числе регионального) позиционирования страны.

¹⁷ В данном случае «вручную» означает, что при отборе не применялись инструменты автоматизированного анализа текстов. Таким образом, вся ответственность за возможные ошибки и искажения целиком и полностью лежит на исследователях, занимавшихся формированием выборки исследовательского материала, а также на авторе статьи.

мум единожды присутствовало какое-либо слово, образованное от корня *balti*, его производных¹⁸ или связанных с ним форм¹⁹. Вторую группу составили конкретные эпизоды употребления таких слов, иначе говоря — каждый отдельный случай их присутствия в тексте того или иного официального выступления. При этом внутри отдельных отрезков текстов речей (абзацев)²⁰, содержащих такие употребления, выявлялись ключевые слова, позволяющие судить об их контексте²¹. Третья категория формировалась путем вычленения из текстов первой группы отдельных словосочетаний, сложносоставных слов и аббревиатур, образованных с помощью корня *balti*.

Такой подход к формированию корпуса исследуемых материалов был мотивирован тем обстоятельством, что в эстонском языке слова, содержащие данный корень, имеют четкую смысловую привязку к странам Прибалтики (эст. *Baltimaad*). Исследователь из Тартуского университета П. Пииримяэ отмечает, что в эстонском языке слово *Baltimaad* используется именно в узком значении — «страны Прибалтики», подразумевая только Эстонию, Латвию и Литву, в то время как для определения более широкой категории стран региона Балтийского моря применяется другой термин — *Läänemere maad* (букв. перевод — *страны Западного моря*) [5, р. 67]. Предположительно слово *Baltimaad* произошло от немецкого названия региона Прибалтики — *Baltikum*. В пользу этой теории говорит тот факт, что в этом же значении *Baltikum* иногда используется и в эстонском языке.

При этом смысловая нагрузка термина *Baltikum* в немецком языке со временем менялась. Первоначально под ним понималась территория проживания балтийских немцев в примерных границах современных Эстонии и Латвии; в ходе Первой мировой войны им стали называть все северо-западные территории Российской империи, оккупированные войсками кайзеровской Германии; и лишь в послевоенное время оно приобрело свое современное значение²².

Для целей исследования контекст употребления слов, образованных от корня *balti*, был разбит на четыре категории: социально-экономические вопросы, политика и политическая история, оборона и безопасность, а также наука, культура и образование. Отнесение того или иного употребления к определенной контекстной категории производилось путем установления наличия в сопутствующем абзаце соответствующих ключевых слов.

Ключевыми словами для категории «социально-экономические вопросы» стали:

— экономика (эст. *majandus*), развитие человеческого потенциала (эст. *inimareng*), финансы (эст. *finants*, *rahamendus*), рынок (эст. *turg*), транспортная инфраструктура (эст. *transporditaristu*), интеграция (эст. *lõimimine*), rail (в значении *Rail Baltic*), энергетика (эст. *energia*), инновация (эст. *innovatsioon*), цифровой (эст. *digitaal*), социальный (эст. *sotsiaalne*), рабочая сила (эст. *tööjõud*), природа/окружающая среда (эст. *loodus*), трубопровод (эст. *torustik*), сланцевая промышленность (эст. *põlevkivitöödustus*), благосостояние (эст. *heaolu*), бизнес (англ. *business*), инвестиции (эст. *investeeringud*).

¹⁸ Среди таковых стоит выделить формы *balto* (употребляется, в частности, в названии региональной концепции «Балтоскандия») и *baltic* (употребляется, например, в названии эстонско-финского газопровода *Balticconnector*).

¹⁹ Среди таковых стоит выделить корень *baltikum*, который в эстонском языке употребляется в значении «Прибалтика».

²⁰ В рамках выполнения исследования авторы использовали абзацную разбивку оригинальных текстов официальных выступлений, размещенных на официальных сайтах.

²¹ В отдельных случаях для установления контекста были также проанализированы абзацы текста выступления, соседние тому, в котором было употреблено слово с корнем *balti*.

²² О трансформации значения слова *Baltikum* см. [18, р. 349; 32; 33].

Ключевыми словами для категории «политика и политическая история» стали:

— советский (эст. *nõukogude*), тоталитаризм (эст. *totalitaarsus*), свобода (эст. *vabadus*), независимость (эст. *iseseisvus*), оккупация (эст. *okupatsioon*), авторитаризм (эст. *autoritaarsus*), ценности (эст. *väärtused*), история (эст. *ajalugu*), пакт Молотова — Риббентропа (эст. *Molotovi — Ribbentropi pakt*), коммунизм (эст. *kommunism*), холодная война (эст. *külm sõda*), репрессии (эст. *repressioonid*), цепь (эст. *kett*; в значении Прибалтийская цепь, эст. *Balti kett*²³), призыв (эст. *apell*; в значении Прибалтийский призыв, эст. *Balti apell*²⁴), идентичность (эст. *identiteet*).

Ключевыми словами для категории «оборона и безопасность» стали:

— оборона (эст. *kaitse*), НАТО (эст. *NATO*), безопасность (эст. *julgeolek*), союзник (эст. *liitlane*), нападение (эст. *rünnak*), воздушное пространство (эст. *õhuruum*), вооруженные силы (эст. *relvajõud*), агрессия (эст. *agressioon*), сдерживание (эст. *heidutus*), вторжение (эст. *sissetung*).

Ключевыми словами для категории «наука, культура и образование» стали:

— образование (эст. *haridus*), литература (эст. *kirjandus*), язык (эст. *keel*), культура (эст. *kultuur*), театр (эст. *teater*), интеллектуал (эст. *intellektuaal*), праздник/фестиваль (эст. *pidu*), наука (эст. *teadus*), исследование (эст. *uuring*).

Стоит отметить, что избранная автором методика формирования корпуса исследуемых материалов сопряжена с определенными погрешностями. Причина их возникновения — то обстоятельство, что некоторые слова, содержащие корень *balti*, в своем сущностном выражении выходят за рамки прибалтийской территориальной привязки. Наиболее очевидный пример составляют попадающие в исследуемую выборку случаи употребления термина *балтийско-северные страны* (эст. *Pohja-Balti ruum*, *Balti-Põhjala piirkond* и т. д.), к которым помимо Эстонии, Латвии и Литвы также относятся пять государств Северной Европы: Исландия, Норвегия, Дания, Швеция и Финляндия. Если подходить еще более критично, то нельзя не отметить, что ряд таких слов олицетворяются физическими сущностями, располагающимися частично, а иногда и полностью за пределами территории прибалтийских стран. К примеру, газопровод *Balticconnector* связывает территории Эстонии и Финляндии. Маршрут планируемой железнодорожной магистрали *Rail Baltic* помимо прибалтийских стран проходит через Финляндию и Польшу, а также предусматривает строительство подземного тоннеля через Финский залив.

Однако отсеивание всех этих случаев повлекло бы за собой необоснованное усложнение исследовательской методологии. В этой связи было принято решение не вводить дополнительные условия и руководствоваться только озвученным выше правилом отбора единиц анализа на основе присутствия в их составе слов, образованных от корня *balti*.

²³ Прибалтийская цепь, или Прибалтийский путь, — состоявшаяся 23 августа 1989 г. мирная политическая акция, в ходе которой жители прибалтийских республик СССР выстроились в живую цепь от Таллина до Вильнюса общей протяженностью около 470 км. Мероприятие было приурочено к пятидесятилетию подписания советско-германского договора о ненападении (также известного как пакт Молотова — Риббентропа) и стало важным этапом на пути к последующему выходу Эстонии, Латвии и Литвы из состава союза.

²⁴ Прибалтийский призыв — открытое письмо 45 диссидентов из Эстонии, Латвии и Литвы к руководству ООН, Советского Союза, Восточной и Западной Германии, а также стран, подписавших Атлантическую хартию. Было отправлено 23 августа 1979 г., в сороковую годовщину подписания советско-германского договора о ненападении; требовало публичного раскрытия полного текста соглашения (включая секретный протокол), признания его недействительным и восстановления независимости прибалтийских советских республик. Призыв стал важной международной иллюстрацией сепаратистских настроений в Эстонии, Латвии и Литве; выдвинутые им требования были поддержаны резолюцией Европейского парламента, принятой в 1983 г.

Результаты

За период с 1 марта 2011 г. по 1 марта 2021 г. общее количество официальных выступлений президентов, премьер-министров и министров иностранных дел Эстонии, в которых минимум единожды присутствует какое-либо слово, образованное от корня *balti*, а также его производных или связанных с ним форм, составило 99 единиц; общее количество употреблений таких слов — 274 единицы; общее количество различных словосочетаний, сложносоставных слов и аббревиатур, образованных с помощью корня *balti*, — 33 (рис. 1).

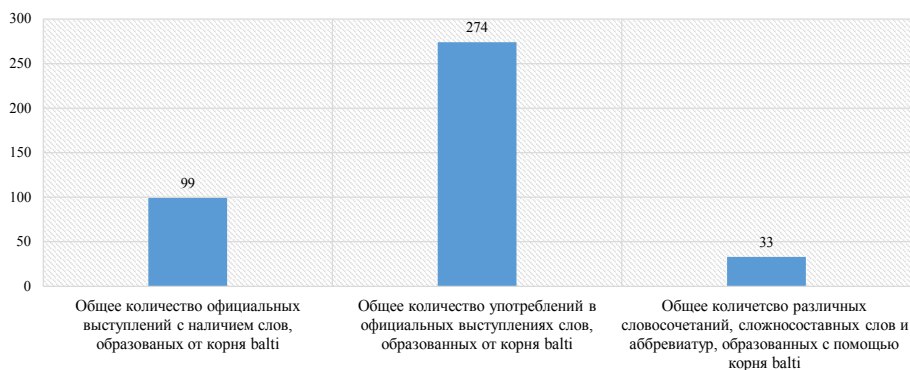

Рис. 1. Структура корпуса исследуемых материалов

Источник: здесь и далее рассчитано автором на основе данных, взятых с официальных сайтов президента Эстонии, Правительства Эстонии, Министерства иностранных дел Эстонии²⁵.

Распределение случаев употребления по контекстным категориям в абсолютных числах показано на рисунке 2, в процентном соотношении с округлением до целых значений — на рисунке 3. Стоит отметить, что поскольку один абзац текста мог содержать ключевые слова сразу из нескольких контекстных категорий, то суммарное количество употреблений, распределенных по таким категориям, получилось большим, чем общее число употреблений, показанное на рисунке 1.

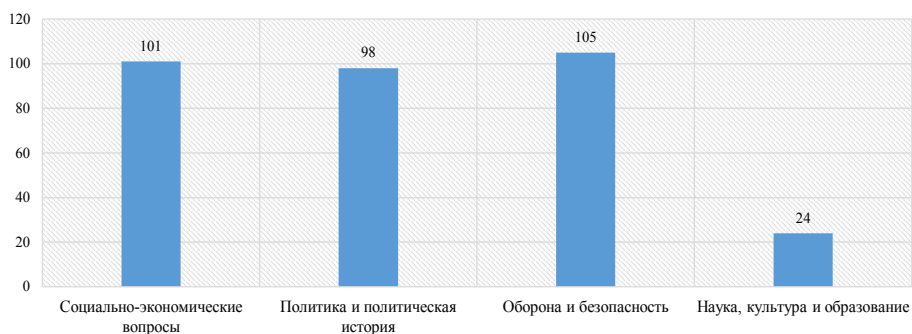

Рис. 2. Распределение случаев употребления слов, образованных от корня *balti*, по контекстным категориям, абсолютные цифры

²⁵ Vabariigi President, URL: <https://www.president.ee/>; Vabariigi Valitsus, URL: <https://www.valitsus.ee/>; Välisministeerium, URL: <https://vm.ee/en>.

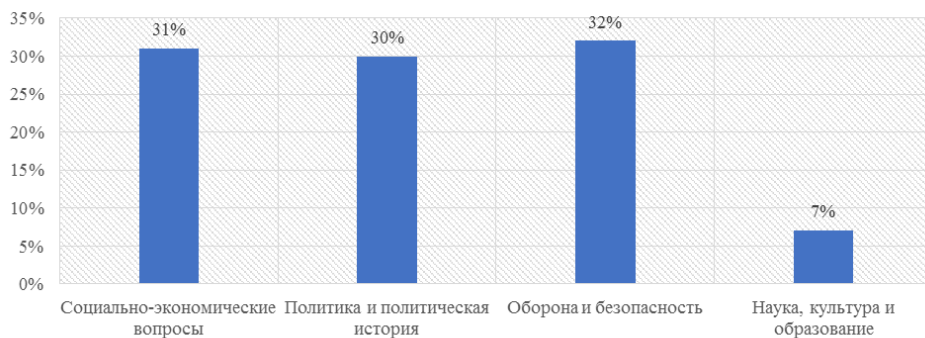

Рис. 3. Распределение случаев употребления слов, образованных от корня *balti*, по контекстным категориям, относительные значения

Различные словосочетания, сложносоставные слова и аббревиатуры, образованные с помощью корня *balti*, приводятся в таблице. Напротив каждого из них указано общее количество употреблений во всех официальных выступлениях за исследуемый период.

Перечень словосочетаний, сложносоставных слов и аббревиатур, образованных с помощью корня *balti*, встречающихся в корпусе исследуемых материалов

Прибалтийские государства / Прибалтийский регион (эст. <i>Balti riigid/Balti piirkond, Baltimaad, Baltikum, Balti region</i>)	104
Прибалтийская цепь / прибалтийский путь (эст. <i>Balti kett</i>)	26
Rail Baltic	23
Прибалтийское сотрудничество / сотрудничество прибалтийских стран (эст. <i>Balti riikide koostöö</i>)	17
Прибалтийский призыв (эст. <i>Balti apell</i>)	16
Прибалтийско-северный регион (эст. <i>Balti-Põhjala piirkond, Põhja- ja Baltimaad</i> , англ. <i>Nordic-Baltic region</i>)	15
Прибалтийско-северное сотрудничество (эст. <i>Põhja-Balti koostöö, Balti- ja Põhjamaade koostöö</i> , англ. <i>Nordic-Baltic cooperation</i>)	12
Прибалтийское воздушное патрулирование / обеспечение воздушной безопасности прибалтийских стран (эст. <i>Balti õhuturbemission</i> и схожие по значению выражения, англ. <i>Baltic air-policing mission</i>)	12
Прибалтийские немцы (эст. <i>Baltisakslased</i>)	6
Воздушное пространство прибалтийских стран (эст. <i>Balti riikide õhuruum</i>)	5
Balticconnector ²⁶	5
Прибалтийский оборонный колледж (эст. <i>Balti Kaitsekolledž</i>)	4
Прибалтийская энергосистема / электрические сети прибалтийских стран (эст. <i>Balti energiasüsteem / Balti riikide elektrivõrgud</i>)	4
Прибалтийские народы (эст. <i>Balti rahvad</i>)	3
Прибалтийская ассамблея (эст. <i>Balti Assamblee</i>)	2
Прибалтийско-польский регион (эст. <i>Balti-Poola region</i>)	2
Прибалтийский совет министров (эст. <i>Balti Ministrite Nõukogu</i>)	2
NordBalt ²⁷	1
Прибалтийско-северные экономические отношения (эст. <i>Põhja-Balti majandussuhted</i>)	1
Стокгольмский прибалтийский архив (эст. <i>Balti Arhiiv Stockholmis</i>)	1

²⁶ Balticconnector — двунаправленный газопровод, соединяющие территорию Эстонии и Финляндии.

²⁷ NordBalt — электрокабель, пролегающий по дну Балтийского моря и соединяющий энергосистемы Эстонии и Швеции.

Прибалтийская цифровая песочница (эст. <i>Balti digi-liivakast kokku</i>)	1
Прибалтийские мушкетеры (эст. <i>Balti musketärid</i>)	1
Прибалтийские соседи (эст. <i>Balti naabrid</i>)	1
Прибалтийская учительская семинария (эст. <i>Balti Õpetajate Seminar</i>)	1
Прибалтийские бароны (эст. <i>Balti parunid</i>)	1
Прибалтийский региональный терминал сжиженного природного газа (эст. <i>Balti regionaalne veedeldatud gaasi terminal</i>)	1
Baltic Ghost ²⁸	1
Прибалтийские подразделения (англ. <i>Baltic units</i>)	1
Baltic Workboats ²⁹	1
Прибалтийский зернопереработчик (эст. <i>Baltimaade teraviljatöötleja</i>)	1
Балтоскандия (эст. <i>Baltoskandia</i>)	1
Прибалтийский фланг НАТО (эст. <i>NATO Balti-tiib</i>)	1
Северные и прибалтийские соседи (эст. <i>Põhjala ja Balti naabrid</i>)	1
Общее число упоминаний	274

Данные, полученные по результатам контент-анализа, позволяют сделать следующие выводы. Как показано на рисунках 2 и 3, категории «социально-экономические вопросы», «политика и политическая история» а также «оборона и безопасность» имеют примерно равную представленность в «прибалтийском дискурсе» Эстонии. Однако их вклад в конструирование эстонского видения прибалтийской идентичности представляется различным. Причиной тому является высокая степень нарративной взаимосвязи между категориями «политика и политическая история» и «оборона и безопасность». В значимой части выступлений, попавших в эти группы, развиваются сразу два ключевых сюжета — о странах Прибалтики как о «жертвах советской оккупации» и об Эстонии, Латвии и Литве как о «восточном форпосте» Европы, НАТО, а в некоторых случаях и всей западной цивилизации перед лицом «российской угрозы». При этом второй сюжет как бы «вытекает» из первого, формируя единую логику рассуждения, которую можно выразить следующим образом: «Имея “негативный опыт” взаимоотношений с СССР, прибалтийские страны сегодня особенно остро нуждаются в укреплении своих обороны и безопасности в сотрудничестве со странами Запада перед лицом России».

Подобная логика подтверждает приводимый в первой части работы тезис М. Юркинаса о том, что советское наследие и озабоченность безопасностью в отношении России выступают фундаментом современной прибалтийской идентичности. В случае ее эстонского видения это высказывание также полностью справедливо. Тем не менее нельзя обойти стороной высокую степень присутствия в дискурсе категории «социально-экономические вопросы». Выступления политического руководства Эстонии свидетельствуют о наличии у него заинтересованности в развитии регионального сотрудничества по ряду соответствующих направлений, среди которых — укрепление внешнеэкономических связей стран Прибалтики, повышение их инвестиционной привлекательности, модернизация региональной транспортной инфраструктуры, усиление взаимодействия в информационно-технологической сфере. Однако в целом социально-экономическая категория характеризуется большим числом представленных сюжетов, среди которых сложно выделить однозначно доминирующий. Необходимо отметить, что значительную ее часть составляют вопросы обеспечения энергетической безопасности, пересекающиеся по своему содержанию с категорией «оборона и безопасность». Примечательно и то, что в социально-экономической плане Эстония зачастую противопоставляется Латвии

²⁸ Baltic Ghost — серия военных учений в области кибербезопасности с участием Эстонии, Латвии и Литвы, проводимых Европейским командованием Вооруженных сил США.

²⁹ Baltic Workboats — эстонская судостроительная компания.

и Литве как государство, которое с момента обретения независимости смогло достичь существенно больших успехов. При этом имплицитно подразумевается, что эти успехи подчеркивают право Эстонии в большей степени считаться северо-европейским государством, особенно в сравнении с Литвой, которую эстонские политики периодически классифицируют в качестве восточноевропейской страны.

Категория «наука, культура и образование» — наименее развита в рамках дискурса. Низкое количество употреблений, оказавшихся в данной контекстной категории, подтверждает тезис о том, что государства Прибалтики не представляют собой единого культурного, научного и образовательного пространства. Ситуация дополнительно усугубляется тем, что некоторые важные аспекты культурного взаимодействия прибалтийских стран (например, сотрудничество русских театров Эстонии, Латвии и Литвы) в силу очевидных причин остаются за рамками выступлений их политического руководства.

Наконец, необходимо отметить бедный институциональный и символический ландшафт прибалтийской идентичности в ее эстонском изложении. Как можно видеть, наиболее употребляемые эстонскими политиками словосочетания, сложные слова и аббревиатуры, образованные от корня *balti*, отсылают прежде всего к эпизодам совместной прибалтийской истории периода СССР (прибалтийский путь, прибалтийский призыв) либо к проблемам обеспечения обороны и безопасности Эстонии, Латвии и Литвы на современном этапе (прибалтийское воздушное патрулирование). Единственным примечательным словосочетанием, имеющим иной контекст, является железнодорожная магистраль *Rail Baltic*. Однако многочисленные проволочки с реализацией этого проекта, приведшие к его фактическому свертыванию, сегодня уже во многом дискредитировали некогда заложенный в него позитивный символический потенциал.

Примечательно также минимальное число упоминаний в выступлениях эстонских политиков существующих трехсторонних прибалтийских институтов, таких как Прибалтийская ассамблея или Прибалтийский совет министров. Это свидетельствует о том, что в реальной политической практике эстонские политики не придают им большого значения. Таким образом, дополнительное подтверждение получают выводы В. А. Оленченко и Н. М. Межевича о том, что деятельность обоих органов «носит большей частью протокольный характер» [34, с. 34], а также О. В. Коневских о роли Прибалтийской ассамблеи как «дополнительной площадки для встреч представителей трех государств», не являющейся «центральным местом для выработки единой политики стран-участниц» [35, с. 58].

Заключение

Как показал проведенный анализ, «прибалтийская идентичность» Эстонии является наиболее целостно применительно к комплексу взаимосвязанных сюжетов, касающихся советского наследия и обеспечения безопасности. Совокупно они составляют большую часть контекста, при возникновении которого эстонское политическое руководство готово отказаться от маркирования своей страны в качестве государства Северной Европы и актуализировать свою прибалтийскую идентичность. Подобная трансформация имеет как ценностную, так и инструментальную мотивацию. С одной стороны, стигматизация «советского наследия» выступает важным элементом укрепления национальной идентичности, понятным как собственному населению, так и внешним наблюдателям. С другой — она укрепляет репутацию прибалтийских стран как «специалистов по России», что несет практические преимущества — к примеру, усиливает их роль в формировании политики ЕС в отношении Москвы. При этом сама Россия является в «прибалтийском дискурсе»

Эстонии значимым другим, выступающим для руководства страны ключевым объектом опасений в области безопасности, что, в свою очередь, позволяет говорить о высокой степени секьюритизации данного дискурса.

В завершение стоит отметить, что проведенное исследование и изложенные выше выводы ни в коем случае не могут рассматриваться как исчерпывающая характеристика эстонского видения прибалтийской идентичности. Несмотря на то что политические элиты играют важную роль в конструировании региональной идентичности своего государства, на этом поле они далеко не единственные акторы. Остается большой потенциал для углубления данного исследования за счет анализа национального медиа-дискурса, образовательных практик, доктринальных политических документов, а также общественного мнения в целом³⁰. Важным направлением для проведения комплексного исследования феномена прибалтийской идентичности также будет изучение дискурса политических элит Латвии и Литвы. Как представляется, эти дискурсы будут иметь много общего с эстонским, однако, скорее всего, проявят и собственные уникальные черты.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-78-10159 «Феномен стратегической культуры в мировой политике: специфика влияния на политику безопасности (на примере государств Скандинавско-Балтийского региона)».

Автор выражает глубокую признательность за помощь в подготовке данной работы студенту 1-го курса магистратуры факультета международных отношений МГИМО МИД России М. В. Березину, директору Центра европейских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России В. В. Воротникову, старшему преподавателю кафедры языков стран Северной Европы и Балтии МГИМО МИД России А. В. Володиной, директору Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований МГИМО МИД России И. А. Окуневу, преподавателю кафедры прикладного анализа международных процессов МГИМО МИД России Н. Я. Неклюдову.

Автор также благодарит двух анонимных рецензентов за ценные комментарии, позволившие улучшить качество работы.

Список литературы

1. Бусыгина, И. М., Климович, С. А. 2017, Коалиция внутри коалиции: страны Балтии в Евросоюзе, *Балтийский регион*, т. 9, № 1, с. 7—26, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-1-1>.
2. Lehti, M. 2010, Baltic Europe. In: Dyson, K., Sepos, K. (eds.), *Which Europe? The Politics of Differentiated Integration*. New York: Palgrave Macmillan, p. 126—141.
3. Veemaa, J. 2010, Contextualizing 'Baltic Unity' in Estonian Post-Soviet Territorial Policies, *Journal of Baltic Studies*, vol. 41, № 1, p. 73—90.
4. Mälksoo, M. 2006, From Existential Politics Towards Normal Politics? The Baltic States in the Enlarged Europe, *Security Dialogue*, vol. 37, № 3, p. 275—297, <https://doi.org/10.1177/0967010606069180>.
5. Piirimäe, P. 2017, The Baltic. In: Mishkova, D., Trencsényi, B. (eds.), *European regions and boundaries: a conceptual history*, New York: Berghahn Books, p. 57—78.
6. Purs, A. 2014, *Baltic facades*. London: Reaktion Books.
7. Velmet, A. 2011, Occupied Identities: National Narratives in Baltic Museums of Occupations, *Journal of Baltic Studies*, vol. 42, № 2, p. 189—211, <https://doi.org/10.1080/01629778.2011.569065>.
8. Minoitaite, G. 2003, Convergent Geography and Divergent Identities: A decade of transformation in the Baltic states, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 16, № 2, p. 209—222, <https://doi.org/10.1080/09557570302047>.

³⁰ См., например, близкий по смыслу и содержанию анализ визуальных рядов продукции почтовых служб прибалтийских государств [36].

9. Berg, E. 2007, Where East Meets the West? Baltic States in Search of New Identity, In: Hayashi, T., Fukuda, H. (ed.), *Regions in Central and Eastern Europe: Past and Present*, Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, p. 49—67.
10. Jurkynas, M. 2021, Regional identities in Estonia, Latvia and Lithuania: being Baltic, looking North. *Problems of Post-Communism*, vol. 68, № 4, p. 327—338, <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1752254>.
11. Jurkynas, M. 2020, The Baltic World and Beyond. The View of the Baltic Presidents. In: Bogdanova, O., Makarychev, A. (eds.), *Baltic-Black Sea regionalisms: patchworks and networks at Europe's Eastern margins*, Cham, Springer, p. 89—116, <https://doi.org/10.1007/978-3-030-24878-9>.
12. Jurkynas, M. 2006, Trajectories of regional identities in Lithuania, Latvia and Estonia. In: *Lithuanian political science yearbook, 2005*. Vilnius: Institute of International Relations and Political Science at the Vilnius University, p. 224—254.
13. Bershidsky, L. 2017, Why the Baltics Want to Move to Another Part of Europe, *Bloomberg*, URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2017-01-10/why-the-baltics-want-to-move-to-another-part-of-europe> (дата обращения: 25.01.2022).
14. Маркушина, Н.Ю., Межевич, Н.М. 2018, Государства Прибалтики: специфика политико-географического позиционирования. В: *Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития северных и арктических регионов России: материалы Всероссийской научной конференции, Сыктывкар, Коми республиканская академия государственной службы и управления*, с. 110—117.
15. Laar, M. 2002, Estonia: little country that could, London, Centre for Research into Post-Communist Economies, 390 p.
16. Jordan, P. 2014, Nation branding: a tool for nationalism? *Journal of Baltic Studies*, vol. 45, № 3, p. 283—303, <https://doi.org/10.1080/01629778.2013.860609>.
17. Graney, K. 2019, *Russia, the former Soviet republics, and Europe since 1989: transformation and tragedy*, New York: Oxford University Press.
18. Brüggemann, K. 2003, Leaving the 'Baltic' States and 'Welcome to Estonia': Re-regionalising Estonian Identity, *European Review of History: Revue europeenne d'histoire*, vol. 10, № 2, p. 343—360, <https://doi.org/10.1080/1350748032000140831>.
19. Katzenstein, P. 2002, Area studies, regional studies and international relations, *Journal of East Asian Studies*, vol. 2, № 2, p. 127—137.
20. Jones, M. 2022, For a 'new new regional geography': plastic regions and more-than-relational regionality, *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, vol. 104, № 1, p. 43—58.
21. Paasi, A., Harrison, J., Jones, M. 2018, New consolidated regional geographies. In: Paasi, A., Harrison, J., Jones, M. (eds.), *Handbook on the geographies of regions and territories*, Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, p. 1—20.
22. Haggett, P. 1965, *Locational analysis in human geography*, London: Edward Arnold.
23. Blaut, J.M. 1962, Object and relationship, *The Professional Geographer*, vol. 14, № 6, p. 1—7, https://doi.org/10.1111/j.0033-0124.1962.146_1.x.
24. Minshull, R. 1967, *Regional geography: theory and practice*. New York: Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315128276>.
25. Kimble, G.H.T. 1951, The inadequacy of regional concept. In: Stamp, L.D., Woolridge, S.W. (eds.), *London Essays in Geography*. London: Longmans, Green and Co., p. 151—174.
26. Paasi, A., Metzger, J. 2017, Foregrounding the region, *Regional Studies*, vol. 51, № 1, p. 19—30, <https://doi.org/10.1080/00343404.2016.1239818>.
27. Wallerstein, I. 1979, *The capitalist world-economy*, New York: Cambridge University Press.
28. Van Langenhove, L. 2018, Comparing regionalism at supra-national level from the perspective of a statehood theory of regions, In: Paasi, A., Harrison, J., Jones, M. (eds.), *Handbook on the geographies of regions and territories*. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, p. 311—321.
29. Paasi, A. 2009, The resurgence of the 'Region' and 'Regional Identity': theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe, *Review of International Studies*, vol. 35, № S1, p. 121—146, <https://doi.org/10.1017/S0260210509008456>.
30. Paasi, A. 1986, The institutionalization of regions: a theoretical framework for understanding the emergence of regions and the constitution of regional identity, *Fennia*, vol. 164, № 1, p. 105—146.
31. Paasi, A. 1991, Deconstructing regions: notes on the scales of socio-spatial life. *Environment and Planning*, vol. 23, № 2, p. 239—254, <https://doi.org/10.1068/a230239>.

32. Baltikum, 2022, *Brockhaus Enzyklopädie*, URL: <https://brockhaus.de/ecs/permalink/578F6F3F8DDE9231F1A273A23A2778CA.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).

33. Baltikum, 2022, *Carl von Ossietzky Universität Oldenburg*, URL: <https://ome-lexikon.uni-oldenburg.de/regionen/baltikum> (дата обращения: 15.03.2022).

34. Оленченко, В. А., Межевич, Н. М. 2021, Вишеградская группа и Балтийская ассамблея: коалиции внутри Евросоюза в российском внешнеполитическом восприятии, *Балтийский регион*, т. 13, № 3, с. 25—41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-3-2>.

35. Коневских, О. В. 2022, Балтийская ассамблея: дискурс и ее роль на современном этапе, *Общество: политика, экономика, право*, № 5, с. 55—59, <https://doi.org/10.24158/per.2022.5.7>.

36. Воротников, В. В. 2021, Национальный исторический миф как элемент стратегических культур государств Балтии: на примере тематики почтовых марок, *История*, т. 12, № 7, <https://doi.org/10.18254/S207987840016559-3>.

Об авторе

Александр Дмитриевич Чеков, старший научный сотрудник, Институт международных исследований, МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: a.d.chekov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7425-6170>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ESTONIAN 'BAL TICNESS' AS A SOCIAL CONSTRUCT: MEANINGS AND CONTEXTUAL SPECIFICS

A. D. Chekov

MGIMO University 76, Vernadskogo Prospekt, Moscow,
1199454, Russia

Received 03 April 2022

Accepted 10 December 2022

doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-3

© Chekov, A. D., 2023

This paper explores the Estonian vision of Baltic identity. Estonia's authorities have repeatedly articulated their scepticism towards the concept of a stand-alone 'Baltic region' and the inclusion of Estonia in it, preferring to position their state as a Nordic country. Yet, in numerous cases, they have clearly labelled Estonia as a Baltic State. To identify the contexts and meanings labelling the country as a Baltic State, this contribution provides a content analysis of official speeches given by Estonia's political leadership. It is concluded that, despite the visibility of socioeconomic issues in the discourse, the most comprehensive image of Estonian 'Balticness' is constructed by interconnected narratives built around the Soviet past and the 'security threats' associated with Russia. The theoretical framework of regionalism, which allows one to consider the Baltics as a social construct rather than a set of material factors, provides an additional explanatory model.

Keywords:

Estonia, Baltic, Baltic States, identity, regionalism, constructivism

References

1. Busygina, I. M., Klimovich, S. A. 2017, A coalition within a coalition: the Baltics in the European Union, *Baltic region*, vol. 9, № 1, p. 7—26, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-1-1>.
2. Lehti, M. 2010, Baltic Europe. In: Dyson, K., Sepos, K. (eds.), *Which Europe? The Politics of Differentiated Integration*. New York: Palgrave Macmillan, p. 126—141.
3. Veemaa, J. 2010, Contextualizing 'Baltic Unity' in Estonian Post-Soviet Territorial Policies, *Journal of Baltic Studies*, vol. 41, № 1, p. 73—90.
4. Mälksoo, M. 2006. From Existential Politics Towards Normal Politics? The Baltic States in the Enlarged Europe, *Security Dialogue*, vol. 37, № 3, p. 275—297, <https://doi.org/10.1177/0967010606069180>.
5. Piirimäe, P. 2017. The Baltic. In: Mishkova, D., Trencsényi, B. (eds.), *European regions and boundaries: a conceptual history*, New York: Berghahn Books, p. 57—78.
6. Purs, A. 2014, *Baltic facades*. London: Reaktion Books.
7. Velmet, A. 2011, Occupied Identities: National Narratives in Baltic Museums of Occupations, *Journal of Baltic Studies*, vol. 42, № 2, p. 189—211, <https://doi.org/10.1080/01629778.2011.569065>.
8. Minoitaite, G. 2003, Convergent Geography and Divergent Identities: A decade of transformation in the Baltic states, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 16, № 2, p. 209—222, <https://doi.org/10.1080/09557570302047>.
9. Berg, E. 2007, Where East Meets the West? Baltic States in Search of New Identity, In: Hayashi, T., Fukuda, H. (ed.), *Regions in Central and Eastern Europe: Past and Present*, Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, p. 49—67.
10. Jurkynas, M. 2021, Regional identities in Estonia, Latvia and Lithuania: being Baltic, looking North. *Problems of Post-Communism*, vol. 68, № 4, p. 327—338, <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1752254>.
11. Jurkynas, M. 2020, The Baltic World and Beyond. The View of the Baltic Presidents. In: Bogdanova, O., Makarychev, A. (eds.), *Baltic-Black Sea regionalisms: patchworks and networks at Europe's Eastern margins*, Cham, Springer, p. 89—116, <https://doi.org/10.1007/978-3-030-24878-9>.
12. Jurkynas, M. 2006, Trajectories of regional identities in Lithuania, Latvia and Estonia. In: *Lithuanian political science yearbook, 2005*. Vilnius: Institute of International Relations and Political Science at the Vilnius University, p. 224—254.
13. Bershidsky, L. 2017, Why the Baltics Want to Move to Another Part of Europe, *Bloomberg*, URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2017-01-10/why-the-baltics-want-to-move-to-another-part-of-europe> (accessed 25.01.2022).
14. Markushina, N. Yu., Mezhevich, N. M. 2018, The Baltic States: Specifics of Political and Geographical Positioning. In: *Socio-Economic, Political and Historical Aspects of the Development of Northern and Arctic Regions of Russia: Materials of the All-Russian Scientific Conference, Syktyvkar, 17—18 October 2018*, Syktyvkar: Komi Republican Academy of State Service and Management, p. 110—117.
15. Laar, M. 2002, Estonia: little country that could, London, Centre for Research into Post-Communist Economies, 390 p.
16. Jordan, P. 2014, Nation branding: a tool for nationalism? *Journal of Baltic Studies*, vol. 45, № 3, p. 283—303, <https://doi.org/10.1080/01629778.2013.860609>.
17. Graney, K. 2019, *Russia, the former Soviet republics, and Europe since 1989: transformation and tragedy*, New York: Oxford University Press.
18. Brüggemann, K. 2003, Leaving the 'Baltic' States and 'Welcome to Estonia': Re-regionalising Estonian Identity, *European Review of History: Revue européenne d'histoire*, vol. 10, № 2, p. 343—360, <https://doi.org/10.1080/1350748032000140831>.
19. Katzenstein, P. 2002, Area studies, regional studies and international relations, *Journal of East Asian Studies*, vol. 2, № 2, p. 127—137.
20. Jones, M. 2022, For a 'new new regional geography': plastic regions and more-than-relational regionality, *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, vol. 104, № 1, p. 43—58.
21. Paasi, A., Harrison, J., Jones, M. 2018, New consolidated regional geographies. In: Paasi, A., Harrison, J., Jones, M. (eds.), *Handbook on the geographies of regions and territories*, Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, p. 1—20.

22. Haggett, P. 1965, *Locational analysis in human geography*, London: Edward Arnold.
23. Blaut, J.M. 1962, Object and relationship, *The Professional Geographer*, vol. 14, № 6, p. 1–7, https://doi.org/10.1111/j.0033-0124.1962.146_1.x.
24. Minshull, R. 1967, *Regional geography: theory and practice*. New York: Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315128276>.
25. Kimble, G.H.T. 1951, The inadequacy of regional concept. In: Stamp, L.D., Woolridge, S.W. (eds.), *London Essays in Geography*. London: Longmans, Green and Co., p. 151–174.
26. Paasi, A., Metzger, J. 2017, Foregrounding the region, *Regional Studies*, vol. 51, № 1, p. 19–30, <https://doi.org/10.1080/00343404.2016.1239818>.
27. Wallerstein, I. 1979, *The capitalist world-economy*, New York: Cambridge University Press.
28. Van Langenhove, L. 2018, Comparing regionalism at supra-national level from the perspective of a statehood theory of regions, In: Paasi, A., Harrison, J., Jones, M. (eds.), *Handbook on the geographies of regions and territories*. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, p. 311–321.
29. Paasi, A. 2009, The resurgence of the ‘Region’ and ‘Regional Identity’: theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe, *Review of International Studies*, vol. 35, № S1, p. 121–146, <https://doi.org/10.1017/S0260210509008456>.
30. Paasi, A. 1986, The institutionalization of regions: a theoretical framework for understanding the emergence of regions and the constitution of regional identity, *Fennia*, vol. 164, № 1, p. 105–146.
31. Paasi, A. 1991, Deconstructing regions: notes on the scales of socio-spatial life, *Environment and Planning*, vol. 23, № 2, p. 239–254, <https://doi.org/10.1068/a230239>.
32. Baltikum, 2022, *Brockhaus Enzyklopädie*, URL: <https://brockhaus.de/ecs/permalink/578F6F3F8DDE9231F1A273A23A2778CA.pdf> (accessed 15.03.2022).
33. Baltikum, 2022, *Carl von Ossietzky Universität Oldenburg*, URL: <https://ome-lexikon.uni-oldenburg.de/regionen/baltikum> (accessed 15.03.2022).
34. Olenchenko, V.A., Mezhevich, N.M. 2021, The Visegrad Group and the Baltic Assembly: coalitions within the EU as seen through Russian foreign policy, *Baltic region*, vol. 13, № 3, p. 25–41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-3-2>.
35. Konevskikh, O.V. 2022, Baltic Assembly: discourse and its role at the present stage, *Society: Politics, Economics, Law*, № 5, p. 55–59, <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.7>.
36. Vorotnikov, V.V. 2021, National Historical Myth as an Element of the Baltic States’ Strategic Cultures: Examining Postage Stamps, *Istoriya*, vol. 12, № 7, <https://doi.org/10.18254/S207987840016559-3>.

The author

Alexander D. Chekov, Senior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University, Russia

E-mail: a.d.chekov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7425-6170>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

РЕПУТАЦИОННОЕ ЯДРО РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ

Н. Н. Розанова

Смоленский государственный университет,
214000, Россия, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Поступила в редакцию 27.09.2022 г.
Принята к публикации 27.12.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-4
© Розанова Н. Н., 2023

Значимость исследования репутации крупных институциональных политических субъектов связана, с одной стороны, со становлением единой системы публичной власти, с другой — с высокой социальной ориентацией категории репутации власти, отражающей ценностное отношение к власти граждан. Статья представляет результаты исследовательского проекта по изучению репутации российской власти. Рассматривается репутация ее уровней и ветвей на примере репутации региональной исполнительной власти. Ставится задача — определить особенности ее репутационного ядра, в том числе через сравнение с собирательной категорией «репутация российской власти», под которой понимается государственная и муниципальная власть Российской Федерации в целом. Основными стали методы социологического исследования — экспертная оценка и массовый опрос населения шести регионов Центральной России. Выявляются характеристики репутационного ядра с учетом его специфики в разных регионах. По результатам теоретического и эмпирического этапов исследования предложен авторский подход к определению структуры концептуального поля, единого для репутации российской и региональной исполнительной власти. Стержневая основа данного поля — многосоставное репутационное ядро. Определено преобладание интегрирующих признаков и характеристик в репутационном ядре российской и региональной исполнительной власти. Так, среди приоритетных репутационных характеристик как российской, так и региональной исполнительной власти выделяются честность, ответственность, справедливость, забота о народе, его защита. Установлено, что дифференцирующие признаки как таковые отсутствуют, меняется степень интенсивности проявления интегрирующих признаков для репутации региональной исполнительной власти. Ярче выражены ценностная основа отношения к власти, система ожиданий от власти, значимость личного опыта взаимодействия, восприятие власти по реальным делам. Репутацию региональной исполнительной власти отличает меньшая устойчивость характеристик ближней периферии и большая динамичность характеристик дальней и крайней периферии, особенно на уровне конкретных регионов.

Ключевые слова:

репутация власти, репутационное ядро, российская власть, региональная исполнительная власть, концепт, концептуальное поле

Введение

Отчуждение граждан от власти как характерная черта национальной социально-политической действительности [1, с. 552] актуализирует задачу наращивания внутривластного доверия (особенно в условиях внешнеполитических вызовов) в качестве основы для консолидации усилий государства и общества, преодоления

Для цитирования: Розанова Н. Н. Репутационное ядро российской власти: особенности регионального уровня // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 1. С. 52–77. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-4.

ценностного разрыва между властью и обществом, выстраивания партнерской модели их взаимодействия. Выступая одной из ключевых составляющих национального символического капитала, нематериальным ресурсом развития системы государственного и муниципального управления, репутация российской власти в существенной мере предопределяет как успешность политических, экономических и социальных позиций власти, так и в целом конкурентоспособность и эффективность развития государства. Исследователи отмечают наличие у граждан запроса на моральность в политике, создающую потенциал ценностного согласия между властью и обществом. Морально-нравственные принципы и нормы, обеспечивая социальную сплоченность общества, препятствуют отчуждению людей от власти и стимулируют их на участие в социальной жизни [2, с. 44–46].

Репутация, отражая ценностное отношение населения к власти, является своего рода ее «краеугольным камнем» [3, с. 50–56], одним из ее источников. Прочная репутация позволяет *использовать официальные полномочия без злоупотребления ими*, помогает применять власть, не нарушая сложившегося взаимного доверия [4]. Институт репутации в российском политическом пространстве находит свое отражение и в общественно-политическом дискурсе. Проблема формирования репутации, социальная ценность, важность как инструмента власти и влияния отмечается специалистами-практиками (см., напр., [5; 6]). «Эпоха репутации» определяет необходимость управления ею в государственном управлении в силу значимости развития демократических практик, с которыми связаны прозрачность, управление эффективностью и участие граждан, создающие положительную репутацию [7, р. 418].

Цель данной статьи — выявление особенностей репутационного ядра российской власти на региональном уровне (на примере региональной исполнительной власти) с учетом социально-экономического фактора его формирования в регионах РФ. Данная цель связана с решением фундаментальной научной проблемы — разработкой и обоснованием методологии исследования концепта «репутация российской власти», позволяющей в прикладном аспекте определить вектор наращивания потенциала внутривластного доверия и единства власти и общества.

Определение особенностей репутационного ядра региональной исполнительной власти проводится в рамках изучения единого концепта «репутация власти», под которым понимается репутация российской власти в целом (государственная и муниципальная власть Российской Федерации — концепт «репутация российской власти»), репутация различных уровней (федеральная, региональная, муниципальная) и ветвей (законодательная, исполнительная, судебная) российской власти (на примере репутации региональной исполнительной власти — концепт «репутация региональной исполнительной власти»). Заметим, что специфика репутационного ядра региональной исполнительной власти устанавливается в процессе сравнения с репутацией российской власти в целом.

Теоретические основы исследования

Основным научным подходом стал институциональный (неоинституциональный), актуализированный в качестве методологической парадигмы современной науки (и даже универсального интегратора разных дисциплин социального знания [8]) и изучающий политические явления и процессы с учетом взаимозависимости социальных и политических институтов [9]. В контексте проводимого исследования первоочередное значение имеет концепция институциональной логики (скорее, ее лингво-семиотического варианта [10, с. 127] — системы культурных элементов (ценности, убеждения, ожидания), которые задают вектор повседневной деятельности, позволяют осмысливать, оценивать и организовывать ее во времени и про-

странстве [11, р. 1—2]. Принципиальным является сдвиг фокуса исследований от анализа акторов к выяснению их интересов и предпочтений выбора [12, с. 209]. Легитимация действий связана с обоснованием собственного выбора и своей линии поведения в глазах других и общественного мнения [13, с. 126]. Как отмечает Ю. В. Ирхин, благодаря неоинституционализму можно вести речь о политических и иных институтах с более широких компаративистских, ценностных, этических и социологических позиций, видеть их внутренние причины и цели деятельности, определять качество институтов и возможности их трансформации [14, с. 38—39].

Среди направлений (нео)институционализма (см., напр., [15—17]) наиболее актуален для данного исследования социологический институционализм. Институты в социологическом понимании являются метарепрезентациями — не только репрезентациями объектов в человеческом мозге, но и репрезентациями репрезентаций, укорененными в установках [18, с. 120]. Рациональность социально сконструирована и культурно и исторически обусловлена. Она определяется институтами, рассматриваемыми как нормы, когнитивные рамки и системы значений, которые направляют человеческие действия, формируют идентичность, а также культурные сценарии и схемы, служащие символическим целям, а не просто утилитарным [19, р. 125—126]. Для социологического институционализма в качестве объяснительной модели характерны более гибкие категориальные схемы, позволяющие уточнять используемые концепты, разрабатывать новые, фиксирующие те феномены эмпирической реальности, которым прежде не придавалось существенного значения [20, с. 40]. М. Ю. Барбашин отмечает, что неоинституциональный анализ должен обнаружить «спрятанные институты» и раскрыть их позитивный потенциал для сообществ [21, с. 100]. При этом особую роль приобретают неформальные институты: «Их наличие в одних обществах и отсутствие в других в конечном итоге определяет, будут ли достигнуты сотрудничество и координация, а также обеспечен рост благосостояния... Формальные институты имеют значение, но неформальные институты правят» [22].

К таким неформальным, своего рода «спрятанным институтам» можно отнести и репутацию, которая в нашей стране только приобретает институциональную форму. Прежде всего становление института репутации связано с развитием деловой среды (см., напр., [23; 24]). В гражданском [25—27] и служебном праве [28] он приобретает формальные основания. В то же время, несмотря на наличие спектра российских исследований репутации в социально-политическом контексте в целом и репутации политических субъектов в частности (работы М. Г. Анохина, И. С. Важниной, А. Р. Галлямова, Н. Е. Гранкина, О. Е. Гришина, Е. В. Коган, А. Ю. Кошмаров, З. Р. Мингазовой, А. Э. Рудаковой, Л. Н. Тимофеевой, А. Ю. Трубецкого, Н. В. Устиновой, И. Г. Харламова и др.), требует своего дальнейшего изучения репутация российской власти как многосоставного институционального субъекта, особенно в свете конституционной новеллы о единстве публичной власти [29].

Автором предпринимается попытка разработки и обоснования методологии репутационного подхода к изучению российской власти¹. Основная цель создания институтов — возможность агрегирования социальных интересов, упорядочение общественных связей и обеспечение политической стабильности [31, с. 139]. Отношение общества к политическим институтам и системе власти в целом не просто влияет на политическую стабильность, а выступает индикатором устойчивости политической системы [32, с. 171]. Репутацию можно рассматривать в качестве интегрального показателя социальной эффективности власти, обеспечивающего политическую стабильность.

¹ См., напр., [30].

Репутационный подход реализуется при изучении политической элиты, построении рейтингов репутации политиков, стран мира. Например, рейтинг репутации стран мира проводится международной консалтинговой компанией RepTrak Company на основе изучения общественного мнения. В отдельный блок критериев выделена эффективность правительства [33, р. 63]. Первым репутационный метод для изучения правящей элиты применил американский социолог Флойд Хантер. Субъекты власти определяются посредством экспертных оценок по их репутации, то есть по субъективному мнению людей о позиции конкретного лица в системе власти, о его возможностях влиять на политические процессы в общности, принимать стратегические решения. Так, например, для выявления ключевых источников репутации норвежских мэров проводились интервью как с ними, так и с их партнерами по работе и представителями оппозиционных партий [34]. Репутационный метод используется и российскими исследователями (см., напр., [35]). В отечественной практике рейтинг репутаций губернаторов публикует сервис измерения репутации PRAVDASERM².

Международный опыт изучения репутации власти преимущественно основан на подходах, транслируемых на весь государственный сектор (public sector reputation, public agencies, public organisations) в его широком понимании, включая и органы власти. Используется понятие так называемой бюрократической репутации (bureaucratic reputation), об отсутствии в литературе единого определения которой говорит Эдгар О. Бустос [36]. Основными методами являются социологические [37—42], при этом исследователи отмечают недостаточность эмпирических исследований [43]. Изучаются различные аспекты репутации власти: репутационные стратегии в политике отдельных государств [44], применение репутационного подхода для изучения регулирующих органов Европейского союза [45], управление репутацией антикоррупционных агентств [46], влияние репутации на осуществление контроля административной политики и подотчетность представительным органам [47], связь между эффективностью антикризисных коммуникационных стратегий организаций сферы публичного управления и мнением граждан об их репутации [48], зависимость репутации правительственных учреждений от восприятия не только внешней, но и внутренней аудитории — государственных служащих [49] и др.

Изучение репутации власти представляется актуальным и с позиции исторического институционализма, одним из ключевых понятий которого является «траектория предшествующего развития» (path dependency) институтов [19]. Ее образует комплекс препятствующих формированию политического в России, возникновению политики современного типа институциональных проблем, среди которых — наличие институциональных ловушек [50, с. 20; 51]. Неформальные правила лежат в основе социальной инерции [52, с. 97]. Выступая неформальным ценностным институтом, репутация власти позволяет судить о степени либо углубления, либо ослабления действия «эффекта колеи» в развитии той или иной территории [53, с. 156]. Одна из причин поддержки в России bad governance — «недостойного правления», рассматриваемого как «колея» (укорененная в русской истории неэффективная государственная машина), — унаследованная «культурная матрица» [54, с. 96—97]. Ее частью является репутация как своего рода ценностное измерение власти. Положительная репутация определяет высокую поддержку деятельности власти и ее идентификацию («это моя / наша власть»). Репутацию российской власти можно рассматривать в контексте изучения политической идентичности как соотнесенности граждан с политическими институтами, их вовлеченности в по-

² PRAVDASERM. Сервис измерения репутации, URL: <http://pravdaserm.com> (дата обращения: 05.09.2022).

литико-институциональное взаимодействие, утверждение которой происходит в процессе выбора, при сопоставлении собственных представлений о приоритетах общественного развития с идейными ориентирами и целями политических акторов [55, с. 7–8]. Хорошая репутация дает возможность идентифицировать субъект с помощью ценностей / идентичностей, обладающих сильной социальной легитимностью [34].

Методы исследования

Основной метод построения рабочей модели репутации власти — концептуальный анализ [56]. Эмпирическая апробация данной модели проходила в два этапа. Последовательно, в течение августа — ноября 2021 г. были проведены экспертный анкетный опрос [57–62] (N = 15, ведущие ученые и практики в области политологии, социологии, связей с общественностью, выборка по типу «снежного кома»³) и массовый опрос населения шести регионов Центрального федерального округа Российской Федерации (N = 1500 человек, выборка гнездовая, квотирована по полу, возрасту, территории проживания, по данным Росстата⁴, ошибка выборки — 2,53 %).

Выбор регионов связан с задачами изучения зависимости содержания концепта «репутация власти» от уровня их социально-экономического развития: выделены регионы, сопоставимые территориально (в рамках одного федерального округа, исключая столичный регион) и по основным параметрам развития: Смоленская, Брянская и Орловская области (средний уровень развития, по ряду параметров ближе к низкому; низкая динамика) и Белгородская, Калужская и Липецкая области (высокий уровень развития; высокая динамика). Поскольку уровень развития регионов — условный синтетический критерий, то по результатам изучения многообразия классификаций регионов, с учетом объективной сложности однозначного выбора одной из них и исходя из целей исследования, сопряженных с мониторингом и оценкой успешности проведения властью региональной политики, отбор основывался на комплексном анализе их позиций в региональных рейтингах [63, с. 30], ориентированных на социальные приоритеты⁵.

³ Среди экспертов — ученые МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, РАНХиГС при Президенте РФ, РУДН (RUDN University), Финансового университета при Правительстве РФ, Института социологии ФНИСЦ РАН и др. (10 докторов и кандидатов наук), руководители и члены профессиональных ассоциаций, исследовательских центров, эксперты, политконсультанты, политтехнологи (РАПН, РАПК, ИНСОМАР, РАСО, «Международный пресс-клуб», ЦИК «Рейтинг», ИнтерМедиаКом Исследовательский центр «Дискурс», ООО «Центр политического анализа») со средним опытом работы 15–20 лет.

⁴ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года, 2021, *Статистический бюллетень*, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-рv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 02.08.2021) ; Численность постоянного населения в среднем за год, *ЕМИСС, государственная статистика*, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 02.08.2021).

⁵ Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2021, 2022, *РИА Рейтинг* URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2021.pdf (дата обращения: 10.04.2021) ; Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2020 г., 2021, *РИА Рейтинг*, URL: <https://riarating.ru/regions/20210531/630201367.html> (дата обращения: 05.06.2021) ; Рейтинг регионов по уровню благосостояния семей — 2020, 2021, *РИА Новости*, URL: <https://ria.ru/20210615/blagosostoyanie-1736684198.html> (дата обращения: 20.06.2021) ; Индекс человеческого развития в России: региональные различия, 2021, 2021, Аналитический центр при Правительстве РФ, URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_short.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

Результаты исследования

В рамках настоящей статьи представим результаты проверки следующих рабочих гипотез исследования.

1. Ядро концепта «репутация власти» едино для концептов «репутация российской власти» и «репутация региональной исполнительной власти». Содержание концептов может различаться в части периферийных признаков, которые зависят от особенностей деятельности определенного уровня / ветви власти. Важно определить степень тождественности концептов: ядро и периферия; интегрирующие и дифференцирующие признаки, структурирующие поле концепта (интегрирующие признаки формируют ядро концепта — «репутация власти»; дифференцирующие зависят от уровня и ветви власти).

2. Содержательно единый концепт «репутация власти» состоит из двух принципиальных блоков. Институциональный включает качественные характеристики власти, исходящие из ее предназначения — служение народу (интегрирующая характеристика блока). В составе деятельностного блока — функциональные характеристики, которые отражают предмет и основные направления деятельности власти, ее результативность / эффективность (интегрирующая характеристика блока). Данное, впрочем довольно условное разделение, позволяет определить степень значимости ценностного (институциональный блок) или прагматического (деятельностный) содержания репутации. Делается предположение о том, что содержание концептов «репутация российской власти» и «репутация региональной исполнительной власти» едино в части выделения обозначенных блоков.

3. Уровень развития региона Российской Федерации может оказывать влияние на существенные признаки и содержание концептов.

1. Структура концептуального поля репутации власти.

Для концепта «репутация власти» предложена единая структура информационного поля, характерная как для репутации российской власти в целом, так и для репутации региональной исполнительной власти. Она определена общими принципами семантико-когнитивного подхода к изучению концептов З.Д. Поповой и И.А. Стернина⁶. Логика проводимого исследования, а также определенная доля свободы в части моделирования концептов, особенно при изучении новых, ранее не определенных концептов, позволили с известной долей условности выделить в структуре концепта два ядра:

— базовое, которое составляет смысловое поле концепта «репутация», включает категориальную основу (дефиницию имени концепта «репутация») и околядерную зону (существенные признаки репутации). В данном случае мы хотели подчеркнуть двуслойность самого феномена репутации. В более традиционном понимании околядерную зону следует выделить в качестве самостоятельного «слоя», тогда ее следует рассматривать как полупериферию;

— содержательное, которое включает содержательные характеристики концепта; фактически его можно рассматривать как периферию по отношению к базовому ядру. В нем выделяется основа — наиболее значимые / приоритетные содержательные характеристики репутации власти. Они относительно устойчивы в силу их разделения большинством, составляют ближнюю периферию базового ядра. Дальняя периферия — менее значимые динамичные содержательные характеристики, которые больше подвержены многофакторному влиянию. Также можно выделить крайнюю периферию — характеристики, имеющие еще меньшую значимость и при этом большую «подвижность».

⁶ В структуре концепта выделяются три компонента: чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле [64, с. 74—81]. Рассматривается информационный компонент концепта, включающий основные, наиболее важные отличительные черты.

В концептуальное поле по результатам экспертной оценки были включены историко-культурные характеристики, составляющие особенности национальной модели государственности и формирующиеся под влиянием макрополя концепта «российская власть». На настоящий момент — это рабочий, требующего дальнейшего изучения структурный элемент поля.

2. *Степень единства концептов «репутация российской власти» и «репутация разных уровней и ветвей российской власти».*

Прежде чем перейти к содержательному «наполнению» ядра региональной исполнительной власти, рассмотрим принципиальную степень тождественности концептов. Как экспертам, так и населению был задан соответствующий вопрос: «Можно ли сказать, что указанные выше концептуальные признаки (для массового опроса населения — характеристики) в равной степени могут относиться ко всем уровням и ветвям российской власти?» Поясним, что эксперты до этого выделили сущностные признаки и содержательные характеристики применительно к репутации российской власти. Соответственно, они легли в основу того перечня характеристик, который был предложен для выбора населению пилотных регионов ЦФО РФ. Далее он будет представлен в части сравнения содержания репутации региональной исполнительной и российской власти (см. п. 5).

В массовом опросе населения 82 % респондентов согласились с тем, что определенные ими характеристики репутации российской власти в целом относятся к репутации разных ее уровней и ветвей. Для экспертов вопрос был открытым, с возможностью соответствующих комментариев в части наличия интегрирующих и дифференцирующих признаков, специфичных для различных уровней и ветвей власти.

подавляющее большинство экспертов склонно однозначно транслировать признаки, характеристики репутации российской власти на разные ее ветви и уровни («выделенные характеристики вполне универсальны»). Крайнюю позицию высказал только один эксперт: «Нет, на всех уровнях присутствует своя специфика, в зависимости от уровня и направления деятельности».

Среди обосновывающих единство тезисов экспертов выделяют следующие: «поскольку природа власти одинакова вне зависимости от ее ветви или уровня», «поскольку стиль политического поведения властей транслируется с вышестоящих уровней власти на нижестоящие». Существенным аспектом, по мнению экспертов, является восприятие гражданами на бытовом уровне власти как единого целого («это общие требования граждан к системе управления страной во всех уровнях власти, «особой дифференциации в зависимости от уровня граждане не проводят»). Также обозначим мнение одного из экспертов о единстве понимания в силу наличия общей, конституционно закрепленной системы публичной власти и высокой зависимости от главы государства: «Сейчас в Конституции ввели термин публичная власть. Суть в том, что населению все равно, кому вы подчиняетесь, к кому относитесь, — вы выступаете от лица власти, вы те, которые подчиняются Путину и все. Для населения условно то, что вы говорите, говорит Путин. Поэтому разделения у населения нет на региональную, федеральную, муниципальную власть, федеральные подразделения в регионах, госкорпорации и т. д. По большому счету это им не надо. Это люди, которые принимают решения об их жизни, и это все власть».

В качестве интегрирующих признаков были названы историко-культурные характеристики (такие, например, как патернализм, персонификация, высокая дистанция власти и др.), единое поле деятельности субъектов власти (общая система безопасности, финансов, внешней политики). Эксперты уточнили интегрирующие признаки в части выделенных ранее характеристик (например, легитимность, ответственность, честность; «результативность и эффективность касается всех уровней власти и всех видов власти»).

Теперь перейдем к дифференцирующим чертам. Ряд экспертов отметили, что проявление характеристик репутации, степень их глубинности, смысловое наполнение могут различаться («характеристики в значительной степени относятся ко всей власти, но глубинная легитимность, сила, справедливость требуются от федерального уровня»). Это различие в том числе связано с особенностями полномочий. Среди дифференцирующих признаков названы следующие: «у региональных властей больший акцент на местную и прежде всего социальную проблематику, привязка к региональной идентичности и локальному самосознанию и поддерживающему его типу политической культуры»; разница в степени взаимодействия с гражданами (открытая / закрытая система), открытости и отзывчивости («чем ближе по вертикали к населению, тем открытее и отзывчивее»), прозрачности и степени ответственности («власть на местах признает за собой ответственность»).

Отдельные эксперты определили различие в части источников формирования репутации: «о работе местных органов власти отзываются на основании опыта, как правило, личного взаимодействия». Определена и разница в оценке («относятся лучше к самому высшему (президенту) и самому низшему звену (уровень района, муниципалитета), относимся хорошо к тем, кого мы максимально не видим и кого мы максимально видим»). Выделены особенности репутации, определенные спецификой развития региона: инвестиционная привлекательность, репутация кадров, бизнес, культура, спорт и т.п.; система кадрового формирования, методы влияния на элиты, население. Полагаем, что данные дифференцирующие признаки относятся скорее к факторам, процессу формирования репутации, оценке, то есть к интерпретационному полю концепта.

Таким образом, можно сделать эмпирически обоснованный вывод о преобладании в структуре единого концепта «репутация власти» интегрирующих признаков и характеристик при наличии ряда дифференцирующих, связанных с особенностями разных уровней и ветвей власти.

3. *Степень единства концептов «репутация региональной исполнительной власти» и «репутация российской власти».*

Учитывая ранее представленные результаты, тем не менее в силу задач исследования, связанных с выявлением особенностей репутационного ядра региональной исполнительной власти, представим экспертное мнение о специфике последней. Экспертам был задан соответствующий вопрос: «Имеются ли, на ваш взгляд, черты, характеристики или аспекты, специфичные для репутации региональной исполнительной власти?» и вопрос на уточнение: «Можно ли, на ваш взгляд, утверждать, что понятия “репутация российской власти” и “репутация региональной исполнительной власти” тождественны?»

Отмечена высокая степень принципиального единства в понимании исследуемых концептов: большая часть экспертов определила высокий уровень тождественности, другие отметили как сходства, так и различия. Приведем примеры формулировок сходства (помимо ранее перечисленного, относящегося ко всем уровням и ветвям российской власти, применимого и к репутации региональной исполнительной власти): «это все власть»⁷, «воспринимается на обобщенном уровне как власть вообще и “проводник воли Москвы”»; «понятия постепенно начинают сливаться в восприятии граждан вследствие эффектов единой властной вертикали». Также в контексте единства концептов было высказано мнение о том, что «репутация предполагает высокие морально-нравственные характеристики представителей власти скорее, чем профессиональные».

⁷ В данной связи можно вспомнить изречение Т. Гоббса: «Репутация власти и есть сама власть».

Специфика, характерная для репутации региональной исполнительной власти:

— более высокая степень персонификации («все зависит от губернатора, мнение о региональной власти складывается по личности губернатора», «репутация российской власти — мы говорим: репутация президента, вообще команды Президента, когда мы говорим: репутация региональной власти, мы имеем в виду команду губернатора»). В то же время возможна специфика в оценке репутации, связанная с особенностями исторически сложившегося восприятия власти: «происходит перенос объекта критики на более высокий уровень (подъезд не покрасили — виноват президент страны)»;

— специфика полномочий — «одни отвечают за страну, другие должны заниматься нашими, местными делами»;

— большая связь с местными проблемами, на региональную власть больше ложится запросов о текущем состоянии дел (например, благоустройство, дорожные работы, обеспечение достойного функционирования медицинских учреждений и др.), что определяет повышенные ожидания, требования, большую ответственность региональной власти в плане репутационных рисков. При этом региональная власть не имеет достаточно полномочий и ресурсов для решения проблем региона («основные решения принимаются в Москве — на федеральном уровне»);

— для региональной исполнительной власти часть характеристик выражена более ярко: «региональная власть зарабатывает репутацию скоростью, прозрачностью и эффективностью», «она в большей степени досягаема»; «ожидания в адрес региональной власти включают высокие требования в отношении ее коммуникативных характеристик; «от губернатора и других представителей региональной власти ожидается способность слышать население, быть с ним на одной волне»; «региональная власть может восприниматься не только виртуально, но и реально, по реальным делам»;

— зависимость от особенностей региона («связаны с географией, национальной идентичностью, культурой, в том числе с религией, социально-экономическими особенностями региона»);

— дихотомия «свой — чужой»: проявляется в потребности «своего» руководителя («губернатор может быть родом из этих мест, свой — это значит понятный и предсказуемый, понимающий местных людей и озабоченный теми же ценностями»); в ожидании регионального «патриотизма» («лучше представлять интересы региона на федеральном уровне, быть эффективным лоббистом»); от региональных властей требуют, как правило, защиты интересов региона в большей степени, чем от федеральных, федеральная власть не воспринимается как «своя», «местная».

— взаимоотношения с местными элитами («для региональной власти важно умение выстраивать неформальные отношения со своими элитами, прежде всего бизнес-элитой, не ради личной выгоды, а ради общественного блага»).

Заметим, что перечисленные дифференцирующие признаки и характеристики в значительной степени также связаны с интерпретационным полем концепта (факторами, источниками формирования репутации, ее оценкой), тем не менее ряд из них свидетельствует об определенной степени различия в части собственно признаков и характеристик базового и, особенно, содержательного ядра концептов. Перейдем к их уточнению.

4. *Степень единства базового ядра концептов «репутация региональной исполнительной власти» и «репутация российской власти».*

По результатам изучения научно-теоретических подходов и на основе экспертного мнения было определено содержание базового ядра концепта «репутация российской власти». Его категориальную основу составляют мнение,

оценка, отношение, восприятие / образ, представление населения о власти. В околоядерную зону вошли следующие сущностные признаки репутации: доверие как основной признак, устойчивость, длительность формирования, наличие опыта взаимодействия, оценка на основе реальных действий, поведения, поступков власти; ценностное отношение к власти; система ожиданий, представлений о степени соответствия реальной власти ее должному / идеальному варианту. Данные признаки также нашли преобладающую поддержку в общественном мнении.

Полагаем, что базовое ядро является единым для концепта «репутация власти», который включает репутацию российской власти в целом и репутацию различных ее уровней и ветвей. Соответственно, представленное содержание данного ядра в полной мере относится и к репутации региональной исполнительной власти. Данный вывод связан со следующими положениями, полученными по результатам как теоретической, так и эмпирической части исследования:

— базовое ядро составляет смысловое наполнение категории «репутация», которая является единой для обоих концептов; фактически меняется только ее условное преломление к субъекту — носителю репутации — не российской власти в целом, а региональной исполнительной власти, при прежнем объекте — населении как носителе мнения о ее репутации;

— эмпирически обоснован тезис о преобладании в структуре концепта «репутация власти» единых интегрирующих признаков и характеристик. Экспертное мнение (п. 2, 3) относительно базового ядра не выявило дифференцирующих признаков. Указания на разницу в сущностных признаках репутации связаны со степенью их выраженности на региональном уровне в части возможности личного опыта взаимодействия с местными властями, восприятия власти по реальным делам, более требовательной системы ожиданий от власти, ярко выраженной ценностной основы отношений («своя» власть).

Представленные положения также соотносятся с результатами исследования концепта «власть», структурируемого пятью наиболее значимыми сферами общественного сознания, применительно к каждой из которых существует соответствующее когнитивное микрополе. Данные микроконцепты структурируют общее когнитивное макрополе «власть», базовый слой (ядро и приядерная зона) каждого микроконцепта имеет идентичное содержание [65, с. 123—124]. В определенной степени концепты репутации власти разных уровней и ветвей, в том числе региональной исполнительной власти можно соотнести с микроконцептами единого макрополя «репутация российской власти».

5. Степень единства содержательного ядра концептов «репутация региональной исполнительной власти» и «репутация российской власти».

Для возможности сравнения коротко обозначим наполнение содержательного ядра репутации российской власти. На рисунке 1 представлены его характеристики с их группировкой в институциональный и деятельностный блоки⁸. Также выделена основа данного ядра: приоритетные характеристики репутации — ближняя периферия базового ядра — и менее значимые — дальняя и крайняя периферии. Все эти характеристики были предложены в едином перечне населению регионов ЦФО РФ с формулировкой: «Выберите 5—7 наиболее значимых для вас характеристик, которые создают репутацию российской власти».

⁸ Заметим, что выделение данных блоков соотносится с тремя измерениями репутации, предложенными зарубежными учеными [66], при этом институциональный блок соответствует социальному измерению, деятельностный — функциональному, значимость эмоционального измерения (на примере внешнего образа власти) как при экспертной оценке, так и по результатам массового опроса населения (см. табл. 2, с. 65) подтверждена не была.

Рис. 1. Содержательное ядро концепта «репутация российской власти»

В результате экспертное и общественное мнение (выбор более половины опрошенных) совпали по приоритетности четырех из семи определенных экспертами характеристик: честность; ответственность; справедливость; забота о народе, его защита. Эксперты также выбрали легитимность власти, законность; открытость, прозрачность; результативность / эффективность. Дальнюю периферию составили характеристики, значимые для четверти и более опрошенных, остальные были отнесены к крайней периферии.

Обратимся к международному опыту изучения репутации, наиболее актуальному в данном контексте. Собственно эмпирических исследований содержания репутации на примере крупных институциональных субъектов власти автору найти не удалось. Финский ученый В. Луома-ахо по результатам изучения репутации 12 организаций сферы Министерства социальных дел и здравоохранения Финляндии выделила репутационные факторы, отнесенные к четырем группам по функциональному признаку: властные и регуляторные функции, законодательство, исследования и полукommerческие функции. Заинтересованные стороны в форме анкетного опроса оценивали параметры репутации в виде контрастных тезисов, например закрытость — открытость, безответственность — ответственность и т. д.

(всего 40 характеристик), по балльной шкале. По результатам обработки данных были выделены пять репутационных факторов, подлежащих измерению: авторитет, доверие, обслуживание, уважение и эффективность. Далее на основе оценки выстраивались репутационные профили групп организаций [37]. Доверие является сущностной чертой репутации российской власти (околоядерная зона базового ядра). Обслуживание (услуги населению) и эффективность — содержательные характеристики ближней и крайней периферии. Ряд параметров репутации, рассматриваемых в анкетном опросе, также соотносится с характеристиками репутации российской власти. Таким образом, есть зоны репутации, имеющие единое смысловое наполнение.

Д. Ли и Г. Ван Ризин разработали шкалу бюрократической репутации (Bureaucratic Reputation Scale, BRS). В ее основе лежит теоретическая конструкция, предложенная Д. Карпентером, применившим организационную репутацию к государственному управлению [38]. Она состоит из четырех измерений: репутации производительности (способность эффективно достигать целей), моральной репутации (этическое поведение, следование моральным обязательствам), репутации процедуры (справедливость процессов, используемых для принятия решений) и технической репутации (компетентность). Д. Ли и Г. Ван Ризин дополнили ее пятым измерением — общей репутацией (отражает общее чувство или отношение к субъекту). Эмпирическое исследование было проведено на примере трех федеральных агентств США⁹. Для оценки каждого из репутационных измерений респонденты должны были выразить степень своего (не)согласия с шестью утверждениями (например, в моральном измерении — тезис «Это агентство, похоже, коррумпировано»). Тридцать характеристик, составляющих измерения репутации, определялись по результатам экспертного опроса. Американские граждане только оценивали их уровень для каждого федерального агентства [40]. Содержательное наполнение репутационных измерений в значительной мере можно соотнести с выявленными нами репутационными характеристиками российской власти. Однако заметим, что в данном исследовании не было задачи понять, в какой степени для населения данные характеристики вообще имеют значение и формируют ли они репутацию, происходила только их оценка.

Представляется, что имея безусловную пользу с точки зрения разработки методологии, осознания наличия схожих характеристик, по сути своей составляющих содержание репутации как междисциплинарного феномена, результаты подобных исследований лишь углубляют понимание необходимости изучения собственной специфики, особенно с учетом особенностей восприятия граждан, чье мнение о репутации и формируется.

Вернемся к содержанию репутации региональной исполнительной власти. На основе экспертного мнения (п. 2, 3) можно заключить следующее. Как и в части «наполнения» базового ядра, выявлено принципиальное единство концептов «репутация российской власти» и «репутация региональной исполнительной власти».

В то же время определена иная, более яркая степень выраженности ряда характеристик, относящихся как к ближней, так и к дальней периферии, что, соответственно, повышает степень их значимости по сравнению с характеристиками репутации российской власти в целом. В частности, это касается таких из них, как открытость, прозрачность; близость к народу, отзывчивость; коммуникация, взаимодействие с населением; ответственность; защита интересов региона (и граждан, соответственно). На уровне региональной исполнительной власти они более «насыщены». Так-

⁹ Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (FDA), Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства (НАСА) и Налоговое управление США (IRS).

же в силу большей связи с региональными проблемами, необходимости особого внимания к состоянию дел на местах ярче выражена интегрирующая характеристика деятельностного блока — результативность / эффективность власти. И наоборот, по мнению экспертов, некоторые характеристики имеют более глубокий смысл на федеральном уровне (допустим, легитимность, сила, справедливость).

Таким образом, по результатам экспертного мнения, содержательно ядро репутации региональной исполнительной власти по сравнению с репутацией российской власти не поменялось, но приобрело иную смысловую наполненность в части интенсивности выраженности ряда характеристик.

Перейдем к рассмотрению общественного мнения. Населению для выбора содержательных характеристик репутации региональной исполнительной власти был предложен тот же перечень, что и для характеристик репутации российской власти в целом (табл. 1). В столбце «средний % по регионам» для удобства сравнения в скобках представлено значение среднего процента выбора респондентами характеристик репутации российской власти.

Таблица 1

Содержательные характеристики репутации региональной исполнительной власти, значимые для четверти и более опрошенных, в среднем и в разрезе регионов, %

Характеристики репутации региональной исполнительной власти	Средний % по регионам	Белгородская область	Калужская область	Липецкая область	Брянская область	Орловская область	Смоленская область
1. Честность	49,8 (58,3)	58,2	47,2	39,1	51,3	48,8	50,2
2. Ответственность	49,2 (52,1)	54,0	50,7	45,6	46,5	50,6	46,0
3. Забота о народе, его защита	47,7 (53,8)	49,4	47,6	44,4	45,8	56,0	45,1
4. Справедливость	47,5 (52,8)	54,0	44,6	44,4	49,1	45,2	43,2
5. Близость к народу, понимание нужд и чаяний народа, отзывчивость	43,3 (41,5)	42,7	51,1	46,0	38,5	48,2	35,2
6. Выполнение обещаний — соответствие слова и дела	36,8 (41,0)	33,1	45,0	31,8	37,0	35,7	40,8
7. Коммуникация, взаимодействие с населением	35,2 (29,4)	34,7	42,9	37,2	28,9	31,5	36,2
8. Открытость, прозрачность	29,2 (31,2)	28,2	25,1	30,7	32,6	25,0	32,4
9. Сила власти	27,5 (29,9)	33,6	13,4	34,5	29,7	18,5	28,6
10. Профессионализм, компетентность	27,3 (28,7)	21,2	37,2	25,7	28,2	24,4	29,9
11. Создание условий для достойной жизни (доходы населения / рабочие места / инфраструктура / демография / здравоохранение / образование / дороги / комфортная среда и т.п.)	27,1 (27,5)	26,6	39,0	23,8	21,6	27,4	25,7
12. Неподкупность власти (отсутствие коррупции)	25,5 (31,7)	22,9	32,5	20,3	23,4	28,6	28,5
13. Служение народу, нравственные ценности / ориентиры власти	23,8 (22,8)	22,6	19,9	26,8	24,2	26,8	23,4
14. Эффективность управления ресурсами, расходования бюджетных средств	22,7 (17,8)	19,8	25,5	25,7	22,0	22,0	22,0

Источник: рассчитано автором на основе данных массового анкетного опроса населения регионов ЦФО, 2021 г.

В общественном мнении так же принципиально сохраняется распределение характеристик репутации региональной исполнительной власти в части их разделения на ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию (см. также рис. 1), что свидетельствует о наличии высокой степени единства содержательного ядра исследуемых концептов.

В то же время существуют и особенности восприятия репутации региональной исполнительной власти, которые проявляются в следующем:

— в целом на данном уровне власти присутствует большая равномерность в распределении характеристик по степени их значимости, что сказывается на некотором снижении устойчивости приоритетных характеристик и повышении динамичности характеристик дальней и крайней периферии (табл. 2);

— усиливается проявление особенностей выбора в каждом конкретном регионе, при этом зависимость от разноразмерности регионов по-прежнему (как и в случае с репутацией российской власти) отсутствует.

Таблица 2

Содержательные характеристики репутации региональной исполнительной власти, значимые для менее четверти опрошенных, в среднем и в разрезе регионов, %

Характеристики репутации региональной исполнительной власти	Средний % по регионам	Белгородская область	Калужская область	Липецкая область	Брянская область	Орловская область	Смоленская область
15. Качество оказываемых населению услуг	20,1 (17,4)	19,2	25,5	11,5	20,5	28,6	18,7
16. Ориентация власти на развитие региона (страны)	18,5 (13,8)	26,6	29,4	12,3	15,0	26,8	16,8
17. Оперативность принятия решений	17,9 (10,3)	15,3	22,1	14,9	17,6	19,1	20,6
18. Результативность деятельности, достижение поставленных целей, эффективность	17,7 (14,9)	14,1	20,8	21,1	17,6	17,9	16,4
19. Легитимность власти, законность действий	15,3 (16,7)	16,1	14,3	17,6	16,1	13,7	12,1
20. Готовность власти к решению кризисных ситуаций	13,4 (13,3)	14,7	15,6	12,3	13,2	16,7	7,9
21. Внешний образ власти: внешний вид служащих / зданий / интерьер и т. п.	5,3 (3,7)	4,8	6,1	4,6	5,9	6,0	4,7

Источник: рассчитано автором на основе данных массового анкетного опроса населения регионов ЦФО, 2021 г.

Как и в экспертной оценке, проявляется иная интенсивность, степень значимости ряда характеристик по сравнению с содержанием репутации российской власти. Особое внимание обратим на такую характеристику, как близость к народу, понимание нужд и чаяний народа, отзывчивость. В трех регионах (Калужская, Липецкая, Орловская области) она имеет больший вес по сравнению с четырьмя приоритетными. Полагаем, что на этом основании ее можно также рассматривать в числе приоритетных для данных регионов. В визуализации репутационного ядра региональной исполнительной власти (рис. 2) данная характеристика отнесена к переходной между ближней и дальней периферией. При этом такая характеристика, как эффективность управления ресурсами, расходу-

вания бюджетных средств, в силу ее выбора четвертью (с учетом погрешности) опрошенных перенесена по сравнению с репутацией российской власти из крайней периферии в дальнюю.

Обратим также внимание на наиболее существенные изменения (5–7 %) в восприятии населением значимости характеристик дальней и крайней периферии содержательного ядра репутации региональной исполнительной власти по сравнению с российской властью (в среднем по регионам):

— в части дальней периферии это коммуникация, взаимодействие с населением (более значима прежде всего для Калужской области), выполнение обещаний и неподкупность власти (менее значима, особенно для Липецкой области);

— среди характеристик крайней периферии возросла роль таких из них, как качество оказываемых населению услуг (для Калужской и Орловской областей их можно отнести к дальней периферии), ориентация власти на развитие региона (также дальняя периферия для Калужской, Орловской и Белгородской областей), оперативность принятия решений, результативность / эффективность деятельности.

Заметим, что подробное рассмотрение специфики выбора содержательных репутационных характеристик на уровне отдельных регионов является задачей последующего исследования.

В целом изменения в степени значимости содержательных характеристик репутации региональной власти иллюстрируют достаточно закономерную логику, свидетельствующую о восприятии региональной власти в сравнении с российской как более близкой населению, с повышением внимания к ее работе по решению местных проблем (что проявляется в возрастании роли характеристик деятельностного блока).

Таким образом, результаты изучения содержательного ядра репутации региональной исполнительной власти и репутации российской власти в целом свидетельствуют о высокой степени их тождественности, преобладании ценностного наполнения (институциональных характеристик) при усилении внимания к прагматическому (большая значимость деятельностных характеристик).

6. Историко-культурные характеристики концепта «репутация региональной исполнительной власти».

Данные характеристики, включенные в концептуальное поле репутации власти на основе экспертного мнения, для региональной исполнительной власти были уточнены в части большей степени выраженности следующих из них: персонификация, близость к населению («своя власть»), необходимость защиты интересов региона (и, соответственно, граждан) — патернализм. Как отмечалось ранее, возможность включения этих характеристик в репутационное ядро подлежит дополнительному исследованию.

Аккумулируя всю изложенную информацию, можем представить содержание ядра концепта «репутация региональной исполнительной власти» (рис. 2), выделив его особенности по сравнению с репутационным ядром российской власти в целом. Характеристики, имеющие более высокую / низкую степень значимости, интенсивности их проявления по сравнению с репутационными характеристиками российской власти (динамичные характеристики), отмечены соответствующим знаком «больше» (>) или «меньше» (<). Если данная динамика отмечена только экспертами, то рядом с характеристикой стоит значок «Э». Устойчивые характеристики, сохраняющие свое значение на уровне как российской, так и региональной исполнительной власти, выделены жирным шрифтом. Чтобы не перегружать визуальное восприятие, характеристики дальней и крайней периферии в рисунок включены не были.

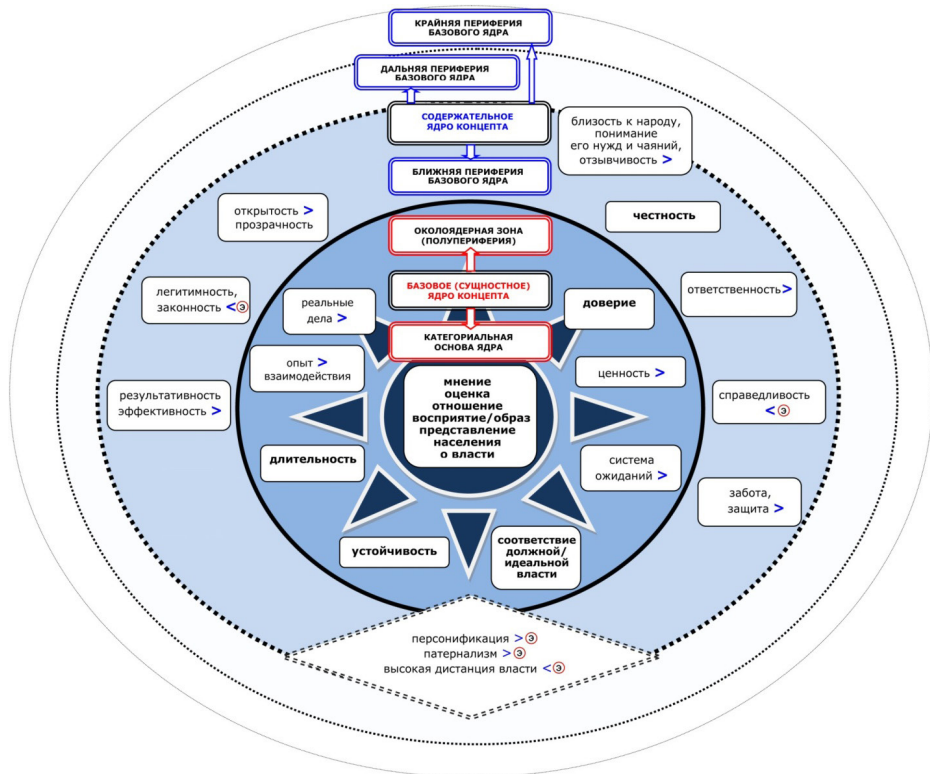

Рис. 2. Особенности репутационного ядра региональной исполнительной власти

Таким образом, для региональной власти важным является, во-первых, понимание высокой взаимосвязи и взаимозависимости формирования ее репутации от репутации иных субъектов публичной власти, что диктует необходимость выстраивания собственной деятельности, ее информационного сопровождения с учетом соответствующей «подстройки» или «отстройки» (в зависимости от положительной / отрицательной повестки) от иных субъектов власти. Во-вторых, важно правильно расставлять акценты в реализации государственной политики с учетом как собственно «наполнения» репутационного ядра определенными характеристиками (и его специфики в зависимости от региона), так и приоритета его ценностного блока. Например, те же результаты работы власти нужно информационно встраивать в запрос граждан на честность, справедливость и т. п. В-третьих, следует подчеркивать те особенности, которые больше востребованы на региональном уровне, например обеспечивая более высокий уровень прозрачности, открытости.

Выводы

Итак, сделаем основные выводы относительно степени подтверждения рабочих гипотез исследования по экспертному обоснованию и с учетом общественного мнения.

1. Ядро концепта «репутация власти» является принципиально единым для концептов «репутация российской власти» и «репутация региональной исполнительной власти». Об этом свидетельствует преобладание интегрирующих признаков как в базовом, так и в содержательном ядре (периферии базового) обоих концептов.

При этом для региональной исполнительной власти характерна меньшая устойчивость характеристик ближней периферии и большая динамичность характеристик дальней и крайней периферии (особенно на уровне конкретных регионов), что проявляется в иной, преимущественно более высокой степени значимости ряда из них. По результатам как экспертного, так и общественного мнения в базовом ядре (околоядерной зоне или полупериферии) репутации региональной исполнительной власти ярче выражены: ценностная основа отношения к власти, более требовательная система ожиданий от власти, значимость личного опыта взаимодействия, восприятие власти по реальным делам. В характеристиках ближней и дальней периферии содержательного ядра это ответственность; забота о народе, его защита; близость к народу, понимание нужд и чаяний народа, отзывчивость; коммуникация, взаимодействие с населением, открытость, прозрачность; результативность / эффективность; эффективность управления ресурсами, расходования бюджетных средств. Таким образом, для концепта «репутация региональной исполнительной власти» дифференцирующие признаки как таковые отсутствуют, меняется степень интенсивности проявления интегрирующих признаков.

2. Содержательное ядро концепта «репутация власти» является единым в части выделения двух блоков: институционального и деятельностного. Экспертами не выделено иных по сравнению с характеристиками репутации российской власти содержательных характеристик репутации региональной исполнительной власти. В целом по результатам как экспертного, так и общественного мнения сохраняется преобладание ценностного содержания репутации над прагматическим, при некотором увеличении роли последнего.

3. Содержание концепта «репутация региональной исполнительной власти» (и, соответственно, ее репутационного ядра) напрямую не зависит от уровня развития региона, при этом в каждом регионе есть свои особенности общественного мнения, определяющие специфику «наполнения» репутации при сохранении принципиально единого взгляда на ее содержание. Следовательно, гипотеза о возможной разнице в его «наполнении» жителями двух групп равноуровневых регионов подтвердилась в части определения своеобразия общественного мнения, зависящего от каждого конкретного региона. В данной связи дальнейшее исследование связано с выявлением единого/особенного «наполнения» репутационного ядра российской и региональной исполнительной власти сущностными чертами и содержательными характеристиками с учетом следующих факторов его формирования, определяющих специфику регионального пространства: национального (моно/многонациональный состав региона), религиозного (моно/многоконфессиональный), «столица — провинция».

Таким образом, разработана, эмпирически обоснована и уточнена теоретическая модель исследования репутации российской власти, определена структура ее концептуального поля, выявлены особенности содержания репутации региональной исполнительной власти в ее сравнении с репутацией российской власти в целом. С учетом нового, не являвшегося ранее самостоятельным, предмета научного исследования — репутация сложных комплексных институциональных субъектов (российская власть в целом и региональная исполнительная власть), разработан ряд методологических положений репутационного подхода к изучению российской власти исходя из междисциплинарности феномена репутации.

Полагаем, что исследование единого концепта «репутация власти» также представляет интерес в свете введения в Конституцию Российской Федерации категории «публичная власть». Принцип единой системы публичной власти, задающий новый тренд конституционного развития страны, связывают с созданием потенциала для ее эффективной организации и осуществления на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном) в интересах граждан. В то же время отмечается, что

тандему государственной и муниципальной властей необходим триумвират с властью гражданского общества [67]. В данной связи существует высокий потенциал прикладного значения исследования репутации власти, отражающего ценностное отношение к ней граждан на основе как уже полученных результатов, так и дальнейших перспектив.

Управление репутацией включает в себя преодоление разрыва между желаемым и реальным [68, р. 7]. Понимание приоритетов желаемого содержательного наполнения репутации позволит органам власти более целенаправленно выстраивать соответствующую репутационную политику, определять приоритеты как в собственной деятельности, так и в системе ее информационно-аналитического сопровождения и продвижения с учетом ориентации на ожидания населения, что будет способствовать повышению социальной эффективности власти, доверия к ней граждан.

В завершение также заметим, что в силу диффузности структуры концепта, постоянно взаимодействующего с другими концептами, он приобретает новые смыслы и утрачивает старые [55, с. 115—116]. Представленное концептуальное поле, структура репутационного ядра региональной исполнительной власти (равно как и репутации российской власти в целом) являются гипотетической исследовательской моделью с определением наиболее и наименее значимых в системе концепта смыслов, перечислением их признаков и определением их места в структуре концепта.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, в рамках государственного задания (исследовательские проекты в сфере социально-политических наук). Тема проекта «Репутационное ядро российской власти: региональные особенности и факторы формирования». Код (шифр) научной темы FEMF-2022-0002; рег. номер 1022061600080-0-5.4.1;5.6.2; соглашение № 075-03-2022-181/2.

Список литературы

1. Патрушев, С. В., Айвазова, С. Г., Кертман, Г. Л., Кучинов, А. М., Мирясова, О. А., Недяк, И. Л., Павлова, Т. В., Панов, Л. Г., Филиппова, Л. Е. 2019, Институциональный анализ политического пространства в России: предварительные результаты, *Россия реформирующаяся*, № 17, с. 527—571, <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.22>.
2. Руженцев, С. Е. 2016, Нравственное сознание российского общества и демократизация политической системы, *Общество: философия, история, культура*, № 12, с. 41—46.
3. Грин, Р. 2003, *48 законов власти*, пер. с англ. Е. Я. Мигуновой, М., РИПОЛ КЛАССИК, 576 с.
4. Terry, R. Bacon. 2011, *The Elements of Power. Lessons on Leadership and Influence*, New York, AMACOM American Management Association, 306 p.
5. Газарян, К. 2021, Честное имя. Почему в нашей стране нет института репутации и когда он возникнет, *Сноб*, 21 января, URL: <https://kiozk.ru/article/cestnoe-ima-pocemu-v-nasej-strane-net-instituta-reputacii-i-kogda-on-vozniknet> (дата обращения: 05.09.2022).
6. Сурхайханов, М. М. 2019, Уничтожение репутации лидера в киберпространстве: влияние имиджевых ошибок и внешних тактик, *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, т. 25, № 3, с. 94—116, <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-94-116>.
7. Zavattaro, S., Eshuis, J. 2021, Public Administration in the Reputation Era: A Conceptual Exploration, *Public Administration Quarterly*, vol. 45, № 4, p. 418—438, <https://doi.org/10.37808/paq.45.4.4>.
8. Chmielewski, P. 2010. New institutionalism: A platform for productive integration in social science, *Warsaw forum of economic sociology*, vol. 1, № 1, p. 9—88.
9. March, J. G., Olsen, J. P. 1984, The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life, *American Political Science Review*, № 78, p. 734—749, <https://doi.org/10.1017/S0003055406272563>.

10. Шмерлина, И. А. 2016, «Институциональная логика»: критический анализ направления, *Социологический журнал*, 2016, т. 22, № 4, с. 110—138, <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.4.4812>.
11. Haveman, H. A., Gualtieri, G. 2016, Institutional logics. In Aldag, R. (ed.), *Oxford Research Encyclopedia of Business and Management*, Oxford University Press, p. 1—34, <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190224851.013.137>.
12. Кузнецов, А. М. 2014, «Новый институционализм»: взгляд через призму дискурсивного анализа, *МЕТОД*, № 4, с. 203—227.
13. Радаев, В. В. 2001, Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 4, № 3, с. 109—130.
14. Ирхин, Ю. В. 2017, Системный анализ теоретических методов изучения политики, *Социально-гуманитарные знания*, № 4, с. 33—48.
15. Hall, P. A., Taylor, R. C. R. 1996, Political science and three new institutionalisms, *Political studies*, XLIV, p. 936—957.
16. Патрушев, С. В. 2001, Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы, *Политическая наука*, № 2, с. 146—186.
17. Матвеев, А. А. 2021, Прошлое, настоящее и будущее неинституционального подхода в политической науке, *Управленческое консультирование*, № 5 (149), с. 45—62, <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-5-45-62>.
18. Тамбовцев, В. Л. 2015, Институты в социологии, политологии и правоведении: взгляд экономиста, *Общественные науки и современность*, № 1, с. 115—126.
19. Schmidt, V. 2009, Comparative Institutional Analysis, In: Landman, T., Robinson, N., *The Sage Handbook of Comparative Politics*, New Delhi, Singapore: SAGE Publications Ltd, p. 125—143, <https://doi.org/10.4135/9780857021083.n8>.
20. Панов, П. В. 2015, Институционализм(ы): объяснительные модели и причинность, *Полис. Политические исследования*, № 3, с. 39—55, <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.09>.
21. Барбашин, М. Ю. 2014, Методологические возможности «Блумингтонской школы» и перспективы развития современного неинституционализма, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 17, № 1, с. 98—111.
22. Patel, R. 2020, *Informal Institutions And Development, Publicly Accessible Penn Dissertations*, 3892, URL: <https://repository.upenn.edu/edissertations/3892> (дата обращения: 02.09.2022).
23. Бородушко, И. В., Кокорин, И. С. 2020, Институт деловой репутации субъектов хозяйственной деятельности: взаимосвязь правовых и экономических аспектов, *Ленинградский юридический журнал*, № 1 (59), с. 114—123.
24. Ковтун, О. И., Ангельская, Е. А. 2019, Институциональный подход в мировой торговле: роль и значение неформальных институтов, *ЦИТИСЭ*, № 4 (21), с. 355—368, <https://doi.org/10.15350/24097616.2019.4.34>.
25. Кручинова, Ю. О. 2020, Особенности правового регулирования института защиты чести, достоинства и деловой репутации, *Вестник экспертного совета*, № 2—3 (21—22), с. 105—109.
26. Ключина, А. А. 2012, Гражданско-правовые аспекты деловой репутации как одного из институтов гражданского права, *Вестник Международного юридического института*, № 1 (40), с. 46—56.
27. Невзгодина, Е. Л., Парыгина, Н. Н. 2018, Гражданско-правовой механизм защиты деловой репутации в России: панорамный обзор, *Lex Russica (Русский закон)*, № 1 (134), с. 57—70, <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.134.1.057-070>.
28. Мингазова, З. Р., Валиева, А. Р. 2018, Деловая репутация работника государственного аппарата: анализ правовой институционализации, *Экономика и управление: научно-практический журнал*, № 1 (139), с. 125—128.
29. Султанов, Е. Б. 2020, Конституционные основы единства публичной власти в Российской Федерации, *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, т. 162, № 2, с. 9—16, <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.2.9-16>.
30. Розанова, Н. Н. 2018, Концептуальные основы репутационного подхода к оценке эффективности власти на уровне региона, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, т. 20, № 3, с. 334—350, <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-203-334-350>.

31. Гаджиев, Х. А. 2015, Политические институты: институциональный и неинституциональный подход, *Власть*, т. 23, № 7, с. 134—140.
32. Гаджиев, Х. А., Семченков, А. С. 2020, Индекс устойчивости политической системы: опыт измерений в трех странах, *PolitBook*, № 1, с. 161—194.
33. Castilla-Polo, F. 2018, The Role of Country Reputation in Positioning Territories: A Literature Review. In: Carvalho, L., Rego, C., Lucas, M., Sánchez-Hernández, M., Noronha, A. (eds.), *Entrepreneurship and Structural Change in Dynamic Territories. Studies on Entrepreneurship, Structural Change and Industrial Dynamics*, Springer, Cham, p. 53—72, https://doi.org/10.1007/978-3-319-76400-9_4.
34. Bjørnå, H. 2021, Reputational assets for local political leadership, *Heliyon*, vol. 7, № 8, e07800, <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07800>.
35. Ледяев, В. Г., Ледяева, О. М. 2002, Репутационный метод в эмпирических исследованиях власти в городских сообществах, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 5, № 4, с. 164—177.
36. Bustos, E. O. 2021, Organizational Reputation in the Public Administration: A Systematic Literature Review, *Public Administration Review*, vol. 81, № 2, p. 731—751, <https://doi.org/10.1111/puar.13363>.
37. Luoma-aho, V. 2008, Sector reputation and public organizations, *International Journal of Public Sector Management*, vol. 21, № 5, p. 446—467, <https://doi.org/10.1108/09513550810885778>.
38. Carpenter, D. P., Krause, G. A. 2012, Reputation and Public Administration, *Public Administration Review*, vol. 72, № 1, p. 26—32, <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2011.02506.x>.
39. Maor, M. 2016, Missing areas in the bureaucratic reputation framework, *Politics and Governance*, vol. 4, № 2, p. 80—90, <https://doi.org/10.17645/pag.v4i2.570>.
40. Lee, D., Van Ryzin, G. G. 2019, Measuring bureaucratic reputation: Scale development and validation, *Governance*, vol. 32, № 1, p. 177—191, <https://doi.org/10.1111/gove.12371>.
41. Luoma-aho, V., Canel, M. J., Hakola, J. 2020, Public sector reputation and netpromoter score, *International Review on Public and Nonprofit Marketing*, vol. 18, p. 419—446, <https://doi.org/10.1007/s12208-021-00280-9>.
42. Overman, S., Busuioc, M., Wood, M. 2020, A Multidimensional Reputation Barometer for Public Agencies: A Validated Instrument, *Public Administration Review*, vol. 80, № 3, p. 415—425, <https://doi.org/10.1111/puar.13158>.
43. Lee, D., Van Ryzin, G. G. 2020, Bureaucratic reputation in the eyes of citizens: an analysis of US federal agencies, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 86, № 1, p. 183—200, <https://doi.org/10.1177/0020852318769127>.
44. Shelin, A. R. 2020, Shifting Reputations for “Moderation”: Evidence from Qatar, Jordan, and Morocco, *Middle East Law and Governance*, vol. 12, № 1, p. 109—129, <https://doi.org/10.1163/18763375-01201002>.
45. Busuioc, M., Rimkute, D. 2020, The promise of bureaucratic reputation approaches for the EU regulatory state, *Journal of European Public Policy*, vol. 27, № 8, p. 1256—1269, <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1679227>.
46. Bautista-Beauchesne, N. 2021, Crafting anti-corruption agencies’ bureaucratic reputation: an uphill battle, *Crime Law and Social Change*, vol. 75, p. 297—326, <https://doi.org/10.1007/s10611-020-09928-9>.
47. Bertelli, A. M., Busuioc, M. 2021, Reputation-Sourced Authority and the Prospect of Unchecked Bureaucratic Power, *Public Administration Review*, vol. 81, № 1, p. 38—48, <https://doi.org/10.1111/puar.13281>.
48. Lee, D. 2022, Managing bureaucratic reputation in the face of crises: An experimental examination of the effect of strategic communication, *Public Administration Review*, vol. 82, № 6, p. 1124—1137, <https://doi.org/10.1111/puar.13520>.
49. Kolltveit, K., Karlsen, R., Askim, J. 2019, Understanding reputational concerns within government agencies, *Policy & Politics*, vol. 47, № 3, p. 473—493, <https://doi.org/10.1332/030557319X15579230420144>.
50. Патрушев, С. В., Филиппова, Л. Е. 2018, Институциональные проблемы конституирования политического поля и политики в современной России, *Политическая наука*, № 2, с. 14—33.

51. Скоробогачкий, В. В. 2011, Институциональные ловушки в политике, *Вопросы политологии и социологии*, № 1 (1), с. 29—40.
52. Купряшин, Г. Л. 2017, Институциональные ловушки и кризисы государственного управления, *Государственное управление. Электронный вестник*, № 60, с. 94—121.
53. Катровский, А. П., Яськова, Т. И. (ред.). 2021, «Эффект колеи»: традиционное и инновационное в развитии Смоленской области, 2021, Смоленск : Изд-во Смоленского государственного университета, 172 с.
54. Гельман, В. Я. 2016, Политические основания «Недостойного правления» в постсоветской Евразии (переосмысливая исследовательскую повестку дня), *Полития*, № 3 (82), с. 90—114.
55. Семененко, И. С. 2011, Политическая идентичность в контексте политики идентичности, *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, т. 7, № 2, с. 5—24.
56. Масленников, Е. В. 2011, Принципы формирования концептуальной модели предмета исследования в методологическом контексте социологического измерения, *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*, № 3, с. 116—133.
57. Верминенко, Ю. В. 2012, Применение метода экспертного опроса в диагностике конструирования социальных проблем в дискурсе власти: на примере проблем наркотизации и алкоголизации в российском обществе, *Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования*, № 1 (21), с. 60—65.
58. Калмыков, Н. Н., Краснопольский, И. А. 2016, Реформирование системы государственной службы Российской Федерации, *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*, № 2, с. 44—61.
59. Масленников, Е. В. 2010, Особенности отбора экспертов, *Социология*, № 2, с. 82—93.
60. Масленников, Е. В. 2017, Возможности использования экспертного знания в качестве источника концепций развития организаций, *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, т. 23, № 2, с. 229—249, <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2017-23-2-229-249>.
61. Gemenis, K. 2015, An iterative expert survey approach for estimating parties' policy positions, *Qual Quant*, vol. 49, p. 2291—2306, <https://doi.org/10.1007/s11135-014-0109-5>.
62. Ehrenbrink, P. 2020, Expert Survey — Triggers for State Reactance. In: *The Role of Psychological Reactance in Human—Computer Interaction. T-Labs Series in Telecommunication Services*, Springer, Cham., p. 45—49, https://doi.org/10.1007/978-3-030-30310-5_5.
63. Григорьева, Л. М., Зубаревич, Н. В., Хасаева, Г. Р. 2011, *Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации*, М., ТЕИС, 357 с.
64. Попова, З. Д., Стернин, И. А. 2007, *Когнитивная лингвистика*, М., АСТ, Восток-Запад, 315 с.
65. Касаткина, Е. А. 2010, Концептуальное поле феномена «власть»: структура и общая характеристика, *Научная мысль Кавказа*, № 1, с. 123—128.
66. Eisenegger, M. 2009, Trust and reputation in the age of globalization, In: Klewes, J., Wreischniok, R. (eds.), *Reputation Capital. Building and Maintaining Trust in the 21st Century*, Springer-Verlag, Berlin-Heidelberg, p. 11—22, https://doi.org/10.1007/978-3-642-01630-1_2.
67. Чертков, А. Н. 2020, Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия, *Конституционное и муниципальное право*, № 10, с. 19—23, <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-10-19-23>.
68. Wæraas, A., Byrkjeflot, H. 2012, Public Sector Organisations and Reputation Management: Five Problems. *International Public Management Journal*, vol. 15, p. 186—206, <https://doi.org/10.1080/10967494.2012.702590>.

Об авторе

Розанова Нина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры менеджмента, Смоленский государственный университет, Россия.

E-mail: rozznina@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7243-8197>

REPUTATION CORE OF RUSSIAN AUTHORITIES: THE CASE OF THE REGIONAL LEVEL OF EXECUTIVE POWER

N. N. Rozanova

Smolensk State University,
Przheval'skogo St., Smolensk, 4214000, Russia

Received 27 September 2022

Accepted 27 December 2022

doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-4

© Rozanova, N. N., 2023

The importance of studying the reputation of authorities is connected, on the one hand, with the formation of a consolidated system of political power and, on the other hand, with the highly social orientation of the category of the 'reputation of authorities', reflecting the value-based attitude of citizens towards them. The article presents the results of research aimed at the analysis of the reputation of Russian authorities, with a special focus on the regional branch of executive power. The paper examines the reputation of Russian authorities of different levels and branches using the example of regional executive bodies. The author determines the structure and features of the reputation core of the conceptual category 'Russia's authorities' understood both as federal and municipal authorities of the Russian Federation as a whole. The article also offers a comparison of the reputation core of regional executive authorities with that of 'Russia's authorities' in general. The methods used in this research are expert assessment and population surveys conducted in six regions of Central Russia. The study has revealed the main characteristics constituting the reputation core of executive authorities and described their specificity in different regions. Based on the results of the theoretical and empirical analyses, the author proposes a novel approach to defining the structure of the reputation core characteristic of the federal and regional executive authorities. The reputation core is a multi-component conceptual construct dominated by several integrating characteristics such as honesty, responsibility, justice, concern for and protection of citizens. No differences in the structure of the reputation core of the federal and regional executive authorities have been identified. However, the degree to which these characteristics manifest themselves varies. The reputation of regional authorities is assessed based on a system of values, expectations and the results of their work with the federal centre, citizens' experience of communication with regional authorities and the assessment of their activity. The reputation of the regional executive authorities is characterised by lesser stability of the conceptual characteristics of the near periphery and greater dynamism of the outer conceptual boundaries, especially in specific regions.

Keywords:

reputation of authorities, reputation core, Russian authorities, regional executive authorities, concept, conceptual domain

References

1. Patrushev, S. V., Aivazova, S. G., Kertman, G. L., Kuchinov, A. M., Miryasova, O. A., Nedyak, I. L., Pavlova, T. V., Panov, L. G., Filippova, L. E. 2019, Institutional analysis of the political space in Russia: preliminary research results. *Rossiia reformiruyushchayasya* [Russia is reforming], № 17, p. 527–571, <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.22> (in Russ.).
2. Ruzhentsev, S. E. 2016, The moral identity of the Russian society and democratization of the political system, *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], № 12, p. 41–46 (in Russ.).

To cite this article: Rozanova, N. N. 2023, Reputation core of Russian authorities: the case of the regional level of executive power, *Balt. Reg.*, Vol. 15, № 1, p. 52–77. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-4.

3. Greene, R. 2003, *The 48 laws of power*, M.: RIPOL CLASSIC, 576 p. (in Russ.).
4. Terry, R. Bacon. 2011, *The Elements of Power. Lessons on Leadership and Influence*, New York: AMACOM American Management Association, 306 p.
5. Gazaryan, K. 2021, Honest name. Why there is no reputation institution in our country and when it will arise, *Setevoe izdanie "Snob"* [Online publication "Snob"], January 21, URL: <https://kiozk.ru/article/cestnoe-ima-pocemu-v-nasej-strane-net-instituta-reputacii-i-kogda-on-vozniknet> (accessed 05.09.2022) (in Russ.).
6. Surkhaikhanov, M.M. 2019, The destruction of a reputation as a leader in cyberspace: the impact of image errors and external attacks, *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, vol. 25, № 3, p. 94—116, <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-94-116> (in Russ.).
7. Zavattaro, S., Eshuis, J. 2021, Public Administration in the Reputation Era: A Conceptual Exploration, *Public Administration Quarterly*, vol. 45, № 4, p. 418—438, <https://doi.org/10.37808/paq.45.4.4>.
8. Chmielewski, P. 2010. New institutionalism: A platform for productive integration in social science, *Warsaw forum of economic sociology*, vol. 1, № 1, p. 9—88.
9. March, J.G., Olsen, J.P., 1984, The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life, *American Political Science Review*, № 78, p. 734—749, <https://doi.org/10.1017/S0003055406272563>.
10. Shmerlina, I.A. 2016, "Institutional logics": critical analysis of the direction? *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, vol. 22, № 4, p. 110—138, <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.4.4812> (in Russ.).
11. Haveman, H.A., Gualtieri, G. 2016, Institutional logics. In Aldag, R. (ed.), *Oxford Research Encyclopedia of Business and Management*, Oxford University Press, p. 1—34, <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190224851.013.137>.
12. Kusnetsov, A.M. 2014, New institutionalism through the prism of discourse analysis, *METOD [METHOD]*, № 4, p. 203—227 (in Russ.).
13. Radaev, V. 2001, Perspective of the new institutionalism: constructing an analytical scheme, *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology], vol. 4, № 3, p. 109—130 (in Russ.).
14. Irhin, Y.V. 2017, System analysis of the theoretical methods to study of politics, *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], № 4, p. 33—48 (in Russ.).
15. Hall, P.A., Taylor, R.C.R. 1996, Political science and three new institutionalisms, *Political studies*, XLIV, p. 936—957.
16. Patrushev, S.V. 2001, Institutionalism in Political science: stages, trends, ideas, problems, *Politicheskaya nauka* [Political Science], № 2, p. 146—186 (in Russ.).
17. Matveev, A.A. 2021, Past, present and future of the neoinstitutional approach in political science, *Administrative Consulting*, № 5, p. 45—62, <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-5-45-62> (in Russ.).
18. Tambovtsev, V.L. 2015, Institutes in sociology, political science and law: an economist's view, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world], № 1, p. 115—126 (in Russ.).
19. Schmidt, V. 2009, Comparative Institutional Analysis, In: Landman, T., Robinson, N., *The Sage Handbook of Comparative Politics*, New Delhi, Singapore: SAGE Publications Ltd, p. 125—143, <https://doi.org/10.4135/9780857021083.n8>.
20. Panov, P.V. 2015, Institutionalism(s): explanatory models and causality, *Polis. Political Studies*, № 3, p. 39—55, <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.09> (in Russ.).
21. Barbashin, M. 2014, The formation of the "Bloomington school": methodological opportunities and perspectives of contemporary new institutionalism development, *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology], vol. 17, № 1, p. 98—111 (in Russ.).
22. Patel, R. 2020, *Informal Institutions And Development*, Publicly Accessible Penn Dissertations, 3892, URL: <https://repository.upenn.edu/edissertations/3892> (accessed 02.09.2022).
23. Borodushko, I.V., Kokorin, I.S. 2020, Institute of business reputation of economic entities: interrelation of legal and economic aspects, *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal* [Leningrad Law Journal], № 1 (59), p. 114—123 (in Russ.).

24. Kovtun, O. I., Angelskaya, E. A. 2019, Institutional approach in world trade: the role and importance of informal institutes, *CITISE*, №4 (21), p. 355–368, <https://doi.org/10.15350/24097616.2019.4.34> (in Russ.).
25. Kruchinova, J. 2020, Features of legal regulation, institution of protection of honor, dignity and business reputation of citizens, *Vestnik ekspertnogo soveta* [Bulletin of the Expert Council], №2–3, p. 105–109 (in Russ.).
26. Klyushina, A. A. 2012, Civil law aspects of business reputation as one of the institutions of civil law, *Vestnik Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the International Law Institute], №1 (40), p. 46–56 (in Russ.).
27. Nevzgodina, E. L., Parygina, N. N. 2018, Civil law mechanism of protection of business reputation in Russia: a comprehensive review, *Lex Russica*, №1 (134), p. 57–70, <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.134.1.057-070> (in Russ.).
28. Mingazova, Z. R., Valieva, A. R. 2018, Business Reputation of an Employee of the Government: the Analysis of the Legal Institutionalization, *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal* [Economics and Management: a scientific and practical journal], №1 (139), p. 125–128 (in Russ.).
29. Sultanov, E. B. 2020, Constitutional grounds for the unity of public authorities in the Russian Federation, *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, vol. 162, №2, p. 9–16, <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.2.9-16> (in Russ.).
30. Rozanova, N. N. 2018, Conceptual basis of the reputational approach to evaluating the efficiency of power at the regional level, *RUDN Journal of Political Science*, vol. 20, №3, p. 334–350, <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-3-334-350>.
31. Gadzhiev, Kh. A. 2015, Political institutes: institutional and neoinstitutional approaches, *Vlast' [Power]*, vol. 23, №7, p. 134–140 (in Russ.).
32. Gadzhiev, Kh. A., Semchenkov, A. S. 2020, Political system sustainability index: experience of measurements in three countries, *PolitBook*, №1, p. 161–194 (in Russ.).
33. Castilla-Polo, F. 2018, The Role of Country Reputation in Positioning Territories: A Literature Review. In: Carvalho, L., Rego, C., Lucas, M., Sánchez-Hernández, M., Noronha, A. (eds.), *Entrepreneurship and Structural Change in Dynamic Territories. Studies on Entrepreneurship, Structural Change and Industrial Dynamics*, Springer, Cham, p. 53–72, https://doi.org/10.1007/978-3-319-76400-9_4.
34. Bjørnå, H. 2021, Reputational assets for local political leadership, *Heliyon*, vol. 7, №8, e07800, <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07800>.
35. Ledyayev, V., Ledyayeva, O. 2002, Reputational method in community power studies, *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology], vol. 5, №4, p. 164–177 (in Russ.).
36. Bustos, E. O. 2021, Organizational Reputation in the Public Administration: A Systematic Literature Review, *Public Administration Review*, vol. 81, №2, p. 731–751, <https://doi.org/10.1111/puar.13363>.
37. Luoma-aho, V. 2008, Sector reputation and public organizations, *International Journal of Public Sector Management*, vol. 21, №5, p. 446–467, <https://doi.org/10.1108/09513550810885778>.
38. Carpenter, D. P., Krause, G. A. 2012, Reputation and Public Administration, *Public Administration Review*, vol. 72, №1, p. 26–32, <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2011.02506.x>.
39. Maor, M. 2016, Missing areas in the bureaucratic reputation framework, *Politics and Governance*, vol. 4, №2, p. 80–90, <https://doi.org/10.17645/pag.v4i2.570>.
40. Lee, D., Van Ryzin, G. G. 2019, Measuring bureaucratic reputation: Scale development and validation, *Governance*, vol. 32, №1, p. 177–191, <https://doi.org/10.1111/gove.12371>.
41. Luoma-aho, V., Canel, M. J., Hakola, J. 2020, Public sector reputation and netpromoter score, *International Review on Public and Nonprofit Marketing*, vol. 18, p. 419–446, <https://doi.org/10.1007/s12208-021-00280-9>.
42. Overman, S., Busuioc, M., Wood, M. 2020, A Multidimensional Reputation Barometer for Public Agencies: A Validated Instrument, *Public Administration Review*, vol. 80, №3, p. 415–425, <https://doi.org/10.1111/puar.13158>.
43. Lee, D., Van Ryzin, G. G. 2020, Bureaucratic reputation in the eyes of citizens: an analysis of US federal agencies, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 86, №1, p. 183–200, <https://doi.org/10.1177/0020852318769127>.

44. Shelin, A. R. 2020, Shifting Reputations for “Moderation”: Evidence from Qatar, Jordan, and Morocco, *Middle East Law and Governance*, vol. 12, № 1, p. 109—129, <https://doi.org/10.1163/18763375-01201002>.
45. Busuioc, M., Rimkute, D. 2020, The promise of bureaucratic reputation approaches for the EU regulatory state, *Journal of European Public Policy*, vol. 27, № 8, p. 1256—1269, <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1679227>.
46. Bautista-Beauchesne, N. 2021, Crafting anti-corruption agencies’ bureaucratic reputation: an uphill battle, *Crime Law and Social Change*, vol. 75, p. 297—326, <https://doi.org/10.1007/s10611-020-09928-9>.
47. Bertelli, A. M., Busuioc, M. 2021, Reputation-Sourced Authority and the Prospect of Unchecked Bureaucratic Power, *Public Administration Review*, vol. 81, № 1, p. 38—48, <https://doi.org/10.1111/puar.13281>.
48. Lee, D. 2022, Managing bureaucratic reputation in the face of crises: An experimental examination of the effect of strategic communication, *Public Administration Review*, vol. 82, № 6, p. 1124—1137, <https://doi.org/10.1111/puar.13520>.
49. Kolltveit, K., Karlsen, R., Askim, J. 2019, Understanding reputational concerns within government agencies, *Policy & Politics*, vol. 47, № 3, p. 473—493, <https://doi.org/10.1332/030557319X15579230420144>.
50. Patrushev, S. V., Philippova, L. Y. 2018, Institutional problems of the constitution of political field and politics in contemporary Russia, *Politicheskaya nauka* [Political Science], № 2, p. 14—33 (in Russ.).
51. Skorobogatskiy, V. V. 2011, Institutional traps in politics, *Voprosy politologii i sociologii* [Questions of political science and sociology], № 1, p. 29—40 (in Russ.).
52. Kupryashin, G. L. 2017, Institutional pitfalls and public administration crises, *Public administration E-Journal*, № 60, p. 94—121 (in Russ.).
53. Katrovsky, A. P., Yaskova, T. I. 2021, “Effekt kolei”: tradicionnoe i innovacionnoe v razvitiy Smolenskoj oblasti [“Path-dependence” traditional and innovative in the development of the Smolensk region], Smolensk: Publishing House of Smolensk State University, 172 p. (in Russ.).
54. Gelman, V. Ya. 2016, Political foundations of “Bad governance” in post-Soviet Eurasia (rethinking the research agenda), *Politiya* [Polity], № 3 (82), p. 90—114, URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2016_03_05.pdf (accessed 05.08.2022) (in Russ.).
55. Semenenko, I. S. 2011, Political identity and identity politics, *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX], vol. 7, № 2, p. 5—24 (in Russ.).
56. Maslennikov, E. V. 2010, Principles of forming a conceptual model of research subject in methodological context of sociological measurement, *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, № 3, p. 116—133 (in Russ.).
57. Verminenko, Yu. V. 2012, Application of the expert survey method in the diagnosis of the construction of social problems in the discourse of power: on the example of the problems of drug addiction and alcoholization in Russian society, *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of the Orel State University. Series: New Humanitarian Studies], № 1 (21), p. 60—65 (in Russ.).
58. Kalmykov, N. N., Krasnopolskiy, I. A. 2016, Reforming the Russian civil service, *Moscow University Bulletin. Series 21. Public administration*, № 2, p. 44—61 (in Russ.).
59. Maslennikov, E. V. 2010, Features of selection of experts, *Sociologiya* [Sociology] № 2, p. 82—93, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otbora-ekspertov> (accessed 10.07.2021) (in Russ.).
60. Maslennikov, E. V. 2017, Opportunities of use of expert knowledge as the source of concepts of development of the organizations, *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, vol. 23, № 2, p. 229—249, <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2017-23-2-229-249> (in Russ.).
61. Gemenis, K. 2015, An iterative expert survey approach for estimating parties’ policy positions, *Qual Quant*, vol. 49, p. 2291—2306, <https://doi.org/10.1007/s11135-014-0109-5>.
62. Ehrenbrink, P. 2020, Expert Survey — Triggers for State Reactance. In: *The Role of Psychological Reactance in Human—Computer Interaction. T-Labs Series in Telecommunication Services*, Springer, Cham., p. 45—49, https://doi.org/10.1007/978-3-030-30310-5_5.

63. Grigoriev, L. M., Zubarevich, N. V., Khasaeva, G. R. 2011, *Rossijskie regiony: ekonomicheskij krizis i problemy modernizacii*, M.: TEIS, 357 p. (in Russ.).

64. Popova, Z. D., Sternin, I. A. 2007, *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics], M.: AST, East-West, 315 p. (in Russ.).

65. Kasatkina, E. 2010, The conceptual field of the phenomenon “power’: structure and characteristic, *Scientific thought of the Caucasus*, № 1, p. 123—128 (in Russ.).

66. Eisenegger, M. 2009, Trust and reputation in the age of globalization, In: Klewes, J., Wreschniok, R. (eds.), *Reputation Capital. Building and Maintaining Trust in the 21st Century*, Springer-Verlag, Berlin-Heidelberg, p. 11—22, https://doi.org/10.1007/978-3-642-01630-1_2.

67. Chertkov, A. N. 2020, The public government: the composition, unity and interaction essence, *Constitutional and municipal law*, № 10, p. 19—23, <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-10-19-23> (in Russ.).

68. Wæraas, A., Byrkjeflot, H. 2012. Public Sector Organisations and Reputation Management: Five Problems. *International Public Management Journal*, vol. 15, p. 186—206, <https://doi.org/10.1080/10967494.2012.702590>.

The author

Dr Nina N. Rozanova, Associate Professor, Department of Management, Smolensk State University, Russia

E-mail: rozznina@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7243-8197>

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ СТРАН БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА ПО УРОВНЮ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Д. Г. Ажинов

Т. Е. Лапшова

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 07.07.2022 г.

Принята к публикации 17.11.2022 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-5

© Ажинов Д. Г., Лапшова Т. Е., 2023

Функционирование глобальных производственных систем приводит к секторальной (отраслевой) специализации стран и, как следствие, к территориальной диспропорции. Такое положение характерно в том числе для Балтийского региона несмотря на то, что страны обладают крепкими экономическими связями и развитой промышленно-логической подсистемой, идентификация которой для десяти стран (Германии, Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии, Польши, Эстонии, Латвии, Литвы и России) была осуществлена при рассмотрении сгруппированного набора страновых характеристик, отражающих финансирование НИОКР и состояние трудовых ресурсов научно-технологической подсистемы. В публикации проведено исследование на основании комбинированной группировки, графоаналитического и кластерного анализа с целью структурирования типов стран Балтийского региона по уровню научно-технологического развития и выявления его закономерностей. В результате предложена типология стран Балтийского региона, определены типы стран, обладающих схожими признаками: двумя главными типами являются «страны с традиционной рыночной экономикой» и «постсоциалистические страны», общие признаки которых наблюдаются по всем наборам основных характеристик, а также еще несколько подтипов. Информационную базу исследования составили данные Статистической службы Европейского союза (Eurostat), Организации экономического сотрудничества (OECD) и Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстат) за 2010–2019 (2020) гг.

Ключевые слова:

научно-технологическое развитие, специфические преимущества стран, производственные системы, научно-технологическая подсистема, валовые внутренние расходы на НИОКР, абсолютные затраты на НИОКР, трудовые ресурсы

Введение

Научно-технологическая составляющая — неотъемлемая часть глобальных производственных систем (ГПС), ее научно-технологической подсистемой (НТП), представляющей собой комплекс взаимоотношений экономического,

Для цитирования: Ажинов Д. Г., Лапшова Т. Е. Типологизация стран Балтийского региона по уровню научно-технологического развития // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 1. С. 78–95.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-5.

финансового и правового характера, объектом которых является обмен результатами научно-исследовательской, опытно-конструкторской деятельности и технологических работ.

На сегодняшний момент нет устоявшейся общепризнанной системы оценки научно-технологического развития территорий, вместе с тем существуют общие для разных стран закономерности развития [1], выделение которых будет зависеть от концентрации авторов на разных аспектах и тонкостях существования НТП.

Так, авторы в России в основном сосредоточены на исследовании роли государства в научно-технологическом развитии, определяя ее как решающую [2; 3] или во всяком случае носящую не случайный характер [4]. По сути, на государство возлагается основная задача по преодолению состояния НТП, уровень которой определяется как отсталый по отношению к ведущим странам, что вызвано ориентацией экономики на экспорт сырья [1; 2; 5]. Ряд работ обосновывает необходимость коллаборации в целях научно-технологического развития на уровне национальной промышленности и науки [1], а также на уровне государств — членов СНГ [6] и ЕАЭС [7].

Что касается анализа показателей, позволяющих интерпретировать научно-технологическое пространство, то большинство авторов из стран бывшего СССР обращают внимание на объем инвестиций в науку [5; 8] и кадры [3; 8], а также на ряд других показателей, например патенты [8]. Ряд исследований предлагает сложные интегральные показатели, выводимые на основе экспертной оценки [9].

Говоря о причинах существующей территориальной дифференциации, следует выделить работы В. Л. Бабурина и С. П. Земцова, которые показывают, что степень развития регионов во многом сопряжена с их близостью к центрам генерации и распространения новых знаний [10], вместе с тем отмечается, что на постсоветском пространстве такие центры незначительно влияют на развитие [11; 12]. Большую роль играет эффект предшествующего развития, в отечественном дискурсе получивший название «эффект колеи» [13; 14].

Анализ источников показывает, что большинство современных западных исследований заявленной проблематики сконцентрировано на осмыслении роли бизнеса в развитии и призвано совершенствовать стратегии поведения фирм во встраивании в международный бизнес. На сегодняшний момент основным общепринятым направлением является неoinституциональная экономическая теория, в рамках которой было разработано несколько подходов, которые могут быть применены в исследовании и типологизации регионов по уровню их развития:

- эклектическая парадигма (модель OLI);
- модель капитала знаний;
- парадигма «FSA-CSA matrix».

Эклектическая парадигма, развивавшаяся более трех десятков лет, нацелена на анализ собственности фирм (O), преимуществ расположения на конкретных территориях (L) и преимуществ интернационализации (I) [15]. Изучение стран в рамках данной парадигмы концентрируется на исследовании формальных и неформальных институтов, модели потребления, рыночной структуры, социально-экономических, природных условий, условий труда, развития систем образования [16]. В частности, в рамках данной парадигмы ученые пришли к выводу, что глобализация не привела к участию менее развитых стран в функционировании ГПС, что естественным образом способствовало бы их развитию [17; 18].

В рамках «модели капитала знаний» исследователи сконцентрированы на анализе знаний, навыков и квалификации трудовых ресурсов [19], в том числе навыков управления как основного фактора развития. Основой типологизации в данном подходе является стоимость географического разделения функций («fragmentation

cost») [20], сконцентрированных на уровне подготовки кадров [21]. Исследования, проводимые в рамках «модели капитала знаний», приходят к гипотезе, что излишняя специализация регионов ведет к сокращению благосостояния населения [22], а следовательно, к падению уровня развития.

В рамках парадигмы «FSA-CSA matrix» развитие ГПС осуществляется под влиянием инвестиций транснациональных корпораций (ТНК), а также решений, принимаемых руководством государств по созданию благоприятных условий и развитию инфраструктуры [16]. Осознание этой дихотомии привело к складыванию двух точек зрения на единицу исследования ГПС [23]. Это изучение, с одной стороны, специфических преимуществ стран (country specific advantages), оказывающих влияние на их конкурентоспособность, с другой — преимуществ фирм (firm specific advantages), таких как автономные компетенции (активы, патенты, торговые марки) и т. д. Будучи взаимоувязанными, специфические преимущества стран и фирм («FSA-CSA matrix») [24] могут быть представлены в виде сгруппированного набора определенных страновых характеристик. Аналогичный подход можно использовать при анализе НТП как компонента производственной системы.

Развитые страны и транснациональные корпорации мира не в состоянии самостоятельно вести всеобъемлющие научные исследования, что создает предпосылки ко все большей глобализации производственных систем и, как следствие, ведет к интенсификации участия основных акторов в глобальном разделении труда [25].

Степень развития НТП в отдельно взятых странах — показатель развития производственных отношений, других связанных институтов государства и общества в целом [2]. Так, повышение расходов на науку положительно влияет на ВВП [26], а экономический рост агломераций в том числе обусловлен наличием наукоемких секторов промышленности [27].

Современные мирохозяйственные отношения уже не первое десятилетие развиваются в условиях глобализации и интернационализации. Развитие ГПС неизменно приводит к географической реструктуризации, к неравномерности развития территорий и закреплению такого положения, своего рода «пространственной фиксации» [28]. Территориальное функционирование НТП не является исключением, наоборот, априори интернациональный характер науки только усиливает существующие тенденции. В связи с этим существует необходимость дать оценку уровня и тенденций развития НТП Российской Федерации в сравнении с другими странами Балтийского региона, показать перспективные направления ее инновационного развития с учетом зарубежного опыта. Таким образом, цель настоящей работы — структурирование типов стран Балтийского региона по уровню научно-технологического развития и выявление его закономерностей.

Методология исследования

В своем анализе мы ограничимся десятью странами Балтийского региона, которые при рассмотрении могут предоставить разносторонний материал для исследования затронутой проблематики.

Помимо того что на территории Балтийского региона располагается одна из ведущих экономик мира (Федеративная Республика Германия), данный регион интересен по целому ряду и других обстоятельств. Во-первых, Балтийский регион состоит из государств, обладающих развитой промышленностью, высоким потенциалом человеческого капитала, и является одним из наиболее сформировавшихся международных регионов [29]; во-вторых, пять из десяти стран региона (к которым можно отнести дополнительно территории бывшей ГДР) в прошлом были странами «народной демократии» или непосредственно входили в Советский Союз, а следо-

вательно, проходят путь, подобный тому, который прошла и проходит Российская Федерация; в-третьих, страны региона исторически обладают развитыми экономическими связями, причем дело ограничивается не только связями в рамках реализации концепции «четырёх свобод» Европейского союза.

Финансирование НИОКР и состояние трудовых ресурсов — один из ключевых факторов при анализе научно-технологического и инновационного развития территорий [8; 10; 30], поэтому специфические преимущества стран, анализ которых использовался для составления типологии, представлен в виде двух групп: финансирование НИОКР и состояние трудовых ресурсов НТП.

Финансирование НИОКР как одна из составляющих НТП характеризуется путем анализа валовых внутренних расходов на НИОКР (Gross domestic expenditure on R&D (GERD)), поскольку данный показатель включает расходы на научные исследования и опытно-конструкторские работы коммерческих предприятий, высших учебных заведений, а также государственных и частных некоммерческих организаций, представленных в виде доли валового внутреннего продукта и в абсолютных значениях¹.

Для анализа состояния трудовых ресурсов используется статистический показатель «Общее количество исследователей» (R&D personnel), который подразумевает людей, полностью или частично занятых в реализации НИОКР в эквиваленте полной занятости («full-time equivalent»)², занимающихся разработкой или созданием новых знаний, продуктов, процессов, методов и систем, а также управлением научно-исследовательскими проектами. Для определения значимости научных кадров в функционировании национальных НТП также необходимо использовать показатель «численность населения», который показывает количество людей, постоянно проживающих в стране³.

Финансирование НИОКР, равно как и трудоустройство задействованных в них кадров, осуществляется в следующих секторах, в разбивке по которым для получения наиболее полной картины будет проведен анализ:

— государственный (Government sector — R&D (GOV)), который состоит из государственных и некоммерческих организаций, находящихся под контролем государства;

— коммерческий (Business enterprise sector — R&D (BES)), включающий в себя организации и учреждения, основной деятельностью которых является рыночное производство товаров и услуг (кроме высшего образования);

— сектор высшего образования (Higher education sector — R&D (HES)), который помимо университетов, колледжей и других организаций высшего образования включает в себя научно-исследовательские институты, экспериментальные станции и другие организации, действующие под непосредственным контролем или управлением высших учебных заведений или связанные с ними;

— частный некоммерческий сектор (Private non-profit sector — R&D (PNP)) включает в себя частные некоммерческие организации, такие как профессиональные, научные общества, благотворительные организации, благотворительные фонды, профсоюзы и т. д.;

¹ Gross domestic expenditure on R & D (GERD), 2022, Eurostat, URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:Gross_domestic_expenditure_on_R_%26_D_\(GERD\)](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:Gross_domestic_expenditure_on_R_%26_D_(GERD)) (дата обращения: 17.07.2022).

² R&D personnel by sector of performance, professional position and sex, 2022, Eurostat, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/RD_P_PERSONOC/default/table?lang=en. (дата обращения: 07.02.2022).

³ Demography — Population — OECD Data, 2022, OECD, URL: <https://data.oecd.org/pop/population.htm#indicator-chart> (дата обращения: 17.07.2022).

— зарубежный сектор (Abroad sector — R&D)⁴ включает в себя все юридические и физические лица, расположенные за пределами политических границ государства, исключая транспортные средства, корабли, аэрокосмическую технику, испытательные полигоны, эксплуатируемые этими организациями, а также все международные организации (за исключением коммерческих предприятий)⁵.

Источником данных являются базы данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстата), Статистической службы Европейского союза (Eurostat) и Организации экономического сотрудничества (OECD).

В ходе исследования выполнен анализ обширного временного ряда статистических показателей на основании разделения выбранной совокупности стран по двум и более признакам (комбинированная группировка); выявления количественной зависимости между сопряженными показателями (графоаналитический анализ); проведения кластерного анализа.

При осуществлении комбинированной группировки были определены интервальные дискретные признаки, относящиеся к темпам роста абсолютных затрат на НИОКР, структуре финансирования НИОКР, темпам роста абсолютной численности исследователей и структуре занятости исследователей. В качестве переменных для проведения графоаналитического и кластерного анализов были использованы такие показатели, как валовые внутренние расходы на НИОКР (% от ВВП) и количество исследователей на 1000 жителей. Данные показатели были выбраны в качестве переменных для кластеризации, так как являются важнейшими характеристиками каждой из групп, характеризующих научно-технологическое развитие. Кластерный анализ был выполнен с помощью программного продукта IBM SPSS Statistics ver.22. Была применена иерархическая кластеризация с использованием квадрата евклидова расстояния и метода связи Варда.

Результаты исследования

Финансирование НИОКР

Важно отметить, что страны Балтийского региона по уровню финансирования НИОКР в абсолютных значениях занимают очень разные позиции. Лидером является Германия, в 2020 г. совокупные расходы которой на НИОКР составили около 105 млрд евро, или 63 % от совокупных затрат на НИОКР всех рассматриваемых стран региона. Швеция занимает второе место — около 16,5 млрд евро (9,9 %), третье место — Россия с 14,2 млрд евро, или 8,3 % (табл. 1).

Таблица 1

Финансирование НИОКР, млрд евро

Страна	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Страны с традиционной рыночной экономикой</i>								
Германия	70,01	84,25	88,78	92,17	99,55	104,67	110,02	105,55
Швеция	11,87	13,61	14,66	15,14	16,14	15,63	16,15	16,77
Дания	7,09	7,74	8,34	8,76	8,61	8,97	9,1	9,46
Норвегия	5,34	6,45	6,73	6,82	7,42	7,58	7,8	7,25
Финляндия	6,97	6,51	6,07	5,93	6,17	6,44	6,72	6,93

⁴ При анализе состояния трудовых ресурсов НТП данный сектор не применяется.

⁵ Science and technology glossary — Statistics Explained, 2022, Eurostat, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Category:Science_and_technology_glossary (дата обращения: 17.04.2022).

Окончание табл. 1

Страна	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Постсоциалистические страны</i>								
Россия	13,00	16,63	13,44	14,45	15,46	13,89	15,66	14,04
Польша	2,61	3,86	4,32	4,11	4,83	6,02	7,05	7,3
Эстония	0,23	0,29	0,30	0,27	0,30	0,37	0,45	0,48
Латвия	0,11	0,16	0,15	0,11	0,14	0,19	0,20	0,21
Литва	0,22	0,38	0,39	0,33	0,38	0,43	0,48	0,57

Источник: GERD by sector of performance and source of funds, 2022, Eurostat, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/RD_E_GERDTOT__custom_2252073/default/table?lang=en (дата доступа: 10.05.2022) ; Затраты на науку в России в 2020 году, 2022, Наука, технологии, инновации, URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/504081839.pdf> (дата обращения: 12.07.2022) ; Россия и страны мира, 2021, Федеральная служба государственной статистики, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13241> (дата обращения: 26.06.2022).

За последние 20 лет валовые внутренние расходы на НИОКР в России практически не изменились и составляют около 1 % от ВВП. По данному показателю РФ отстает более чем в два раза от развитых стран региона. Анализ стран по этому показателю позволяет выделить две большие группы стран (табл. 2). С одной стороны, это «страны с традиционной рыночной экономикой», с другой — «постсоциалистические страны» (страны бывшего СССР и «народной демократии»).

Таблица 2

Валовые внутренние расходы на НИОКР, % от ВВП

Страна	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Страны с традиционной рыночной экономикой</i>								
Швеция	3,17	3,1	3,22	3,25	3,36	3,32	3,39	3,51
Германия	2,73	2,88	2,93	2,94	3,05	3,12	3,17	3,14
Дания	2,92	2,91	3,06	3,09	3,03	3,02	2,93	3,03
Финляндия	3,71	3,15	2,87	2,72	2,73	2,76	2,8	2,94
Норвегия	1,65	1,72	1,94	2,04	2,1	2,06	2,15	2,3
<i>Постсоциалистические страны</i>								
Эстония	1,57	1,42	1,46	1,23	1,28	1,41	1,63	1,79
Польша	0,72	0,94	1	0,96	1,03	1,21	1,32	1,39
Литва	0,78	1,03	1,04	0,84	0,9	0,94	1,	1,17
Россия	1,05	1,07	1,1	1,1	1,11	0,98	1,04	1,1
Латвия	0,61	0,69	0,62	0,44	0,51	0,64	0,64	0,7

Источник: GERD by sector of performance and source of funds, 2022, Eurostat, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/RD_E_GERDTOT__custom_2252073/default/table?lang=en (дата обращения: 10.05.2022) ; Затраты на науку в России в 2020 году, 2022, Наука, технологии, инновации, URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/504081839.pdf> (дата обращения: 12.07.2022) ; Россия и страны мира, 2021, Федеральная служба государственной статистики, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13241> (дата обращения: 26.06.2022).

Для стран первой группы характерным является значительная доля финансирования коммерческим сектором экономики (Business enterprise sector — R&D (BES)) — больше 50 % (за исключением Норвегии), что в условиях функционирования современной экономической модели свидетельствует о востребованности исследований национальной экономикой и заинтересованности частного сектора в

долгосрочном развитии, готовности финансирования долгосрочных высокорисковых программ развития, а также стабильности структуры финансирования. Особняком стоит Финляндия, у которой показатель финансирования НИОКР коммерческим сектором экономики (Business enterprise sector — R&D (BES)) самый высокий для стран Балтийского региона в начале рассматриваемого периода, но с 2010 по 2019 г. он снизился с 66,1 до 54,3 %. Также стоит отметить Норвегию, для которой характерен довольно высокий показатель финансирования НИОКР государственным сектором (Government sector — R&D (GOV)).

Характерная черта стран Северной Европы (Дании, Швеции, Норвегии и Финляндии) — большой (более 1 %) по сравнению с остальными странами и стремящийся к увеличению показатель финансирования НИОКР частным некоммерческим сектором (Private non-profit sector — R&D (PNP)), тогда как в других странах с высоким уровнем финансирования НИОКР этот показатель незначителен.

«Постсоциалистические страны» имеют достаточно большой показатель финансирования НИОКР государственным сектором (Government sector — R&D (GOV)) — выше 30 %. В отличие от других стран своей группы Россия демонстрирует стабильность в структуре финансирования НТП с высоким преобладанием государственного сектора. Большое изменение за рассматриваемый период претерпела Польша: государственное финансирование в ней все еще является высоким по сравнению со «странами с традиционной рыночной экономикой», но стремится к уменьшению с 60,9 % в 2010 году до 38,8 % в 2019 году.

Что касается показателя финансирования НИОКР из-за рубежа (Abroad sector — R&D), то он существенен для стран Прибалтики, Финляндии. В России этот показатель низок и стремится к еще большему уменьшению: с 3,5 % в 2010 г. до 2,5 % в 2019 г. Для стран Прибалтики (Эстония, Латвия и Литва) в силу небольших объемов экономики характерно отсутствие стабильной структуры валовых внутренних расходов на НИОКР (Gross domestic expenditure on R&D (GERD)). Причины — низкий по сравнению с соседями уровень абсолютных затрат на финансирование. В такой ситуации реализация любого наукоемкого проекта оказывает существенное влияние на структуру валовых внутренних расходов на НИОКР (Gross domestic expenditure on R&D (GERD)) [31]⁶.

Анализ показателя финансирования НИОКР сектором высшего образования (Higher education sector — R&D (HES)) существенных закономерностей не выявил.

По темпам роста абсолютных затрат на НИОКР с 2010 г. Россия занимает предпоследнее место среди стран Балтийского региона — в 2020 г. он составил всего 8 %. Отрицательный рост демонстрирует Финляндия: падение в 2020 г. по отношению к 2010 г. составило 0,5 %, но при этом с 2016 г. отмечается постепенное увеличение показателя. Лидером в регионе является Польша — 179,7 %, в остальных странах также происходит рост: Литва — 160,4 %, Эстония — 106,6 %, Латвия — 91,6 %, Германия — 51,2 %, Швеция — 41 %, Норвегия — 35,5 %, Дания — 33,3 % (см. табл. 1).

Состояние трудовых ресурсов НТП

Страны Балтийского региона так же, как и по уровню финансирования НИОКР, представляют собой разновеликие единицы анализа. На 2020 г. все население 10 анализируемых стран составляет около 300 млн человек, и за последние 10 лет это количество стабильно с тенденцией к небольшому увеличению.

⁶ GERD by sector of performance and source of funds, 2022, Eurostat, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/RD_E_GERDTOT_custom_2252073/default/table?lang=en (дата обращения: 13.03.2022).

Лидером по численности населения является Россия, в 2020 г. ее население было 146,5 млн человек, или 48,7 %, на втором месте — Германия с 83,2 млн, или 28 %, на третьем — Польша с 38 млн, или 12,6 %⁷⁸. Аналогичная ситуация складывается при рассмотрении общей численности исследователей, но Россия в 2019 г. занимала второе место — 400 663 человек, на первом месте была Германия — 450 697 человек, на третьем — Польша — 120 780 человек⁹.

Для объективного сравнения показатель «общее количество исследователей» будем рассматривать в перерасчете на 1000 жителей. Анализ по данному показателю демонстрирует, что указанные страны также можно разделить на две группы: «страны с традиционной рыночной экономикой» и «постсоциалистические страны» (табл. 3).

Таблица 3

Количество исследователей на 1000 жителей

Страна	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019
<i>Страны с традиционной рыночной экономикой</i>							
Швеция	5,3	6,9	6,8	7,1	7,3	7,4	7,7
Дания	6,8	7,3	7,5	7,8	7,6	7,6	7,7
Финляндия	7,7	7	6,8	6,5	6,7	6,9	7,2
Норвегия	5,4	5,7	5,9	6,1	6,4	6,5	6,7
Германия	4	4,3	4,7	4,9	5,1	5,2	5,4
<i>Постсоциалистические страны</i>							
Эстония	3,1	3,3	3,2	3,3	3,5	3,8	3,8
Литва	2,8	3,1	2,8	3,0	3,1	3,2	3,4
Польша	1,7	2,0	2,1	2,3	3,0	3,1	3,2
Россия	3,1	3,1	3,1	3,0	2,8	2,8	2,7
Латвия	1,9	1,9	1,8	1,6	1,8	1,8	1,9

Источник: R&D personnel by sector of performance, professional position and sex, 2022, Eurostat, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/RD_P_PERSOCC/default/table?lang=en (дата обращения: 07.02.2022).

В показателе структуры человеческих ресурсов, занятых в функционировании НТП, можно отметить ряд особенностей. Так, для России традиционным является большее, чем для других стран, количество исследователей (> 30 %), занятых на предприятиях и организациях государственного сектора (Government sector — R&D (GOV)). Для всех стран характерно сокращение занятости исследователей в этом секторе, особенно для Польши (с 21 % в 2010 г. до 1,8 % в 2019 г.), в основном за счет увеличения показателей коммерческого сектора (Business enterprise sector — R&D (BES)).

Финансирование науки сектором высшего образования (Higher education sector — R&D (HES)) незначительное, однако высшие учебные заведения традиционно являются местом работы большого количества исследователей. Страны по данному показателю можно разделить на две группы: с большим влиянием сектора высшего образования — доля занятых в секторе порядка 50 % и выше, и с меньшим

⁷ Population, 2022, OECD Data, URL: <https://data.oecd.org/pop/population.htm#indicator-chart> (дата обращения: 08.07.2022).

⁸ Россия и страны мира, 2020, Росстат, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13241> (дата обращения: 04.04.2022).

⁹ Total researchers by sectors of performance, 2022, Eurostat, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-datasets/-/tsc00003> (дата обращения: 17.06.2022).

влиянием — доля занятых в секторе меньше 40%. К первой группе относятся пост-социалистические страны ЕС: Польша, Эстония, Литва и Латвия, тогда как к странам второй группы относятся Германия, Швеция, Дания, Финляндия, Норвегия и Россия¹⁰.

Анализ занятости в частном некоммерческом секторе (Private non-profit sector — R&D (PNP)) существенных закономерностей не выявил [31].

Помимо всего прочего все страны, рассматриваемые для анализа трудовых ресурсов НТП сектора, можно разделить по наличию двух крупных блоков: с одной стороны, это коммерческие структуры, с другой — структуры, выполняющие исследования и разработки не в целях получения прибыли (это государственный сектор, сектор высшего образования и некоммерческий сектор) (рис. 1). Таким образом, и по структуре занятости государства Балтийского региона также делятся на две группы: «страны с традиционной рыночной экономикой» и «постсоциалистические страны».

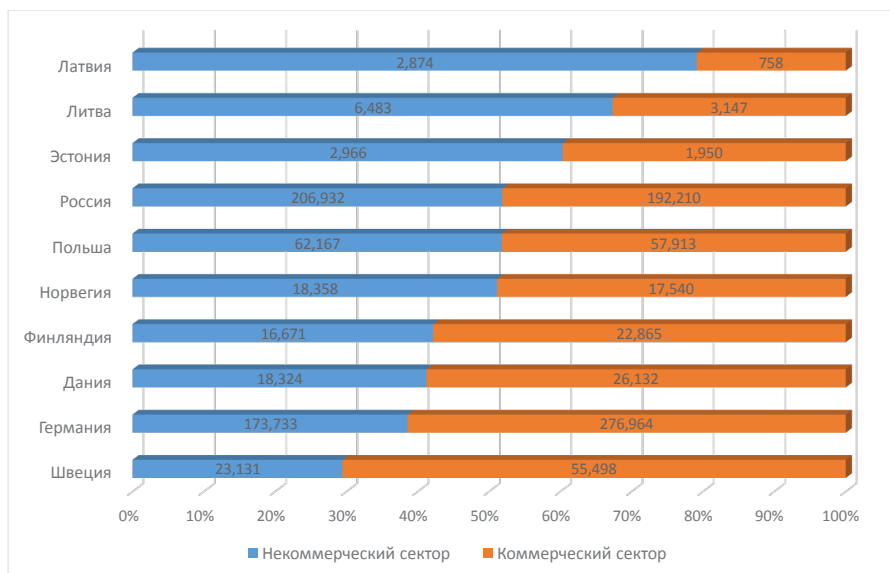

Рис. 1. Структура трудоустройства в коммерческом и некоммерческом секторах науки в 2019 г., чел.

Обсуждение результатов

Осуществленная количественная интерпретация научно-технологического пространства Балтийского региона позволяет нам (что, впрочем, довольно ожидаемо) разделить страны на две большие группы по двум блокам определенных основных характеристик: это «страны с традиционной рыночной экономикой», которые отличаются более высоким уровнем научно-технологического развития, и «постсоциалистические страны» с низким уровнем научно-технологического развития.

«Страны с традиционной рыночной экономикой» отличаются:

- высокие валовые внутренние расходы на НИОКР (более 2% от ВВП);
- большое количество исследователей в пересчете на 1000 человек (больше пяти).

Для «постсоциалистических стран» характерны:

- более низкие (менее 2% от ВВП) валовые внутренние затраты на НИОКР;

¹⁰ R&D personnel by sector of performance, professional position and sex, 2022, Eurostat, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/RD_P_PERSOCC/default/table?lang=en (дата обращения: 07.02.2022).

— меньше, чем в странах с высоким уровнем развития НТП, количество исследователей на 1000 человек (меньше четырех).

Полученные результаты анализа финансирования НИОКР и состояния трудовых ресурсов могут быть подвергнуты более глубокой интерпретации через применение графоаналитического метода (рис. 2) и кластерного анализа (рис. 3), что позволяет нам выделить следующие типы: «страны с традиционной рыночной экономикой» и «постсоциалистические страны».

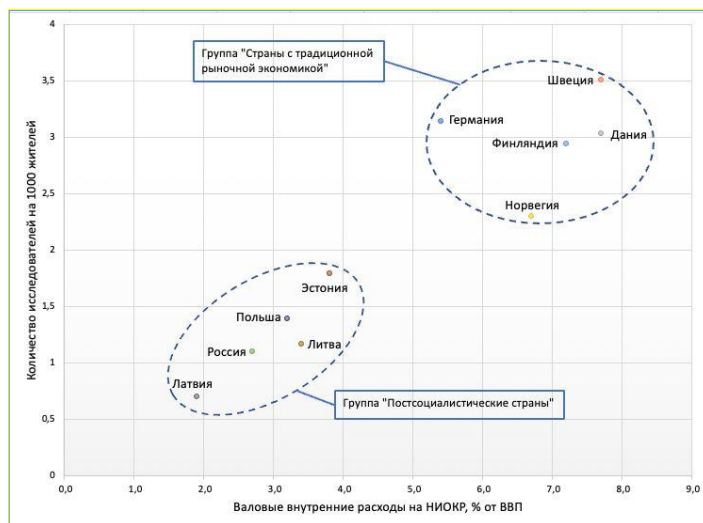

Рис. 2. Распределение стран Балтийского региона по показателям валовых внутренних расходов на НИОКР и количеству исследователей на 1000 жителей

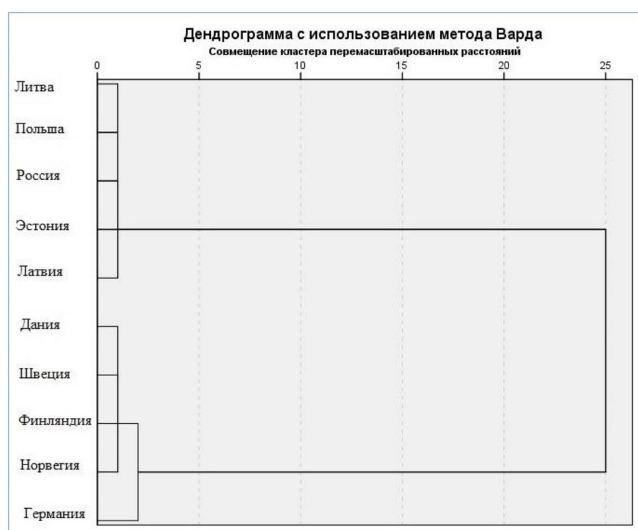

Рис. 3. Дендрограмма классификации стран Балтийского региона по валовым внутренним расходам на НИОКР, % от ВВП, и количеству исследователей на 1000 жителей

Использование метода комбинированной группировки также позволяет выделить подтипы. Так, анализ темпов роста абсолютных затрат на НИОКР выявляет три подтипа стран: страны с высокими темпами роста, это постсоциалистические

страны ЕС: Польша, Эстония, Литва и Латвия; страны с умеренным ростом: Германия, Швеция, Норвегия и Дания; страны с низкими или отрицательными темпами роста: Россия и Финляндия (табл. 4).

Таблица 4

Темпы роста абсолютных затрат на НИОКР в 2010–2020 гг., %

90–180	30–55	> 10
Польша (179,7)	Германия (51,2)	Россия (8)
Литва (160,5)	Швеция (40,9)	Финляндия (–0,5)
Эстония (106,7)	Норвегия (35,5)	—
Латвия (91,6)	Дания (33,3)	—

Примечание: полужирным шрифтом обозначены «страны с традиционной рыночной экономикой».

Анализ структуры финансирования НИОКР позволяет выделить несколько под-типов по количеству занятых исследователей в различных секторах. Коммерческий сектор (Business enterprise sector — R&D (BES)) финансирует больше 50 % НИОКР в Германии, Швеции, Дании, Финляндии, Польше и Эстонии. Лидерами по уровню финансирования науки государственным сектором (Government sector — R&D (GOV)) являются Норвегия и Россия (более 40 %), в остальных странах с традиционной рыночной экономикой этот показатель меньше 30 %, для постсоциалистических стран ЕС (Польша, Литва, Эстония и Латвия) данный показатель существенен и колеблется в пределах 30–40 %. Важную роль играет финансирование НИОКР зарубежным сектором (Abroad sector — R&D) для стран Прибалтики (Эстонии, Латвии и Литвы) и Финляндии — больше 10 %, в Польше, Швеции, Норвегии, Германии и Дании он варьируется в пределах 5–10 % и совсем незначителен для России. Невысоким является показатель финансирования НИОКР частным некоммерческим сектором (Private non-profit sector — R&D (PNP)), однако следует отметить, что для стран Северной Европы (Норвегии, Швеции, Дании и Финляндии) он составляет более 1 % с тенденцией к медленному увеличению (табл. 5).

Таблица 5

Типология стран Балтийского региона по структуре финансирования НИОКР, %

Коммерческий сектор (Business enterprise sector — R&D (BES))		Государственный сектор (Government sector — R&D (GOV))			Зарубежный сектор (Abroad sector — R&D)			Частный некоммерческий сектор (Private non-profit sector — R&D (PNP))	
> 50	< 50	> 40	30–40	< 30	> 10	5–10	< 5	> 1	< 1
Германия	Норвегия	Норвегия	Польша	Дания	Литва	Польша	Россия	Дания	Германия
Швеция	Литва	Россия	Эстония	Германия	Латвия	Швеция	—	Швеция	Россия
Дания	Латвия	—	Литва	Финляндия	Эстония	Норвегия	—	Финляндия	Польша
Финляндия	Россия	—	Латвия	Швеция	Финляндия	Германия	—	Норвегия	Эстония
Польша	—	—	—	—	—	Дания	—	—	Латвия
Эстония	—	—	—	—	—	—	—	—	Литва

Примечание: полужирным шрифтом обозначены «страны с традиционной рыночной экономикой».

Исследование состояния трудовых ресурсов НТП показывает, что во всех странах, кроме Латвии, России и Финляндии, растет количество исследователей, особенно большие темпы роста демонстрирует Польша, существенный рост происходит в Швеции, Германии и Норвегии, умеренный — в Эстонии, Дании и Литве (табл. 6).

Таблица 6

Темпы роста общей численности исследователей в 2010–2019 гг., %

> 85	60–35	25–10	> 0
Польша (87,2)	Швеция (59,5)	Эстония (22,5)	Финляндия (-3,5)
—	Германия (37,7)	Дания (19,3)	Латвия (-6,8)
—	Норвегия (35,7)	Литва (12)	Россия (-9,4)

Примечание: полужирным шрифтом обозначены «страны с традиционной рыночной экономикой».

Источник: Total researchers by sectors of performance, 2022, Eurostat, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-datasets/-/tsc00003> (дата обращения: 17.06.2022).

В постсоциалистических странах отмечается меньшая, чем в странах с традиционной рыночной экономикой, доля занятых в коммерческом секторе. Для России характерен высокий процент исследователей, занятых в государственном секторе (Government sector — R&D (GOV)), и низкий — в секторе высшего образования (Higher education sector — R&D (HES)). К государствам с высокой занятостью исследователей в секторе высшего образования можно отнести постсоциалистические страны ЕС: Польшу, Эстонию, Литву и Латвию (табл. 7).

Таблица 7

Типология стран Балтийского региона по структуре занятости исследователей, %

Коммерческий сектор (Business enterprise sector — R&D (BES))			Государственный сектор (Government sector — R&D (GOV))			Сектор высшего образования (Higher education sector — R&D (HES))		
> 50	~ 50	< 50	> 30	10–20	< 10	> 40	30–40	< 30
Германия	Норвегия	Литва	Россия	Эстония	Польша	Польша	Норвегия	Германия
Швеция	Россия	Латвия	—	Норвегия	Дания	Литва	Дания	Швеция
Дания	Польша	Эстония	—	Германия	Швеция	Латвия	Финляндия	Россия
Финляндия	—	—	—	Латвия	Финляндия	Эстония	—	—
—	—	—	—	Литва	—	—	—	—

Примечание: полужирным шрифтом обозначены «страны с традиционной рыночной экономикой».

Заключение

В ходе исследования осуществлено структурирование типов стран по уровню научно-технологического развития на основании рассмотрения и анализа групп показателей, отражающих разные составные части НТП, а также сектора деятельности. Исследование продемонстрировало, что состояние НТП Балтийского региона складывалось достаточно продолжительное время и за исключением Польши, которая демонстрирует серьезные структурные изменения в состоянии НТП, отличается достаточной устойчивостью.

Несмотря на разницу в размерах исследуемых государств в части, касающейся анализа объема финансирования НИОКР и состояния трудовых ресурсов НТП, они демонстрируют два схожих состояния, описанных нами как «страны с традиционной рыночной экономикой» и «постсоциалистические страны». Причем второй тип отличается таким уровнем финансирования НТП и уровнем развития научно-исследовательских кадров, который явно недостаточен, чтобы успешно конкурировать с развитыми странами первого типа, а соответственно, на равных участвовать в функционировании ГПС.

Можно констатировать, что несколько десятилетий, прошедших с периода распада социалистического блока, не привели к выравниванию ситуации в выявленных типах стран. «Постсоциалистические страны» прошли через слом экономической и социальной систем после падения режимов «народной демократии» и распада Советского Союза, что не могло оказать на них положительного влияния.

Вместе с тем углубленное исследование путем привлечения данных о структуре финансирования и состояния трудовых ресурсов показывает ряд различий. Для постсоциалистических стран ЕС (Польша, Литва, Эстония и Латвия) характерны высокие темпы роста абсолютных затрат на НИОКР за последние 10 лет (см. табл. 2), что свидетельствует, с одной стороны, о самом низком среди рассматриваемых стран начальном уровне, с другой — о большом весе в структуре финансирования НИОКР иностранных фондов (*abroad sector — R&D*), что особенно свойственно странам Прибалтики [31]. «Страны с традиционной рыночной экономикой» (за исключением Финляндии) также демонстрируют уверенный рост абсолютных затрат на НИОКР (см. табл. 4). Вместе с тем Россия показывает самые низкие темпы роста абсолютных затрат на НИОКР за последние 10 лет (у Финляндии отмечается небольшое падение) (см. табл. 4).

Финансирование и состояние трудовых ресурсов в исследуемой области в значительной мере связаны, поскольку увеличение инвестиций в НТП приведет к повышению престижности профессии исследователя, улучшению качества и эффективности его труда. На это указывают результаты и нашего исследования. Уверенный рост с 2010 по 2019 г. наблюдается у Польши, значительный — у Швеции, Германии, Норвегии, умеренный — у Эстонии, Дании, Литвы, тогда как Финляндия, Латвия и Россия показали падение (см. табл. 6).

В области структуры финансирования и структуры занятости Россию отличает высокая роль государства (см. табл. 5, 7), а в структуре занятости — и наименьшая роль сектора высшего образования (*Higher education sector — R&D (HES)*).

Таким образом, Российская Федерация имеет высокий, но сокращающийся по сравнению с наиболее динамично развивающимися странами потенциал развития НТП. Сегодня важно увеличивать финансирование НТП за счет создания условий для стимуляции инвестиций коммерческого сектора (*Business enterprise sector — R&D (BES)*), не ограничиваясь государственными инвестициями, а также повышать престиж профессии исследователя. Здесь примером может быть Германия как наиболее близкая по размерам (территории, населению, номинальному ВВП и т. д.) и прошедшему опыту преодоления последствий развала социалистической экономики страна.

В условиях временного снижения эффективного участия России в международном сотрудничестве и международном разделении труда в связи с изменившейся геополитической ситуацией важным институтом научно-технологического развития могут стать коллаборации внутри страны на межрегиональном уровне и развитие более тесных связей со странами ЕАЭС, ШОС, БРИКС.

Исследование будет дополнено опросами экспертов, а также сконцентрировано на анализе экспорта/импорта стран Балтийского региона и патентной деятельности, что позволит дать характеристику востребованности научно-технологической подсистемы и дать прогноз ее развития.

Исследование выполнено при финансовой поддержке БФУ им. И. Канта в рамках научного проекта № 122040500026-0.

Список литературы

1. Komkov, N. I. 2017, Scientific and technological development: Limitations and opportunities, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 28, № 5, p. 472—479, <https://doi.org/10.1134/S1075700717050094>.
2. Belyakov, G., Ryzhaya, A., Belyakova, Y., Shpak, A., Belyakov, S. 2018, Regional system of scientific and technological development of the industrial complex in the Russian Federation, *Espacios*, vol. 39, № 36, p. 28.
3. Mintsaeв, M., Пина, I., Parfenova, S., Dolgova, V., Zharova, E., Agamirova, E. 2018, Evaluation of Availability of Human, Scientific, Technological and Innovative Potential in the Context of Priorities in Scientific and Technological Development of the Russian Federation, *Integration of Education*, № 3, p. 460—479, <https://doi.org/10.15507/1991-9468.092.022.201803.460-479>.
4. Mazilov, E., Alferyev, D., Zaripova, D. 2020, Forecasting scientific and technological development as a basis for the formation of the digital economy, *Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference*, <https://doi.org/10.1145/3388984.3390820>.
5. Блануца, В. И. 2015, Пространственная диффузия нововведений: сфера неопределенности и сетевая модель, *Региональные исследования*, № 3, с. 4—12.
6. Gonnova, S., Razuvaeva, E., Pivinskii, I. 2018, Scientific and Technological Development: The Binding Element of the CIS Countries (Based on the Example of Russia and Belarus), *Scientific and Technical Information Processing*, vol. 45, № 4, p. 193—208, <https://doi.org/10.3103/S0147688218040044>.
7. Глазьев, С. Ю. 2022, Регулирование инновационных процессов в новом технологическом и мирохозяйственном укладах, *Экономическое возрождение России*, № 2 (72), с. 24—27, <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-2-72-24-27>.
8. Starodubov, V., Kurakova, N. 2016, Identifying the subject in the strategy for scientific and technological development of the Russian Federation, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, № 86, p. 441—447, <https://doi.org/10.1134/S1019331616060150>.
9. Sazonova, A., Kuzmenko, A., Terekhov, M. 2020, Calculation of a Complex Indicator of the Innovation Potential, *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, № 753, p. 042028, <https://doi.org/10.1088/1757-899X/753/4/042028>.
10. Бабурин, В. Л., Земцов, С. П. 2017, *Инновационный потенциал регионов России*, Москва : Университетская книга, 358 с.
11. Amrin, A., Nurlanova, N. 2020, Innovation Activity: Localization, New Trends and Assessment Methods, *Engineering Economics*, vol. 31, № 2, p. 134—144, <https://doi.org/10.5755/j01.ee.31.2.21501>.
12. Kurakova, N., Zinov, V., Tsvetkova, L. 2017, The system of measurable indicators for scientific and technological development of the Russian Federation: methodology and design, *Scientific and Technical Information Processing*, vol. 44, № 3, p. 184—195, <https://doi.org/10.3103/S0147688217030054>.
13. Бабурин, В. Л., Даньшин, А. И., Караваев, П. Л., Катровский, А. П., Розанова, Н. Н., Яськова, Т. И. 2021, «Эффект колеи»: Традиционное и инновационное в развитии Смоленской области, Смоленск : Изд-во Смоленского государственного университета, 172 с.
14. Кузнецов, А. Л., Зверев, Ю. М. 2019, «Эффект колеи» и его использование в региональных исследованиях (на примере Калининградской области), *Региональные исследования*, № 2 (64), с. 15—24, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-2-2>.
15. Dunning, J. 2000, The eclectic paradigm as an envelope for economic and business theories of MNE activity, *International Business Review*, vol. 9, № 2, p. 163—190, [https://doi.org/10.1016/S0969-5931\(99\)00035-9](https://doi.org/10.1016/S0969-5931(99)00035-9).

16. McWilliam, S., Kim, J., Mudambi, R., Nielsen, B. 2020, Global value chain governance: Intersections with international business, *Journal of World Business*, vol. 55, № 4, p. 101067, <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2019.101067>.
17. Lee, J., Gereffi, G. 2015, Global value chains, rising power firms and economic and social upgrading, *Critical perspectives on international business*, vol. 11, № 3/4, p. 319—339, <https://doi.org/10.1108/cpoib-03-2014-0018>.
18. Hannibal, M., Knight, G. 2018, Additive manufacturing and the global factory: Disruptive technologies and the location of international business, *International Business Review*, vol. 27, № 6, p. 1116—1127, <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2018.04.003>.
19. Caron, J., Fally, T., Markusen, J. 2020, Per capita income and the demand for skills, *Journal of International Economics*, vol. 123, p. 103306, <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2020.103306>.
20. Gervais, A., Markusen, J., Venables, A. 2021, Urban Specialisation; from Sectoral to Functional, *SSRN Electronic Journal*, <https://doi.org/10.2139/ssrn.3770459>.
21. Markusen, J. R., 2005, Modeling the Offshoring of White Collar Services: From Comparative Advantage to the New Theories of Trade and FDI, *NBER Working Paper*, p. 11827.
22. Gervais, A., Markusen, J., Venables, A. 2022, Regional Specialization: From the Geography of Industries to the Geography of Jobs, *SSRN Electronic Journal*, <https://doi.org/10.2139/ssrn.4092368>.
23. Defever, F. 2006, Functional fragmentation and the location of multinational firms in the enlarged Europe, *Regional Science and Urban Economics*, vol. 36, № 5, p. 658—677, <https://doi.org/10.1016/J.REGSCIURBECO.2006.06.007>.
24. Collinson, S., Narula, R., Qamar, A., Rugman, A. M. 2020, *International business*, Hoboken: Pearson, 730 p.
25. Buckley, P., Strange, R., Timmer, M., de Vries, G. 2020, Catching-up in the global factory: Analysis and policy implications, *Journal of International Business Policy*, № 3, p. 79—106, <https://doi.org/10.1057/s42214-020-00047-9>.
26. Drogovoz, P., Yusufova, O., Kashevarova, N., Shiboldenkov, V. 2019, Exploratory data analysis of national indicators referred to scientific and technological development and to economic growth, *AIP Conference Proceedings*, vol. 2171, p. 080003, <https://doi.org/10.1063/1.5133225>.
27. Hacker, S. R., Klaesson, J., Pettersson, L., Sjölander, P. 2013, Regional Economic Concentration and Growth. In: Klaesson, J., Johansson, B., Karlsson, C. (eds.), *Metropolitan Regions. Advances in Spatial Science*. Springer, Berlin, Heidelberg, https://doi.org/10.1007/978-3-642-32141-2_6.
28. Harvey, D. 2003, *The new imperialism*, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1093/oso/9780199264315.001.0001>.
29. Fedorov, G., Kuznetsova, T. 2019, The Coastal Microdistricts of the Baltic Region: the Spatial Aspects of Development, *Economy of Region*, vol. 15, № 1, p. 137—150, <https://doi.org/10.17059/2019-1-11>.
30. Marković, D., Janačković, G., Simeunović, N., Lalić, B. 2019, Identifying and ranking novel indicators of MSMEs innovation potential, *Technology Analysis & Strategic Management*, vol. 32, № 5, p. 529—541, <https://doi.org/10.1080/09537325.2019.1675871>.
31. Azhinov, D., Lapshova, T. 2022, Typologization of the Baltic region countries by the level of scientific and technological development, *Mendeley Data*, Version 1, <https://doi.org/10.17632/jxnkg4m52.1>.

Об авторах

Данил Геннадьевич Ажинов, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: dazhinov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1968-8840>

Лашова Татьяна Евгеньевна, ведущий специалист Центра научных проектов и программ, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tar625le@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3209-8308>

A TYPOLOGY OF THE BALTIC REGION STATES ACCORDING TO EXCELLENCE IN SCIENCE AND TECHNOLOGY

D. G. Azhinov

T. E. Lapshova

Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevskogo St, Kaliningrad, 236016, Russia

Received 07 July 2022

Accepted 17 November 2022

doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-5

© Azhinov, D. G., Lapshova, T. E., 2023

Global manufacturing systems function in such a way that countries develop industrial specialisation, which leads to territorial disparities. The countries of the Baltic region are no exception despite their strong economic ties and developed industries. A significant element of any manufacturing system is its scientific and technological subsystem, which is described in this article for ten countries (Germany, Sweden, Denmark, Norway, Finland, Poland, Estonia, Latvia, Lithuania and Russia), based on an analysis of a clustered set of national characteristics: R&D financing and staffing in the scientific and technological subsystem. A total of ten indicators, absolute and relative, are investigated. The study relies on combined grouping, graphical and cluster analysis to build a typology of countries and distinguish their types according to their scientific and technological excellence. As a result, a typology of the countries of the Baltic Sea region has been proposed and types of countries with similar characteristics have been identified: the two main types are traditional market economies and post-socialist countries, whose common features are observed in all sets of main characteristics. Several subtypes are described as well. The research draws on 2010–2019 (2020) statistical data from the European Statistical Office (Eurostat), the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) and Russia's Federal State Statistics Service (Rosstat).

Keywords:

scientific and technological development, country-specific assets, manufacturing system, scientific and technological subsystem, gross domestic expenditure on R&D, intramural R&D expenditures, personnel potential

References

1. Komkov, N.I. 2017, Scientific and technological development: Limitations and opportunities, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 28, № 5, p. 472–479, <https://doi.org/10.1134/S1075700717050094>.
2. Belyakov, G., Ryzhaya, A., Belyakova, Y., Shpak, A., Belyakov, S. 2018, Regional system of scientific and technological development of the industrial complex in the Russian Federation, *Espacios*, vol. 39, №36, p. 28.
3. Mintshev, M., Ilina, I., Parfenova, S., Dolgova, V., Zharova, E., Agamirova, E. 2018, Evaluation of Availability of Human, Scientific, Technological and Innovative Potential in the Context of Priorities in Scientific and Technological Development of the Russian Federation, *Integration of Education*, № 3, p. 460–479, <https://doi.org/10.15507/1991-9468.092.022.201803.460-479>.
4. Mazilov, E., Alferyev, D., Zaripova, D. 2020, Forecasting scientific and technological development as a basis for the formation of the digital economy, *Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference*, <https://doi.org/10.1145/3388984.3390820>.

To cite this article: Azhinov, D. G., Lapshova, T. E. 2023, A typology of the Baltic region states according to excellence in science and technology, *Balt. Reg.*, Vol. 15, № 1, p. 78–95. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-5.

5. Blanutsa, V.I. 2015, Spatial diffusion of innovations: a sphere of uncertainty and network model, *Regional'nye issledovaniya [Regional studies]*, №3, с. 4—12.
6. Gonnova, S., Razuvaeva, E., Pivinskii, I. 2018, Scientific and Technological Development: The Binding Element of the CIS Countries (Based on the Example of Russia and Belarus), *Scientific and Technical Information Processing*, vol. 45, №4, p. 193—208, <https://doi.org/10.3103/S0147688218040044>.
7. Glaziev, S. Yu. 2022, Management of innovative processes in the new technological and world economic structures, *The Economic Revival of Russia*, №2 (72), p. 24—27, <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-2-72-24-27>.
8. Starodubov, V., Kurakova, N. 2016, Identifying the subject in the strategy for scientific and technological development of the Russian Federation, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, №86, p. 441—447, <https://doi.org/10.1134/S1019331616060150>.
9. Sazonova, A., Kuzmenko, A., Terekhov, M. 2020, Calculation of a Complex Indicator of the Innovation Potential, *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, №753, p. 042028, <https://doi.org/10.1088/1757-899X/753/4/042028>.
10. Baburin, V.L., Zemtsov, S.P. 2017, Innovation potential of Russian regions, Moscow : Universitetskaja kniga, 358 с.
11. Amrin, A., Nurlanova, N. 2020, Innovation Activity: Localization, New Trends and Assessment Methods, *Engineering Economics*, vol. 31, №2, p. 134—144, <https://doi.org/10.5755/j01.ee.31.2.21501>.
12. Kurakova, N., Zinov, V., Tsvetkova, L. 2017, The system of measurable indicators for scientific and technological development of the Russian Federation: methodology and design, *Scientific and Technical Information Processing*, vol. 44, №3, p. 184—195, <https://doi.org/10.3103/S0147688217030054>.
13. Baburin, V.L., Danshin, A.I., Karavaev, P.L., Katrovsky, A.P., Rozanova, N.N., Yaskova, T.I. 2021, «Jeffekt kolei»: Tradicionnoe i innovacionnoe v razvitii Smolenskoj oblasti, Smolensk : Izd-vo Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta, 172 p.
14. Kuznetsova, A.L., Zverev, Yu.M. 2019, The “Path dependence effect” and its application for regional studies (case of Kaliningrad oblast), *Regional'nye issledovaniya [Regional studies]*, №2 (64), p. 15—24, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-2-2>.
15. Dunning, J. 2000, The eclectic paradigm as an envelope for economic and business theories of MNE activity, *International Business Review*, vol. 9, №2, p. 163—190, [https://doi.org/10.1016/S0969-5931\(99\)00035-9](https://doi.org/10.1016/S0969-5931(99)00035-9).
16. McWilliam, S., Kim, J., Mudambi, R., Nielsen, B. 2020, Global value chain governance: Intersections with international business, *Journal of World Business*, vol. 55, №4, p. 101067, <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2019.101067>.
17. Lee, J., Gereffi, G. 2015, Global value chains, rising power firms and economic and social upgrading, *Critical perspectives on international business*, vol. 11, №3/4, p. 319—339, <https://doi.org/10.1108/cpoib-03-2014-0018>.
18. Hannibal, M., Knight, G. 2018, Additive manufacturing and the global factory: Disruptive technologies and the location of international business, *International Business Review*, vol. 27, №6, p. 1116—1127, <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2018.04.003>.
19. Caron, J., Fally, T., Markusen, J. 2020, Per capita income and the demand for skills, *Journal of International Economics*, vol. 123, p. 103306, <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2020.103306>.
20. Gervais, A., Markusen, J., Venables, A. 2021, Urban Specialisation; from Sectoral to Functional, *SSRN Electronic Journal*, <https://doi.org/10.2139/ssrn.3770459>.
21. Markusen, J.R. 2005, Modeling the Offshoring of White Collar Services: From Comparative Advantage to the New Theories of Trade and FDI, *NBER Working Paper*, p. 11827.
22. Gervais, A., Markusen, J., Venables, A. 2022, Regional Specialization: From the Geography of Industries to the Geography of Jobs, *SSRN Electronic Journal*, <https://doi.org/10.2139/ssrn.4092368>.
23. Defever, F. 2006, Functional fragmentation and the location of multinational firms in the enlarged Europe, *Regional Science and Urban Economics*, vol. 36, №5, p. 658—677, <https://doi.org/10.1016/J.REGSCIURBECO.2006.06.007>.
24. Collinson, S., Narula, R., Qamar, A., Rugman, A.M. 2020, International business, Hoboken: Pearson, 730 p.

25. Buckley, P., Strange, R., Timmer, M., de Vries, G. 2020, Catching-up in the global factory: Analysis and policy implications, *Journal of International Business Policy*, №3, p. 79–106, <https://doi.org/10.1057/s42214-020-00047-9>.

26. Drogozov, P., Yusufova, O., Kashevarova, N., Shiboldenkov, V. 2019, Exploratory data analysis of national indicators referred to scientific and technological development and to economic growth, *AIP Conference Proceedings*, vol. 2171, p. 080003, <https://doi.org/10.1063/1.5133223>.

27. Hacker, S. R., Klaesson, J., Pettersson, L., Sjölander, P. 2013, Regional Economic Concentration and Growth. In: Klaesson, J., Johansson, B., Karlsson, C. (eds.), *Metropolitan Regions. Advances in Spatial Science*. Springer, Berlin, Heidelberg, https://doi.org/10.1007/978-3-642-32141-2_6.

28. Harvey, D. 2003, *The new imperialism*, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1093/oso/9780199264315.001.0001>.

29. Fedorov, G., Kuznetsova, T. 2019, The Coastal Microdistricts of the Baltic Region: the Spatial Aspects of Development, *Economy of Region*, vol. 15, №1, p. 137–150, <https://doi.org/10.17059/2019-1-11>.

30. Marković, D., Janačković, G., Simeunović, N., Lalić, B. 2019, Identifying and ranking novel indicators of MSMEs innovation potential, *Technology Analysis & Strategic Management*, vol. 32, №5, p. 529–541, <https://doi.org/10.1080/09537325.2019.1675871>.

31. Azhinov, D., Lapshova, T. 2022, Typologization of the Baltic region countries by the level of scientific and technological development, *Mendeley Data*, Version 1, <https://doi.org/10.17632/jxnkww4m52.1>.

The authors

Danil G. Azhinov, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: dazhinov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1968-8840>

Tatiana E. Lapshova, Leading Specialist, the Centre for Scientific Projects and Programmes, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: tar625le@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3209-8308>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ВНУТРЕННИЕ РАЗЛИЧИЯ ПРОТЕКАНИЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА В БАЛТИЙСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ РОССИИ

И. Н. Алов¹

А. Н. Пилясов^{2, 3}

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

³АНО «Институт регионального консалтинга»,
117218, Россия, Москва, Нахимовский просп., 32

Поступила в редакцию 02.07.2022 г.

Принята к публикации 08.12.2022 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-6

© Алов И. Н., Пилясов А. Н., 2023

Статья посвящена анализу распространения коронавируса в Балтийском макрорегионе России. Для выявления региональной специфики пространства, влияющей на характер распространения пандемии, проведен анализ помесячной динамики избыточной смертности в балтийских регионах, антиковидных нормативных правовых актов регионального и муниципального уровней. Специфические свойства пространства балтийских регионов России с точки зрения их проницаемости к коронавирусу выявлялись в результате анализа отобранных социальных и экономических статистических показателей. Это позволило определить три типа балтийских регионов, которые могут быть рассмотрены в дихотомии «пространства мест и пространства потоков»: 1) Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области (преобладание пространств потоков с высокой степенью проницаемости пространства); 2) Республика Карелия и Мурманская область (ключевую роль играет фактор вахты и занесения вируса извне); 3) Новгородская и Псковская области (преобладание пространства мест с низкой проницаемостью и повышенной ролью локальных очагов заболеваемости). Для пространства потоков основным фактором риска является скорость распространения коронавируса по транспортным артериям. В пространстве мест коронавирус распространяется в результате пространственной диффузии из островных очагов поражения по коротким радиусам. В первом случае власти противодействовали пространственной диффузии коронавируса, ограничивая перемещения на местном рынке труда, во втором — ограничивая перемещения в контуре «городской центр — сельская периферия». Традиционные представления о позитивных (открытость, центральность) и негативных (закрытость, периферийность) свойствах пространства при изучении пандемии радикально меняются: периферия обретает преимущества естественной защищенности от пандемии, а центры демонстрируют повышенную уязвимость.

Ключевые слова:

Балтийский макрорегион, горизонтальная, иерархическая пространственная диффузия коронавируса, пространство потоков и пространство мест, помесячная избыточная смертность, антиковидное региональное законодательство

Для цитирования: Алов И. Н., Пилясов А. Н. Внутренние различия протекания пандемии коронавируса в Балтийском макрорегионе России // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 1. С. 96–119.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-6.

Введение и постановка проблемы

Пандемия коронавируса COVID-19 поставила перед российскими экономико-географами ряд новых задач, связанных с особенностями его распространения в пространстве регионов и муниципальных образований. Впервые в современной истории страна столкнулась с глобальным вызовом, оказывающим влияние на все сферы жизни и, соответственно, на все сферы экономики. При этом реакция общества и пространства на пандемию отличалась от региона к региону и от города к городу.

Экономико-географы России ответили на вызов пандемии многочисленными научными публикациями. В одних работах описывается специфика пандемии в конкретных территориях, в других — особенности распространения вируса в российских регионах в масштабе страны в целом. В работах С. П. Земцова и В. Л. Бабурина делается вывод, что на ранних этапах (в первые две волны) пандемия распространялась по территории России в соответствии с классическими принципами диффузии нововведений [1; 2]. Н. В. Зубаревич и С. Г. Сафронов выявили, что специализация на производстве автомобилей, а также на экспортных отраслях (добыча нефти, производство алмазов, цветная металлургия) обусловила максимальный ущерб экономике регионов Российской Федерации [3]. К схожему выводу в своей публикации пришли Л. Л. Емельянова и А. В. Лялина на примере Калининградской области [4]. С другой стороны, специализация регионов на производстве и торговле медицинскими изделиями, наоборот, дала импульс для активизации внешнеэкономической деятельности [5].

Полученные для России в целом выводы нуждаются в конкретизации. Для отдельных российских регионов она осуществлена силами местных исследователей [6—8]. Усилия по анализу распространения ковид-пандемии в российских макро-регионах практически не предпринимались. Между тем актуальность подобного анализа, например, для Балтийского региона не вызывает сомнений, так как это одна из наиболее экспортоориентированных территорий России; в число ключевых сфер экономики Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей входит автомобилестроение, особая уязвимость которого в период пандемии неоднократно отмечалась исследователями.

При изучении коронавируса следует учитывать не только экономико-географическое положение, но и физико-географические условия регионов, поскольку (как установлено В. Риосом и Л. Джанмоэной на примере Италии) для его распространения имеют значение не только экономические и социальные связи и контакты, но и особенности температуры, влажности конкретной территории [9]. В связи с этим оправданно учитывать влияние Балтийского моря, которое, как отмечают А. П. Клемешев и соавторы, в той или иной степени можно проследить на территориях Санкт-Петербурга, Ленинградской, Калининградской, Новгородской, Псковской и Мурманской областей и Республики Карелия [10].

Представление о Балтийском макрорегионе как о целостном географическом пространстве с единством экономической специализации и схожими физико-географическими условиями позволяет поставить исследовательский вопрос настоящей статьи: какова была специфика распространения коронавируса COVID-19 в пространстве Балтийского макрорегиона? Поиск ответа на этот вопрос подразумевает изучение как внутренней дифференциации процесса пространственной диффузии пандемии, так и Балтийского макрорегиона в общероссийском контексте. Такой подход актуален и целесообразен по причине недостаточного внимания исследо-

вателей к «ковидным» свойствам пространства отдельных регионов и ввиду неизбежности вызовов новых вирусных инфекций [11]. Необходимо понять реакцию российского балтийского регионального пространства на коронавирус COVID-19 и на основе этого вынужденного «тренинга» сделать выводы для будущего.

Методология исследования

Наша методология изучения пространственного распространения коронавируса в Балтийском макрорегионе формировалась как результат обобщения методического инструментария зарубежных и российских коллег с учетом ограничений, накладываемых спецификой объекта исследования.

По мнению многих исследователей [12—14], для специфичных условий России, ее обширных пространств наиболее пригодным для анализа является показатель избыточной смертности. В некоторых других странах исследователи-демографы также подтверждают правоту использования данного показателя для диагностики хода пандемии и ущерба от нее [15—18]. Среди медико-демографических показателей именно избыточная смертность — самый подходящий индикатор распространения пандемии в регионах и муниципальных образованиях.

Другие показатели отличаются меньшей достоверностью — в частности, за счет того, что смертность от коронавируса нередко не фиксируется, а его симптомы часто сходны с симптомами других вирусных заболеваний и статистически могут относиться к ним (например, ОРВИ). Показатели региональной госпитализации не всегда коррелируют с уровнем заболеваемости и смертности от ковида.

Наиболее широко применяемым количественным методом анализа факторов, объясняющих страновую и региональную специфику распространения коронавируса, был регрессионный анализ. Например, в статье А. Н. Пилясова, Н. Ю. Замятиной и Е. А. Котова предложена регрессионная модель для всех субъектов Российской Федерации, объясняющая зависимость показателя избыточной смертности от доли занятых в контактоемких оптовой и розничной торговле, в обрабатывающей промышленности (крупные коллективы, занятые на производствах непрерывного цикла); от доли населения старше 65 лет; количества объектов розничного ритейла на 1000 человек населения [19].

Российская специфика существенно отличается, например, от ситуации в США, где на показатель избыточной смертности в значительно большей степени влиял расовый состав населения и политические предпочтения жителей тех или иных территорий [20]. С другой стороны, в странах Евросоюза обнаружены те же сильные зависимости, что и в регионах России: от доли пожилого населения и активности международной торговли [21]. Россия отличается от ряда европейских стран (в частности, от Италии) тем, что здесь не вполне работают традиционные центр-периферийные модели распространения вируса и значительно большую роль играют локальные, в том числе социокультурные, институциональные факторы [19; 22]. Именно внимание к институциональным факторам видится нам ключевым при рассмотрении пандемии во внутрироссийском контексте.

Среди работ, посвященных институциональным факторам распространения вируса, не использующих регрессионный анализ, преобладает анализ реакции властей на пандемию. В исследовании антиковидной политики государств ЕС было отмечено стремление к переходу от реакционных мер по борьбе с пандемией к долгосрочным стратегическим решениям — повышению доступности вакцинации, разработке общеевропейских рамочных документов в области контроля

над распространением инфекционных заболеваний [23]. Анализ реакции британских властей с точки зрения управления рисками и политической коммуникации (проведения различных кампаний, просветительских мероприятий для населения) позволил выявить основные недостатки принятых решений — их непоследовательность и излишнюю политизацию [24]. Испанские исследователи предложили оригинальную количественную модель оценки эффективности локдауна, позволившую определить объем ВВП, который был бы сохранен в случае более раннего ввода локдауна [25]. Политика стран Юго-Восточной Азии в отношении пандемии коронавируса изучалась сингапурскими специалистами путем анализа нормативных правовых актов в области коронавирусных ограничений [26]. Авторы пришли к выводу, что характер реакции властей имеет не меньшее значение в контексте противодействия пандемии, чем географические и экономические параметры страны.

Особенность объекта нашего исследования — Балтийский макрорегион в составе семи российских регионов — затрудняет применение регрессионного анализа, который хорошо работает на обширных совокупностях (десятки, сотни объектов и т. д.). Рассматривать муниципальную статистику, например, по общей смертности и смертности по основным причинам для анализа пространственного распространения пандемии в российской Балтике рискованно ввиду того, что данные по смертности от коронавируса, особенно в первый год пандемии, как широко признано, недостаточно достоверны ввиду путаницы в причинах смерти, местах регистрации «ковидных» смертей и др.

Поэтому мы использовали помесечные данные об избыточной смертности для характеристики распространения пандемии, а вместо количественного анализа, основанного на регрессии, провели качественный анализ антиковидных нормативных правовых актов. Специфические свойства пространства балтийских регионов России с точки зрения их проницаемости к коронавирусу выявлялись в результате анализа отобранных социальных и экономических статистических показателей: особое внимание было уделено их экстремальным значениям — региональным минимумам и максимумам среди всей рассматриваемой совокупности семи балтийских субъектов Российской Федерации.

Перспективным способом выявления «коронавирусной» специфики пространства Балтийского региона может быть применение дихотомии «пространство мест и пространство потоков», разработанной М. Кастельсом [27]. Пространство мест — традиционная форма пространственной организации взаимодействий между людьми. В эпоху информационных технологий возникает пространство потоков — такая организация социальных практик в пространстве, при которой между акторами социального взаимодействия налаживаются повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий (потоки).

Пандемия коронавируса переворачивает традиционные представления о преимуществах и недостатках двух типов пространств. Современная глобальная экономика ставит в более выгодное положение пространства потоков, поскольку они более восприимчивы к новым массивам информации и капитала. Пространства мест — более инерционные и менее адаптированные к современным экономическим реалиям. В ситуации, когда активность взаимодействий между людьми оказывает существенное влияние на распространение коронавируса, «герметичные» пространства мест являются более безопасными, чем открытые инновациям (в том числе «негативным» — вирусным) пространства потоков.

Методика исследования

Алгоритм разработанной нами методики анализа пространственной диффузии пандемии в территориях российской Балтики учитывал зарубежный опыт страновых и региональных исследований и включал в себя три шага. На первом определялся характерный тип динамики помесечной избыточной смертности балтийских регионов России. Она была вычислена по данным Росстата как превышение смертности за период с апреля 2020 по декабрь 2021 г. над средней за соответствующие периоды 2015—2019 гг., взвешенное на душу населения без учета тренда изменений смертности. Взвешенный показатель был применен для ликвидации эффекта исходной низкой базы, который проявляется при обычно используемом показателе процентного превышения абсолютных значений смертности 2020 г. к среднему за 2015—2019 гг.

На втором шаге осуществлялся анализ региональных (и отдельных муниципальных) нормативных правовых актов по противодействию пандемии, что позволило выявить институциональную дифференциацию субъектов РФ в составе Балтийского макрорегиона в контексте реакции на вызовы коронавируса. Для этого было оценено количество и время принятия соответствующих актов, оценена их строгость, а также проведен содержательный анализ на предмет того, на предотвращение какого именно типа пространственной диффузии коронавируса направлены данные меры.

На третьем шаге проводилась интеграция полученных результатов с характеристиками пространства конкретных балтийских регионов, которые определялись на основе анализа статистических экстремумов (региональных минимальных и максимальных показателей).

Результаты исследования

1. Анализ данных об избыточной смертности (рис. 1) позволил выделить четыре типа регионов со сходной помесечной динамикой этого показателя:

а) Санкт-Петербург и Ленинградская область: пики избыточной смертности наблюдаются раньше, чем в среднем по России, в Санкт-Петербурге они более выраженные;

б) Калининградская область и Республика Карелия: значительная амплитуда помесечных показателей избыточной смертности, самые высокие пики совпадают по времени с общероссийскими;

в) Новгородская и Псковская области: динамика сходна со среднероссийской, но избыточная смертность ниже, пики совпадают по времени с общероссийскими;

г) особый случай Мурманской области, связанный с ее арктической спецификой, — значимой ролью в пандемии вахтовых поселков и многочисленных ЗАТО, локализованностью производственных коллективов и воинских подразделений, что нередко вызывало вспышки заболевания. Динамика избыточной смертности в области характеризуется наличием уникальных для Балтийского региона пиков.

2. Меры противодействия пространственной диффузии коронавируса в одних балтийских регионах («пространстве мест») были направлены на ограничение перемещений на местном рынке труда, в других («пространстве потоков») — на ограничение как горизонтальных, в контуре местного рынка труда, так и иерархических перемещений «городской центр — сельская районная периферия, город-центр — город-центр низшего порядка».

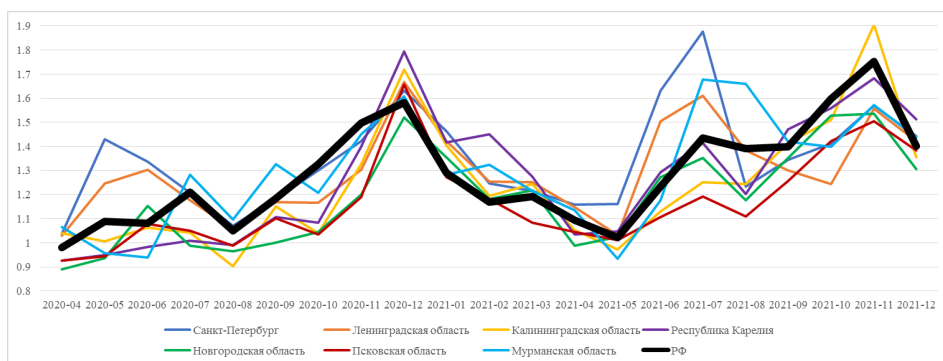

Рис. 1. Динамика избыточной смертности в Балтийском регионе и в среднем по России, раз

Составлено по расчетам аспиранта географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Б. В. Никитина.

Для поиска местных факторов дифференциации протекания пандемии мы обратились к массиву нормативных правовых актов, связанных с коронавирусными ограничениями (табл. 1) а также к сообщениям местных СМИ на интернет-ресурсах о вспышках заболеваемости на тех или иных территориях.

Таблица 1

Общая характеристика антиковидного законодательства регионов российской Балтики (01.01.2020 – 18.12.2021)

Регион	Общее количество нормативных правовых актов (НПА)	в том числе муниципального уровня	из них по городским округам	НПА, в которых упомянут вахтовый метод организации работ	НПА, в которых упомянуты карантин и карантинные меры
Санкт-Петербург	803	Нет	Нет	0	9
Ленинградская область	797	Более 550	Более 50	0	69
Калининградская область	572	Более 200	Более 200	0	82
Республика Карелия	389	Нет	Нет	4	10
Псковская область	710	Более 200	Более 75	10	107
Новгородская область	489	Более 50	Более 30	6	6
Мурманская область		Более 450	Более 350 (в том числе по ЗАТО – 155)	4	37
	1098				

Источник: расчеты авторов по базе данных нормативной правовой информации «КонсультантПлюс».

Самый большой массив антиковидного законодательства сформировала Мурманская область, особенности пространства которой обусловили значительную специфику протекания здесь ковид-пандемии. Например, феномен городов-ЗАТО

был отражен в 155 муниципальных и региональных нормативных правовых актах, которые адаптировали федеральные и региональные меры к особенностям местной военной экономики, образу жизни местных сообществ и арктическим природно-климатическим и транспортно-географическим условиям. Предельно активно развивалось муниципальное антиковидное законодательство в Ленинградской области, для которой характерна максимальная доля муниципальных актов во всем региональном антиковидном законодательстве. В основном это были нормативные акты по муниципальным районам, которые обладали существенной «тюненовской» спецификой с точки зрения связей с ядром-центром городом Санкт-Петербургом. Калининградская область стала «чемпионом» по доле муниципальных антиковидных нормативных правовых актов по городским округам — их доля в общем региональном антиковидном законодательстве была максимальной, что отразило особенность преимущественно «городской» системы расселения. Республика Карелия охарактеризовалась предельной централизованностью подхода в деле антиковидного нормотворчества — здесь практически не было нормативных актов, направленных на противодействие ковиду на муниципальном уровне, — всё решали для всех муниципалитетов региональные власти. Псковская область исключительно активно использовала карантинные меры (то есть локализованный комплексный запрет на перемещения в пространстве) для противодействия ковид-пандемии. Здесь было больше всего документов по регламентации вахтового метода организации работ — несмотря на то, что он здесь распространен только на строительных работах и очень ограниченно по сравнению, например, с Мурманской областью. В отличие от нее Новгородская область характеризовалась существенно большей централизованностью в выработке антиковидных ограничений — преимущественно с регионального уровня и очень мало — с уровня городских округов и муниципальных районов.

Для определения хроноструктуры ковидного законодательства в балтийских регионах решено было отдельно проанализировать эволюцию базового регионально-антиковидного акта с точки зрения месяцев внесения в него поправок и принятия новых редакций, а также помесечную динамику антиковидного нормотворчества (табл. 2, 3).

Активность поправок и редакций во многих случаях совпадает с волнами пандемии, которые можно увидеть на графике помесечной динамики избыточной смертности. Пик правок в большинстве регионов пришелся на первую волну пандемии, которая длилась март — июль (июль) 2020 г. Вторая волна обозначается новой активностью редакций и правок в базовый антиковидный региональный закон — это сентябрь (октябрь) — декабрь 2020 г. Третья волна отчетливо не диагностируется в пиках правок и редакций, которые в большинстве регионов имеют размытый (не концентрированный, как предшествующие) характер: но в Калининградской, Псковской, Новгородской области, Республике Карелия можно отчетливо увидеть кластер поправок октября — ноября 2021 г.

Наши выводы о возможности увидеть волны пандемии в нормотворческой активности подкрепляются при анализе помесечной динамики принятия нормативных правовых актов в регионах Балтики. И здесь, как и при анализе календаря поправок и редакций к базовому антиковидному региональному закону, обнаруживается первый кластер марта — июля 2020 г., рассредоточенный второй пик в октябре — декабре 2020 г. и третий кластер законотворческой активности в октябре — ноябре 2021 г., которые синхронизируются с пиками коронавирусной пандемии (табл. 3).

Строгость ограничений, введенных до появления вакцин против коронавируса, была оценена по принципу светофора (красный — жесткие, желтый — средние, зеленый — мягкие). Результат оценки представлен в таблице 4.

Таблица 2

Помесячная динамика внесения поправок (редакций) в основополагающий региональный нормативный правовой акт по предотвращению распространения коронавирусной инфекции¹

Регион	2020												2021											
	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12		
Санкт-Петербург	7	4	3	6	2	3	2	3	4	4	3	1	2	3	1	3	2	1	1	3	1	0		
Ленинградская область	4	2	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
Калининградская область	1	0	0	5	3	2	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6	5	1		
Республика Карелия	12	12	16	10	5	6	3	5	13	11	7	5	6	1	3	6	1	2	2	6	5	2		
Новгородская область	4	7	4	2	3	2	3	4	2	5	2	2	4	3	2	1	4	2	2	4	3	0		
Псковская область	0	14	10	7	8	4	2	4	3	4	2	4	2	2	1	3	5	1	1	5	4	2		
Мурманская область	4	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		

Источник: расчеты авторов по базе данных нормативной правовой информации «КонсультантПлюс».

¹ Основополагающий НПА по каждому региону: О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 г. №121 ; О введении на территории Ленинградской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Ленинградской областной подсистемы РСЧС и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 на территории Ленинградской области : постановление Правительства Ленинградской области от 13.03.2020 г. №117 ; О введении на территории Калининградской области режима повышенной готовности для органов управления и сил территориальной подсистемы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Калининградской области и некоторых мерах по предотвращению распространения в Калининградской области новой коронавирусной инфекции : постановление Правительства Калининградской области от 16.03.2020 г. №134 ; О введении с 12 марта 2020 года на территории Республики Карелия режима повышенной готовности для органов управления и сил территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Республики Карелия : распоряжение главы Республики Карелия от 12.03.2020 №127-р ; О введении режима повышенной готовности : указ губернатора Новгородской области от 06.03.2020 г. №97 ; О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Псковской области в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : указ губернатора Псковской области от 15.03.2020 г. № 30-УГ ; О мерах по противодействию распространению на территории Мурманской области новой коронавирусной инфекции (2019-ncov) : постановление губернатора Мурманской области от 16.03.2020 г. №47-п.

Таблица 3

**Хроноструктура процесса антиковидного нормотворчества в регионах российской Балтики
(январь 2020 — декабрь 2021 г.)**

Регион	2020												2021											
	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12
Санкт-Петербург	3	3	53	92	68	63	53	57	25	41	39	79	17	16	24	20	20	23	23	16	14	19	24	11
Ленинградская область	1	0	71	100	91	78	42	21	23	40	34	35	13	21	16	13	13	22	35	31	16	31	17	33
Калининградская область	1	1	58	83	38	50	37	25	23	21	25	37	9	9	15	13	19	17	15	13	16	19	18	10
Республика Карелия	2	3	19	49	39	29	19	12	11	20	23	40	6	8	13	8	8	17	17	9	12	11	8	6
Псковская область	1	3	71	117	58	60	46	32	13	26	24	41	13	22	14	16	9	20	19	15	13	38	24	15
Новгородская область	1	2	34	72	62	59	38	30	11	28	18	22	8	9	14	6	4	16	9	7	7	16	9	7
Мурманская область	0	3	107	177	154	145	58	45	21	55	54	78	13	25	17	18	14	19	22	14	6	17	26	10

Источник: расчеты авторов по базе данных нормативной правовой информации «КонсультантПлюс».

Таблица 4

**Оценка степени строгости дополнительных ограничений, вводимых региональной властью,
в 2020 г. в период пандемии COVID-19**

Регион	Степень строгости дополнительных ограничений (светофор)
Санкт-Петербург	Красный
Ленинградская область	Желтый
Калининградская область	Зеленый
Республика Карелия	Красный
Новгородская область	Зеленый
Псковская область	Зеленый
Мурманская область	Красный

После детального анализа «ковидной» нормативной правовой базы регионов и муниципальных образований России по данным системы правовой информации «КонсультантПлюс» пришло понимание наличия общероссийских, заданных на федеральном уровне, ограничений пространственной мобильности и региональных. На региональном уровне во многих случаях в 2020 г. происходило повторение федеральных и московских норм ограничения мобильности. Нас интересовали дополнительные меры, которые принимались региональными властями, исходя из специфики протекания пандемии в их «пространствах». Обобщение «ковидной» нормативной правовой базы во всех российских регионах за 2020 г. первых волн пандемии позволило выявить пять направлений дополнительных ограничений пространственных перемещений людей: 1) ограничения внутрирегиональных перевозок/перелетов пассажиров и багажа в аэропортах и/или пунктах пропуска (есть/нет); 2) «расширенная» (то есть более строгая) против общероссийских норм самоизоляции приезжих (есть/нет); 3) перевод на дистанционный формат работы (есть/нет) и в каком конкретно с точки зрения массовости варианте (процент, категория работников и др.); 4) введение карантина на региональном уровне (а не просто мэрами городов и главами муниципальных районов) для отдельных муниципальных образований/ территорий (есть/нет); 5) предусмотрен ли штраф за нарушение режима пространственных перемещений (есть/нет).

Далее все регионы Российской Федерации, в том числе и Балтийского макро-региона, оценивались в бинарной логике (да — нет) по наличию данных пяти дополнительных ограничений. Предельные пять баллов не получил ни один регион. Республика Карелия, Санкт-Петербург и Мурманская область получили максимальные два-три балла (красный цвет). Промежуточное положение между ними заняла Ленинградская область, раздвоенная на «тревожную», примыкающую к Петербургу агломерационную часть и более удаленную периферию (желтый цвет). Минимальный один балл был у Калининградской, Новгородской и Псковской областей (зеленый цвет).

Обратим внимание на виды ограничений по регионам по состоянию на конец 2020 г. (табл. 5). В этот момент еще не началась массовая вакцинация населения, и меры по борьбе с пандемией нефармацевтического характера отличались максимальным разнообразием.

Таблица 5

Меры противодействия пространственной диффузии коронавируса по состоянию на конец декабря 2020 г.

Регион	Горизонтальная диффузия (дом — работа) общественный транспорт и личный	Иерархическая диффузия (классическая, по наземным транспортным путям)	Комментарий
Санкт-Петербург	Перевод на дистанционный режим работы не менее 30% работников органов исполнительной власти города, работников старше 65 лет и имеющих хронические заболевания в организациях и у индивидуальных предпринимателей	Нет	Предусмотрен административный штраф в размере 4000 руб.; за совершение правонарушения повторно или с использованием транспортного средства — штраф 5000 руб.

Продолжение табл. 5

Регион	Горизонтальная диффузия (дом — работа) общественный транспорт и личный	Иерархическая диффузия (классическая, по наземным транспортным путям)	Комментарий
Ленинградская область	Перевод работников в возрасте 65 лет и старше на дистанционный режим работы	Граждане, передвигающиеся по территории Ленинградской области автомобильным транспортом, должны следовать без остановок до конечного пункта	—
Калининградская область	Перевод на удаленный режим работы не менее 50 % офисных работников, в том числе беременных женщин, лиц, имеющих определенные заболевания	Нет	—
Республика Карелия	Применение дистанционного формата работы, в первую очередь для лиц старше 60 лет и с определенными заболеваниями (при возможности, в случае, когда нельзя обеспечить изолированность рабочего места). Приоритетно дистанционный режим работы и самоизоляция для лиц старше 65 лет в наиболее крупных поселениях	Лицам, прибывшим в служебную командировку на территорию республики из других субъектов РФ, необходимо иметь при себе отрицательные результаты обследования на COVID-19, полученные не более чем за два дня до прибытия	Перечислены приоритетные для перевода на дистанционный режим крупные города и поселки городского типа: Петрозаводск, Беломорск, Кемь, Кондопога, Лахденпохья, Медвежьегорск, Олонец, Питкяранта, Пудож, Сегежа, Сортавала, Костомукша, Суоярви, поселки городского типа Калевала, Лоухи, Муезерский, Пряжа
Новгородская область	Перевод на дистанционный режим работы не менее 30 % работников; работников, имеющих определенные заболевания, беременных женщин	Нет	—
Псковская область	Перевод на дистанционный режим работы не менее 30 % работников	Нет	Масочный режим не по точкам концентрации людей в пространстве (рынки, ярмарки, торговые центры), а по видам деятельности (в местах приобретения товаров, выполнения работ, оказания услуг, на работе)

Окончание табл. 5

Регион	Горизонтальная диффузия (дом — работа) общественный транспорт и личный	Иерархическая диффузия (классическая, по наземным транспортным путям)	Комментарий
Мурманская область	Перевод на дистанционный режим работников в возрасте 65 лет и старше; относящихся к категории административно-управленческого персонала (не менее 50 % от численности); работников региональной исполнительной власти и органов местного самоуправления (не менее 50 % от штатной численности)	Ограничения въезда автомобильным транспортом для граждан, не имеющих регистрации по месту жительства в границах городского округа «Город Кировск» и «Город Апатиты». Въезд граждан и проезд автотранспортных средств через КПП при наличии согласования въезда на территорию с особым режимом	Введено понятие территорий с особым режимом, на которых вводились более сильные карантинные меры

Источник: составлено по данным подборки нормативных правовых актов «Коронавирус (COVID-19). Ограничения передвижения и пропускной режим в субъектах Российской Федерации», предоставленной справочной правовой системой «КонсультантПлюс»

Исследователи пространственных характеристик распространения инфекций уподобляли этот процесс диффузии инноваций еще задолго до пандемии COVID-19 [28]. Изначально предложенная Т. Хегерстрандом в 1950 г. (публикация на английском языке — в 1967 г. [29]), эта модель была дополнена Э. Роджерсом [30]. Выделяют три формы диффузии инноваций [31]:

— иерархическая (описана в классической работе Хегерстранда) — центр-периферийная, по узлам наземной транспортной сети и по иерархической системе городов — центральных мест разного ранга: от более крупного к меньшему;

— горизонтальная — связана с регулярным будничным или событийным общением людей друг с другом в местах проживания и работы, но также и в процессе коммутирования из места проживания на работу и обратно в контуре местного рынка труда;

— передислокационная (самолетная) — перенос вируса из одного анклавного очага в другой, расположенный за сотни и даже тысячи километров. В нашем институциональном анализе документов региональной антиковидной нормативной правовой базы этот вид диффузии не учитывался, так как она в значительной степени связана с внешними факторами.

Поскольку Санкт-Петербург — город федерального значения и существенно более компактен по сравнению с другими регионами, в мерах региональной власти превалировала борьба с горизонтальной диффузией вируса в городском пространстве, на местном рынке труда, который включал город и ближайшие к нему районы Ленинградской области.

На территории Ленинградской области главным фактором распространения вируса стала близость к Санкт-Петербургу (совпадение типов помесечной динамики избыточной смертности обоих соседних регионов неслучайно). Влияние Санкт-Петербурга на диффузию пандемии в Ленинградской области отражено

и в постановлении, где проведено зонирование муниципальных образований по строгости ограничений деятельности хозяйствующих субъектов². Так, к наиболее рискованной, первой зоне были отнесены Всеволожский, Выборгский, Гатчинский, Тихвинский и Тосненский районы. Все они находятся в непосредственной близости к Санкт-Петербургу и составляют периферию его городской агломерации.

В двух других зонах Ленинградской области ограничения были слабее. Так, в первой зоне деятельность многофункциональных центров была разрешена исключительно для ограниченного перечня услуг по предварительной записи и с обязательным использованием масок. Во второй зоне (Волосовский, Киришский, Кировский, Ломоносовский, Лужский, Приозерский, Сланцевский районы, городской округ «Сосновый Бор») деятельность была разрешена в отношении полного перечня услуг по предварительной записи и с обязательным использованием масок. Наконец, в третьей зоне (Бокситогорский, Волховский, Кингисеппский, Лодейнопольский, Подпорожский районы) деятельность была полностью разрешена с обязательным использованием масок.

Пандемия коронавируса позволила увидеть особенность пространства региона: оно распадается на две части. Одна входит в состав Санкт-Петербургской агломерации и связана с этим городом плотными социально-экономическими взаимодействиями. Основной упор в борьбе с коронавирусом был сделан именно на эту часть. Другая часть имеет собственные локальные центры, которые концентрировали очаги инфекции и транслировали их дальше, на сельскую периферию.

Ленинградская область испытывала воздействие как горизонтальной, так и пространственной диффузии коронавируса. В горизонтальной диффузии регион одновременно был и «источником», и «акцептором» коронавируса: часть населения на постоянной основе ездит на работу в Санкт-Петербург — но ряд городов области (например, Гатчина или Всеволожск) сами выступают в качестве центров приложения труда для периферии Ленинградской области. В этом проявляется иерархичность агломерационных связей: помимо главного центра (Санкт-Петербурга), замыкающего на себе большую часть потоков информации, товаров и людей, существуют центры второго порядка, которые выступают в качестве частичной альтернативы главному центру.

В Калининградской области помимо перевода на удаленный режим работы не менее половины офисных работников заметной инициативой стало субсидирование организаций (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) автомобильного транспорта, понесших значительные убытки³. Это отразило значимость ме-

² О внесении изменений в постановление Правительства Ленинградской области от 13.08.2020 г. № 573 «О мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Ленинградской области и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства Ленинградской области»: постановление Правительства Ленинградской области от 05.11.2020 г. № 716. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4700202011060001> (дата обращения: 26.05.2022).

³ Об установлении порядка предоставления субсидий из областного бюджета организациям (юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям) автомобильного транспорта на возмещение части понесенных расходов, связанных с осуществлением деятельности по перевозке пассажиров и багажа по межмуниципальным маршрутам регулярных перевозок по нерегулируемому тарифу на территории Калининградской области в период действия ограничений, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции в 2020 г., и о выделении денежных средств из резервного фонда Правительства Калининградской области в рамках мероприятий, связанных с устранением последствий распространения коронавирусной инфекции и предотвращением влияния ухудшения экономической ситуации на развитие отраслей экономики Калининградской области: постановление Правительства Калининградской области от 26.11.2021 г. № 766, Официальный интернет-портал правовой информации, URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3900202111300001> (дата обращения: 26.05.2022).

жмуниципальных пассажирских перевозок для экономики региона: показатель плотности автомобильных дорог с твердым покрытием для Калининградской области составляет 527 км/км² в 2020 г.; в среднем по России — 64 км/км², в Республике Карелия — 47 км/км², в Мурманской области — 24 км/км². Роль доступности территории на автомобильном транспорте для распространения коронавируса после его занесения в регион по трассам авиасообщения убедительно показал С. А. Тархов [32].

Разработанные в Республике Карелия нормативные правовые акты отдельно регулировали деятельность внутрирегиональной и межрегиональной вахты. Это «роднит» Карелию с Мурманской областью, где для вахтовиков был введен пропускной режим⁴.

Фактор вахты стал одним из ключевых в пространственном распространении пандемии в Мурманской области. Например, в с. Белокаменка, где возводится центр строительства крупнотоннажных морских сооружений, в конце апреля 2020 г. произошла вспышка заражения коронавирусом среди вахтовиков: абсолютная численность заболевших превышала региональные показатели в несколько раз⁵. Другим специфическим фактором в Мурманской области, связанным с ограничениями на небольших территориях, стало введение временного запрета на въезд на территорию многочисленных ЗАТО⁶. Такая мера, в частности, была принята в ЗАТО «Североморск», «Заозерск», «Островной». И Республика Карелия, и Мурманская область в своих нормативных правовых актах отразили меры по борьбе как с горизонтальной, так и с иерархической диффузией коронавируса, что означает, что пандемия распространялась в пространстве региона как по контуру местных рынков труда, так и по центр-периферийному механизму (город — село, более крупный город-центр — менее крупный город-центр).

Во многих странах мира, например в Швеции, коронавирус не всегда распространялся исключительно от крупных городов к менее плотно населенным территориям — нередко очагами заболеваемости становились небольшие изолированные объекты, в частности дома престарелых [33]. Затем из изолированных очагов вирус распространялся уже на соседние, не закрытые территории.

С проблемой таких локальных закрытых анклавов столкнулась Псковская область. Здесь очагами распространения коронавируса оказались дома-интернаты

⁴ Распоряжение главы Республики Карелия от 12.03.2020 г. № 127-р, Официальный портал Республики Карелия, URL: <https://gov.karelia.ru/coronaviridae/5837/> (дата обращения: 26.05.2022) ; О введении ограничительных мероприятий, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, и утверждении правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями в связи с угрозой распространения на территории Мурманской области новой коронавирусной инфекции (COVID-19): постановление Правительства Мурманской области от 04.04.2020 г. № 175-ПП, Российская газета, URL: <https://rg.ru/documents/2020/04/05/murmansk-post175-reg-dok.html> (дата обращения: 26.05.2022).

⁵ В вахтовом городке в Белокаменке замедлился прирост больных COVID-19, 2020, *Интерфакс*, URL: <https://www.interfax.ru/russia/706151> (дата обращения: 26.05.2022).

⁶ О введении ограничительных мероприятий, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, и утверждении правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями в связи с угрозой распространения на территории Мурманской области новой коронавирусной инфекции (COVID-19): постановление Правительства Мурманской области от 04.04.2020 г. № 175-ПП, Российская газета, URL: <https://rg.ru/documents/2020/04/05/murmansk-post175-reg-dok.html> (дата обращения: 26.05.2022).

для престарелых, психоневрологические диспансеры и монастыри⁷. Такие объекты были проблемными и в других регионах, но в Псковской области масштаб вспышек и количество локальных очагов заболеваемости были особенно значительными.

Новгородская область, сходная с Псковской по площади (55 401 км² и 55 399 км² соответственно) и численности населения (592,4 тыс. человек и 620,2 тыс. человек соответственно), а также имеющая аналогичный тип динамики избыточной смертности и близкие значения занятости в обрабатывающей промышленности, сталкивалась с аналогичными типами локальных очагов⁸.

И Псковская, и Новгородская области в своих нормативных правовых актах принимали активные меры для противодействия горизонтальной диффузии коронавируса, но не в борьбе с иерархической диффузией. При отсутствии крупных городских агломераций акцент регионального антиковидного законодательства на предотвращение горизонтальной диффузии коронавируса может свидетельствовать о трудностях перехода на удаленный режим работы и потому вынужденном сохранении высокой интенсивности личных контактов в период пандемии.

Отдельный интерес представляют Чудовский и Маловишерский районы Новгородской области, расположенные рядом с границей с Ленинградской областью, где ситуация с заболеваемостью была значительно тяжелее, чем в областном центре и Новгородском районе (район-«бублик», окружающий кольцом областной центр). Взрывной рост заболеваемости привел к временному закрытию въезда на автомобильном и железнодорожном транспорте в эти муниципалитеты⁹. Причиной таких радикальных ограничительных мер стала хорошая транспортная доступность двух этих районов относительно Санкт-Петербурга — оба они находятся в пределах 1,5–2-часовой автомобильной доступности от окраины города.

3. Пандемия коронавируса, как показал анализ регионального и местного антиковидного законодательства и региональных электронных СМИ (таких как «Деловой Петербург» и «53 новости») выявила внутреннюю дифференциацию пространства Балтийского макрорегиона: он включает в себя как «пространства потоков», так и «пространства мест».

В регионах с преобладанием пространств потоков основными факторами распространения коронавируса стали открытость экономики и мобильность рабочей силы: Санкт-Петербургская агломерация (собственно Санкт-Петербург и Ленинградская область — в первую очередь районы, близкие к северной столице) и Калининградская область. Для пространства потоков основным фактором риска является высокий уровень развития транспортной инфраструктуры и за счет этого высокая скорость распространения коронавируса ввиду значительной мобильности населения. Главная задача региональной власти здесь состоит в своевременном переводе работников на удаленный режим работы (где это возможно), чтобы снизить пассажиропоток.

В регионах с преобладанием пространства мест важнейшую роль в распространении пандемии сыграли локальные очаги распространения коронавируса — закрытые небольшие населенные пункты, отдельные объекты —

⁷ В Псковской области осталось восемь очагов распространения COVID-19, 2021, *Деловой Петербург*, URL: https://www.dp.ru/a/2021/01/12/V_Pskovskoj_oblasti_ostal (дата обращения: 26.05.2022).

⁸ Валдайский монастырь закрыли для посещений из-за коронавируса, 2020, *Интерфакс-Туризм*, URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/73403/> (дата обращения: 26.05.2022).

⁹ На въезде в «закрытый» Чудовский район образовалась пробка, 2020, *53 Новости*, URL: <https://53news.ru/novosti/56847-na-v-ezde-v-zakrytyj-chudovskij-rajon-skopilas-probka.html> (дата обращения: 26.05.2022).

лечебные заведения, центры социальной защиты, дома престарелых и др. (табл. 6). Главной задачей властей здесь стала борьба с возникновением точечных очагов, в том числе карантинными мерами.

Таблица 6

Локальные очаги распространения коронавируса в Балтийском регионе

Субъект РФ	Преобладающий тип пространства	Виды локальных очагов распространения коронавируса	Факторы риска
Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининградская область	Пространство потоков	—	Высокая скорость распространения коронавируса
Республика Карелия, Мурманская область	Пространство мест	Вахтовые поселки	Завоз инфекции из других муниципальных образований или населенных пунктов
Мурманская область	Пространство мест	ЗАТО	Возможность быстрого распространения инфекции в закрытых пространствах
Псковская область, Новгородская область	Пространство мест	Монастыри	Возможность быстрого распространения инфекции в закрытых пространствах
	Пространство мест	Психоневрологические интернаты, дома-интернаты для престарелых	Возможность быстрого распространения инфекции в закрытых пространствах, завоз инфекции из других муниципальных образований или населенных пунктов

Нормативные правовые акты отразили приоритеты региональных властей в борьбе с распространением коронавируса. В пространстве потоков важнее всего было ослабить интенсивность этих потоков и искать способы выявлять в них инфицированных. В пространстве мест меры властей концентрировались на изоляции локальных замкнутых очагов распространения коронавируса.

Результаты качественного анализа с выявлением пространства мест и пространства потоков отчасти совпадают с ранее выявленными типами регионов по месячной динамике избыточной смертности. Сохраняется «общность» Псковской и Новгородской областей, но Калининградская область оказывается в одной группе с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью, а Мурманская область — с Республикой Карелия.

Для глубокого понимания сущности процессов, стоящих за различиями в распространении коронавируса, недостаточно пользоваться лишь количественными методами анализа. Они обязательно должны быть дополнены качественным анализом регионального антиковидного законодательства и новостных интернет-ресурсов (в данной работе использовались материалы «Интерфакса», «Делового Петербурга» и новгородского портала «53 новости»). Сходные значения показателей могут скрывать разные формы организации пространства и, как следствие, различия в распространении пандемии.

Дискуссия: «ковидная» оценка пространства регионов российской Балтики

Обобщение исследований зарубежных авторов по теме ковид-пандемии позволяет обозначить несколько приоритетных тем для проработки в условиях российских регионов. Это регрессионный поиск новых факторов заболеваемости и смертности от COVID-19; определение новых метрик влияния коронавируса на экономику региона; изучение воздействия коронавируса на внутрирегиональную и межрегиональную миграцию; использование ГИС-технологий и технологий big data для решения задач пространственного распространения пандемии; моделирование распространения коронавируса до появления вакцин, в том числе для оценки эффективности нефармацевтических мер борьбы с пандемией; анализ влияния пандемии коронавируса на отдельные отрасли региональной экономики (например, туризм); анализ отношения различных местных сообществ региона к вакцинированию и ограничениям пространственного перемещения и др.

Глобальное испытание в виде пандемии COVID-19 реформирует многие привычные социальные процессы (например, урбанизацию и общее внутреннее устройство городов — об этом на пике первых волн пандемии писали известные экономико-географы Р. Флорида, Э. Глезер и др.). Для экономической географии это означает выдвигание вопросов коммуникации, человеческих контактов в исследовательскую повестку нашей науки: контактоемкость различных видов экономической деятельности, конфигурации основных региональных и местных социальных сетей, пространственная мобильность талантов, транспортные каналы как инфраструктура не столько традиционных перевозок грузов, а социальной коммуникации и др. Точки (площадки), каналы и структуры человеческих/социальных/производственных контактов становятся приоритетными предметами научного исследования.

В этой связи была предпринята попытка оценки пространств регионов российской Балтики с точки зрения ковид-пандемии и реакции на нее региональных властей в запретительных мерах — как тест, как эксперимент для обнаружения особых «коммуникационных» свойств. Из всего пула статистических индикаторов для этой цели, по нашему мнению, оказались пригодными около 14 показателей: площадь территории; общая численность населения; плотность населения; плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием на 1000 км² территории; плотность железнодорожных путей на 10000 км² территории; доля автодорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования; число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения; доля сельского и городского населения региона (степень урбанизации); доля численности населения административного центра региона в совокупной численности населения региона (то есть моно- или полицентричность, сила агломерационного эффекта); доля оборота розничной торговли по торговым сетям (связана с урбанизацией); доля физических (домохозяйств) и юридических лиц (организаций), имеющих широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (от общего числа обследованных домохозяйств и организаций); доля прибывших и выбывших в пределах региона в общем числе прибывших и выбывших (миграционная «открытость» — «закрытость»); доля населения старше трудоспособного возраста (степень коммуникационной активности).

Взятые совместно, эти показатели способны дать характеристику уникальных черт каждого пространства регионов российской Балтики с позиций коммуникации, которая была значима для пространственной диффузии коронавируса и выбора специфических мер борьбы с ним региональных властей (например, развитость

широкополосного интернета в регионе или столичном городе обеспечивала более легкий перевод на дистанционную работу). Определялись экстремумы (минимальные, максимальные значения для всей выборки семи регионов) каждого региона по всем показателям из данной выборки для тщательной диагностики особых свойств местного пространства (например, Санкт-Петербург и Ленинградская область — самые большие по численности населения, Республика Карелия — по площади и т. д.).

Затем проводилась работа с индикаторами регионов, чтобы увидеть уникальную кластеризацию их особенных показателей из нашей выборки в целостные сопряженные цепочки, характеризующие специфику свойств пространства. Эти свойства проявлялись во вспышках, избыточной смертности, особых мерах власти данного региона в период пандемии (так возникала целостность «свойства пространства-меры власти», которая подкрепляла вывод об уникальности каждого случая).

В итоге из-за невозможности прямой формализованной интеграции отобранных показателей в один результатный по причинам разной достоверности каждого из них была предпринята попытка экспертно получить качественную, но системную картину ковидного пространства региона.

Санкт-Петербург — ввиду сверхинтенсивности всех социально-экономических процессов и взаимодействий (предельные для выборки показатели плотности всего) здесь отмечалась самая высокая душевая заболеваемость и избыточная смертность в первые волны пандемии. Ленинградская область выступает как «ковидный» Тюнен, в котором ближние к Петербургу кольца районов оказываются захваченными его ритмом заболеваемости (горизонтальная диффузия вируса «дом — работа»), а дальние флуктуируют в своем ритме (передислокационная диффузия), сопоставимом с показателями Псковской и Новгородской областей. Максимальное среди регионов число муниципальных образований (205) при максимальной доле сельского населения среди всех регионов определило желание властей области систематизировать ситуацию с ковидными ограничениями в три различных зоны по степени строгости.

Калининградская область — остров высокой плотности населения, качественных автомобильных и железных дорог с высокой ролью столичного города. Здесь могла бы сформироваться интенсивная иерархическая и горизонтальная диффузия вируса, однако ввиду средних показателей внутрирегиональной миграции и одновременно средней интенсивности внешних перемещений (обособленный от материнской России эксклав) здесь существовали естественные барьеры для проникновения пандемии, несмотря на внутреннюю интенсивность социальных и экономических процессов.

В Республике Карелия региональный центр сосредоточивает около половины населения и обеспечивает высокий уровень урбанизации — на фоне минимальной плотности населения в российской Балтике и самой большой общей площади региона. Ковид распространялся здесь прежде всего во внутригородских пространствах (по типу горизонтальной диффузии «дом — работа»), телекоммуникационно насыщенных, но недостаточно связанных с сельской местностью из-за общего дефицита качественных автомобильных и железных дорог.

Для Новгородской области с ее полицентричным расселением, значительной авто-мобильным трафиком по многочисленным, но плохого качества автодорогам была характерна классическая иерархическая диффузия вируса из многих городских центров в сельскую «глубинку». Можно сказать, что это был случай региона с сельским ковидом пожилых людей (максимальная доля пенсионеров отмечается здесь и в Псковской области) в многочисленных «закрытых»

пространствах (дома престарелых и др.). Очень похоже ситуация развивалась в Псковской области, пространство которой имеет многие общие черты с Новгородской областью.

В Мурманской области ввиду особенностей ее пространства, демографических и социально-экономических процессов ковид стал болезнью городского трудоспособного населения, в том числе вахтовиков и военных, с высокой ролью передислокационной диффузии (характерна миграционная раскрытость региона вовне). Именно поэтому здесь так часто применялись карантинные меры в ЗАТО и вахтовых поселках. Этому режиму содействовало также и то, что трудоспособные домохозяйства региона предельно активно используют Интернет. На горизонтальную диффузию элементарно не хватает плотности и автодорог, а вот опирающаяся на полицентричное расселение иерархическая классическая и передислокационная диффузия активно проявила себя.

Выводы

Существует «балтийская» специфика ковид-пандемии. Ни в одном из анализируемых балтийских регионов не обнаружено сильного сходства со среднероссийской месячной динамикой избыточной смертности (апрель 2020 г. — декабрь 2021 г.). Если сравнить Балтийский макрорегион с Дальневосточным федеральным округом, то можно увидеть, что регионы Дальнего Востока отличаются гораздо большей амплитудой показателя избыточной смертности.

Помесячный анализ интенсивности антиковидного нормотворчества по балтийским регионам подтвердил наличие трех волн пандемии: первый кластер марта — июля 2020 г., рассредоточенный второй пик в октябре — декабре 2020 г. и третий кластер законодательской активности в октябре — ноябре 2021 г., — которые в основном совпадают с пиками избыточной смертности.

Меры региональной власти по противодействию пространственной диффузии коронавируса дифференцировались по видам диффузии — ограничения горизонтальной диффузии в контуре местного рынка труда (коммутирование «дом — работа») и иерархической диффузии по основным автомобильным дорогам региона.

Специфический проблемный случай представляли вахтовые поселения и отдельные локальные закрытые анклавы в виде монастырей, домов престарелых и психоневрологических диспансеров, в которых количество и масштаб вспышек пандемии были особенно значительными, и потому власти здесь часто вводили карантинные меры.

Субъекты РФ, входящие в состав Балтийского макрорегиона, отличаются по характеру распространения коронавируса. В Санкт-Петербурге, Псковской, Новгородской и Калининградской областях наблюдалась горизонтальная диффузия коронавируса по местным рынкам труда. С другой стороны, в Республику Карелия, Ленинградскую и Мурманскую области, как следует из принятых в регионах нормативных правовых актов, пандемия проникала за счет механизмов и горизонтальной, и иерархической диффузии.

Финансирование исследования осуществлялось по гранту РФФИ №20-04-60490 «Разработка территориально дифференцированных методов регулирования социально-экономических взаимодействий, отраслевой структуры и локальных рынков труда в целях обеспечения сбалансированного регионального развития в условиях сложной эпидемиологической обстановки».

Список литературы

1. Земцов, С. П., Бабурин, В. Л. 2020, COVID-19: Пространственная динамика и факторы распространения по регионам России, *Известия РАН, Серия географическая*, т. 84, № 4, с. 485—505, <https://doi.org/10.31857/S2587556620040159>.
2. Земцов, С. П., Бабурин, В. Л. 2020, Коронавирус в регионах России: особенности и последствия распространения, *Государственная служба*, № 2, с. 48—55, <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2020-22-2-48-55>.
3. Зубаревич, Н. В., Сафронов, С. Г. 2020, Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х, *Региональные исследования*, № 2, с. 4—17, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-1>.
4. Емельянова, Л. Л., Лялина, А. В. 2020, Рынок труда эксклавной Калининградской области в условиях пандемии COVID-19, *Балтийский регион*, т. 12, № 4, с. 61—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-4>.
5. Хмелева, Г. А., Асанова, С. С. 2022, Экспорт медицинских изделий и отраслевая интеграция отдельных российских регионов в условиях COVID-19, *Экономика региона*, т. 18, № 1, с. 119—130, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-9>.
6. Громов, Д. В., Ерохина, Е. В. 2020, Реализация национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в условиях пандемии коронавируса (на материалах Калужской области), *Финансовые рынки и банки*, № 6, с. 110—113.
7. Нор-Аревян, О. А. 2021, Консолидация профессионального медицинского сообщества в условиях пандемии коронавируса (на материалах глубинных интервью в Ростовской области), *Гуманитарий Юга России*, т. 10, № 3, с. 77—89, <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.6>.
8. Попова, А. Ю., Смирнов, В. С., Ежлова, Е. Б., Мельникова, А. А., Самойлова, Л. В., Лялина, Л. В., Семёнова, Е. В., Гурский, М. А., Аксёнова, Е. А., Арбузова, Т. В., Тотолян, А. А. 2021, Популяционный иммунитет к SARS-COV-2 населения Новосибирской области на фоне пандемии COVID-19, *Вопросы вирусологии*, т. 66, № 4, с. 299—309, <https://doi.org/10.36233/0507-4088-54>.
9. Rios, V., Gianmoena, L. 2021, On the link between temperature and regional COVID-19 severity: Evidence from Italy, *Regional Science Policy & Practice*, vol. 13 (S1), p. 109—137, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12472>.
10. Клемешев, А. П., Корнеевец, В. С., Пальмовский, Т., Студжиницки, Т., Федоров, Г. М. 2017, Подходы к определению понятия «Балтийский регион», *Балтийский регион*, т. 9, № 4, с. 7—28, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-1>.
11. Telenti, A., Arvin, A., Corey, L., Corti, D., Diamond, M. S., García-Sastre, A., Garry, R. F., Holmes, E. C., Pang, P. S., Virgin, H. W. 2021, After the pandemic: perspectives on the future trajectory of COVID-19, *Nature*, vol. 596, p. 495—504, <https://doi.org/10.1038/s41586-021-03792-w>.
12. Смирнов, А. Ю. 2021, Анализ смертности от коронавирусной инфекции в России, *Народонаселение*, т. 24, № 2, с. 76—86, <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.7>.
13. Блох, А. И., Пасечник, О. А., Кравченко, Е. И., Фетисов, А. О., Обухова, Т. М. 2022, Подходы к оценке избыточной смертности населения в регионах РФ в период пандемии COVID-19, *Медицинский альманах*, № 1 (70), с. 57—65.
14. Горошко, Н. В., Пацала, С. В. 2022, Избыточная смертность в период пандемии COVID-19: регионы России на фоне страны, *Социально-трудовые исследования*, № 1, с. 103—116, <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-46-1-103-116>.
15. Beaneu, T., Clarke, J. M., Jain, V., Golestaneh, A. K., Lyons, G., Salman, D., Majeed, A. 2020, Excess mortality: the gold standard in measuring the impact of COVID-19 worldwide?, *Journal of the Royal Society of Medicine*, vol. 113, № 9, p. 329—334, <https://doi.org/10.1177/0141076820956802>.
16. Семеко, Г. В. 2021, Демографическое развитие в условиях пандемии COVID-19: вызовы для экономики, *Экономические и социальные проблемы России*, № 3, с. 123—140, <https://doi.org/10.31249/espr/2021.03.07>.

17. Goujon, A., Natale, F., Ghio, D., Conte, A. 2022, Demographic and territorial characteristics of COVID-19 cases and excess mortality in the European Union during the first wave, *Journal of Population Research*, vol. 39, p. 533—556, <https://doi.org/10.1007/s12546-021-09263-3>.
18. Nepomuceno, M. R., Klimkin, I., Jdanov, D. A., Alustiza-Galarza, A., Shkolnikov, V. M. 2022, Sensitivity Analysis of Excess Mortality due to the COVID-19 Pandemic, *Population and Development Review*, vol. 48, № 2, p. 279—302, <https://doi.org/10.1111/padr.12475>.
19. Пилясов, А. Н., Замятина, Н. Ю., Котов, Е. А. 2021, Распространение пандемии COVID-19 в регионах России в 2020 году: модели и реальность, *Экономика региона*, т. 17, № 4, с. 1079—1095, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-3>.
20. Aron, J., Muellbauer, J. 2022, Excess Mortality Versus COVID-19 Death Rates: A Spatial Analysis of Socioeconomic Disparities and Political Allegiance Across U. S. States, *The Review of Income and Wealth*, vol. 68, № 2, p. 378—392, <https://doi.org/10.1111/roiw.12570>.
21. Kapitsinis, N. 2020, The underlying factors of the COVID-19 spatially uneven spread. Initial evidence from regions in nine EU countries, *Regional Science Policy and Practice*, vol. 12, № 6, p. 1027—1045, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12340>.
22. Ascani, A., Faggian, A., Montresor, S. 2020, The geography of COVID-19 and the structure of local economies: The case of Italy, *Journal of Regional Science*, vol. 61, № 2, p. 407—441, <https://doi.org/10.1111/jors.12510>.
23. Forman, R., Mossialos, E. 2021, The EU Response to COVID-19: From Reactive Policies to Strategic Decision-Making, *Journal of Common Market Studies*, vol. 59, S1, p. 56—68, <https://doi.org/10.1111/jcms.13259>.
24. Lilleker, D. G., Stoeckle, T. 2021, The challenges of providing certainty in the face of wicked problems: Analysing the UK government's handling of the COVID-19 pandemic, *Journal of Public Affairs*, vol. 21, № 4, p. 1—10, <https://doi.org/10.1002/pa.2733>.
25. Orea, L., Álvarez, I. C. 2022, How effective has the Spanish lockdown been to battle COVID-19? A spatial analysis of the coronavirus propagation across provinces, *Health Economics*, vol. 31, № 1, p. 154—173, <https://doi.org/10.1002/hec.4437>.
26. Amul, G. G., Ang, M., Kraybill, D., Ong, S. E., Yoong, J. 2022, Responses to COVID-19 in Southeast Asia: Diverse Paths and Ongoing Challenges, *Asian Economic Policy Review*, vol. 17, № 1, p. 90—110, <https://doi.org/10.1111/aep.12362>.
27. Castells, M. 1996, *The Rise of the Network Society, Volume I: Second Edition With a New Preface*, Wiley-Blackwell, <https://doi.org/10.1002/9781444319514>.
28. Schærström, A. 2009, Disease Diffusion. In: Kitchin, R., Thrift, N. (eds.), *International Encyclopedia of Human Geography*, Amsterdam: Elsevier, p. 222—233.
29. Hägerstrand, T. 1967, *Innovation Diffusion as a Spatial Process*, University of Chicago Press, 334 p.
30. Rogers, E. M. 2010, *Diffusion of Innovations*, New York: Simon and Schuster, 518 p.
31. Kuebart, A., Stabler, M. 2020, Infectious diseases as socio-spatial processes: the COVID-19 outbreak in Germany, *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, vol. 11, № 3, p. 482—496, <https://doi.org/10.1111/tesg.12429>.
32. Tarkhov, S. A. 2022, Spatial features of COVID-2019 diffusion in Russian regions: the view of the transport geographer, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 15, № 1, p. 87—101, <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2021-107>.
33. Florida, R., Mellander, C. 2022, The geography of COVID-19 in Sweden, *The Annals of Regional Science*, vol. 68, p. 125—150, <https://doi.org/10.1007/s00168-021-01071-0>.

Об авторах

Иван Николаевич Алов, кандидат географических наук, ассистент кафедры региональной экономики и географии, Российский университет дружбы народов, Россия.

E-mail: alov.ivan@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4411-4101>

Александр Николаевич Пилясов, доктор географических наук, генеральный директор АНО «Институт регионального консалтинга», Россия; профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: pelyasov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2249-9351>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

THE SPREAD OF THE COVID-19 INFECTION IN RUSSIA'S BALTIC MACRO-REGION: INTERNAL DIFFERENCES

I. N. Alov¹

A. N. Pilyasov^{2, 3}

¹ Peoples' Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia

² Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

³ Institute of Regional Consulting,
32 Nakhimovskii pr., Moscow, 117218, Russian Federation

Received 02 July 2022

Accepted 08 December 2022

doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-6

© Alov, I. N., Pilyasov, A. N., 2023

This article explores the spread of the COVID-19 infection in Russia's Baltic macro-region. The monthly excess mortality rate in the Baltic region is analysed along with regional and municipal COVID-19 response acts to identify regional features affecting the spread of the disease. The spatial characteristics of Russia's Baltic regions, germane to the propagation of COVID-19, were distinguished by examining selected social and economic statistical indicators. Based on the space of places/space of flows dichotomy, Russia's Baltic regions can be divided into three spaces: 1) St. Petersburg, the Leningrad and Kaliningrad regions (dominated by spaces of flows; highly permeable space); 2) the Republic of Karelia and the Murmansk region (the key factors are rotational employment and the introduction of the virus from without); 3) the Novgorod and Pskov regions (lowly permeable spaces of places; the central role of local foci of the disease). The principal risk factor for the space of flows is the rapid spread of COVID-19 along transport arteries, whilst, within the space of places, the coronavirus spreads through spatial diffusion from isolated foci along short radii. In the former case, local authorities counteracted spatial diffusion by restricting movement in the local labour market; in the latter, by limiting travel between the centre and the periphery. The traditional ideas about positive (openness, centrality) and negative (closedness, peripherality) characteristics of space are reversed in the context of the pandemic: periphery gains the benefit of natural protection from the pandemic, whilst centres become acutely vulnerable.

Keywords:

Baltic macro-region; horizontal, hierarchical spatial diffusion of coronavirus; space of flows and space of places; monthly excess mortality; regional COVID-19 response legislation

To cite this article: Alov, I. N., Pilyasov, A. N. 2023, The spread of the COVID-19 infection in Russia's Baltic macro-region: internal differences, *Balt. Reg.*, Vol. 15, № 1, p. 96–119. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-6.

References:

1. Zemtsov, S. P., Baburin, V. L. 2020, COVID-19: Spatial dynamics and diffusion factors across Russian regions, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, vol. 84, № 4, p. 485—505, <https://doi.org/10.31857/S2587556620040159> (in Russ.).
2. Zemtsov, S. P., Baburin, V. L. 2020, Coronavirus in the regions of Russia: features and consequences of the spread, *Public Administration*, vol. 22, № 2, p. 48—55, <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2020-22-2-48-55> (in Russ.).
3. Zubarevich, N. V., Safronov, S. G. 2020, Regions of Russia in the acute phase of the covid crisis: differences from previous economic crises of the 2000s, *Regional Studies*, № 2 (68), p. 4—17, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-1> (in Russ.).
4. Yemelyanova, L. L., Lyalina, A. V. 2020, The labour market of Russia's Kaliningrad exclave amid COVID-19, *Baltic region*, vol. 12, № 4, p. 61—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-4> (in Russ.).
5. Khmeleva, G. A., Asanova, S. S. 2022, Export of medical devices and industry integration of Russian regions in the context of COVID-19, *Economy of region*, vol. 18, № 1, p. 119—130, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-9> (in Russ.).
6. Gromov, D. V., Erokhina, E. V. 2020, Implementation of the national project «Small and medium-sized businesses and support for individual entrepreneurial initiatives» in the context of the coronavirus pandemic (on the materials of the Kaluga region), *Financial markets and banks*, № 6, p. 110—113 (in Russ.).
7. Nor-Arevya, O. A. 2021, Consolidation of the professional medical community in the context of the coronavirus pandemic (based on in-depth interviews in the Rostov region), *Humanitarian of the South of Russia*, vol. 10, № 3, p. 77—89, <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.6> (in Russ.).
8. Popova, A., Smirnov, V., Ezhlova, E., Mel'nikova, A., Samoilova, L., Lyalina, L., Semenova, E., Gurskiy, M., Aksenova, E., Arbuzova, T., Totolian, A. 2021, Herd immunity to SARS-CoV-2 in the Novosibirsk Region population amid the COVID-19 pandemic, *Problems of Virology*, vol. 66, № 4, p. 299—309, <https://doi.org/10.36233/0507-4088-54> (in Russ.).
9. Rios, V., Gianmoena, L. 2021, On the link between temperature and regional COVID-19 severity: Evidence from Italy, *Regional Science Policy & Practice*, vol. 13 (S1), p. 109—137, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12472>.
10. Klemeshev, A. P., Korneevets, V. S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G. M. 2017, Approaches to the definition of the Baltic sea region, *Baltic Region*, vol. 9, № 4, p. 7—28, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-4-1>.
11. Telenti, A., Arvin, A., Corey, L., Corti, D., Diamond, M. S., García-Sastre, A., Garry, R. F., Holmes, E. C., Pang, P. S., Virgin, H. W. 2021, After the pandemic: perspectives on the future trajectory of COVID-19, *Nature*, vol. 596, p. 495—504, <https://doi.org/10.1038/s41586-021-03792-w>.
12. Smirnov, Y. A. 2021, Analysis of mortality from the coronavirus infection in Russia, *Population*, vol. 24, № 2, p. 76—86, <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.7> (in Russ.).
13. Blokh, A. I., Pasechnik, O. A., Kravchenko, E. I., Fetisov, A. O., Obukhova, T. M. 2022, Approaches to excess mortality in the regions of the Russian Federation during the COVID-19 pandemic, *Medical almanac*, № 1 (70), p. 57—65 (in Russ.).
14. Goroshko, N. V., Patsala, S. V. 2022, Excess mortality during the COVID-19 pandemic: Russian regions against the backdrop of the country, *Social & labour research*, № 1, p. 103—116, <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-46-1-103-116> (in Russ.).
15. Beaney, T., Clarke, J. M., Jain, V., Golestaneh, A. K., Lyons, G., Salman, D., Maheed, A. 2020, Excess mortality: the gold standard in measuring the impact of COVID-19 worldwide?, *Journal of the Royal Society of Medicine*, vol. 113, № 9, p. 329—334, <https://doi.org/10.1177/0141076820956802>.
16. Semeko, G. V. 2021, Demographic development in the context of the pandemic COVID-19: Challenges for the economy, *Economic and social problems of Russia*, № 3, p. 123—140, <https://doi.org/10.31249/espr/2021.03.07> (in Russ.).
17. Goujon, A., Natale, F., Ghio, D., Conte, A. 2022, Demographic and territorial characteristics of COVID-19 cases and excess mortality in the European Union during the first wave, *Journal of Population Research*, vol. 39, p. 533—556, <https://doi.org/10.1007/s12546-021-09263-3>.

18. Nepomuceno, M. R., Klimkin, I., Jdanov, D. A., Alustiza-Galarza, A., Shkolnikov, V. M. 2022, Sensitivity Analysis of Excess Mortality due to the COVID-19 Pandemic, *Population and Development Review*, vol. 48, № 2, p. 279–302, <https://doi.org/10.1111/padr.12475>.
19. Pilyasov, A. N., Zamyatina, N. Y., Kotov, E. A. 2021, The spread of the COVID-19 pandemic in Russian regions in 2020: models and reality, *Economy of region*, vol. 17, № 4, p. 1079–1095, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-3> (in Russ.).
20. Aron, J., Muellbauer, J. 2022, Excess Mortality Versus COVID-19 Death Rates: A Spatial Analysis of Socioeconomic Disparities and Political Allegiance Across U. S. States, *The Review of Income and Wealth*, vol. 68, № 2, p. 378–392, <https://doi.org/10.1111/roiw.12570>.
21. Kapitsinis, N. 2020, The underlying factors of the COVID-19 spatially uneven spread. Initial evidence from regions in nine EU countries, *Regional Science Policy and Practice*, vol. 12, № 6, p. 1027–1045, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12340>.
22. Ascani, A., Faggian, A., Montresor, S. 2020, The geography of COVID-19 and the structure of local economies: The case of Italy, *Journal of Regional Science*, vol. 61, № 2, p. 407–441, <https://doi.org/10.1111/jors.12510>.
23. Forman, R., Mossialos, E. 2021, The EU Response to COVID-19: From Reactive Policies to Strategic Decision-Making, *Journal of Common Market Studies*, vol. 59, S1, p. 56–68, <https://doi.org/10.1111/jcms.13259>.
24. Lilleker, D. G., Stoeckle, T. 2021, The challenges of providing certainty in the face of wicked problems: Analysing the UK government’s handling of the COVID-19 pandemic, *Journal of Public Affairs*, vol. 21, № 4, p. 1–10, <https://doi.org/10.1002/pa.2733>.
25. Orea, L., Álvarez, I. C. 2022, How effective has the Spanish lockdown been to battle COVID-19? A spatial analysis of the coronavirus propagation across provinces, *Health Economics*, vol. 31, № 1, p. 154–175, <https://doi.org/10.1002/hec.4437>.
26. Amul, G. G., Ang, M., Kraybill, D., Ong, S. E., Yoong, J. 2022, Responses to COVID-19 in Southeast Asia: Diverse Paths and Ongoing Challenges, *Asian Economic Policy Review*, vol. 17, № 1, p. 90–110, <https://doi.org/10.1111/aep.12362>.
27. Castells, M. 1996, *The Rise of the Network Society, Volume I: Second Edition With a New Preface*, Wiley-Blackwell, <https://doi.org/10.1002/9781444319514>.
28. Schærström, A. 2009, Disease Diffusion. In: Kitchin, R., Thrift, N. (eds.), *International Encyclopedia of Human Geography*, Amsterdam: Elsevier, p. 222–233.
29. Hägerstrand, T. 1967, *Innovation Diffusion as a Spatial Process*, University of Chicago Press, 334 p.
30. Rogers, E. M. 2010, *Diffusion of Innovations*, New York: Simon and Schuster, 518 p.
31. Kuebart, A., Stabler, M. 2020, Infectious diseases as socio-spatial processes: the COVID-19 outbreak in Germany, *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, vol. 11, № 3, p. 482–496, <https://doi.org/10.1111/tesg.12429>.
32. Tarkhov, S. A. 2022, Spatial features of COVID-2019 diffusion in Russian regions: the view of the transport geographer, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 15, № 1, p. 87–101, <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2021-107>.
33. Florida, R., Mellander, C. 2022, The geography of COVID-19 in Sweden, *The Annals of Regional Science*, vol. 68, p. 125–150, <https://doi.org/10.1007/s00168-021-01071-0>.

The authors

Dr Ivan N. Alov, Department of Regional Economics and Geography, Peoples’ Friendship University of Russia, Russia.

E-mail: alov.ivan@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4411-4101>

Dr Alexander N. Pelyasov, Professor, Institute of Regional Consulting, Russia; Department of Geography, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: pelyasov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2249-9351>

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ВЪЕЗДНОГО И ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ

А. Ю. Александрова

И. В. Красавцев

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Поступила в редакцию 22.09.2022 г.

Принята к публикации 07.12.2022 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-7

© Александрова А. Ю., Красавцев И. В., 2023

Рассматривается трансформация территориальной структуры туризма в Эстонии, Латвии и Литве. Пространственно-временная организация туризма этих стран подверглась значительным изменениям после получения ими независимости и вхождения в ЕС. Они затронули, в частности, географию туристских потоков и объектов интереса туристов. Целью исследования является определение географических и экономических особенностей развития туристского пространства в странах Прибалтики с выявлением регионов центра, полупериферии и периферии. Элементы центр-периферической структуры устанавливались с помощью кластерного анализа за период 2009—2019 гг. При его проведении использовались 11 показателей, отражающих уровень социально-экономического развития, состояние въездного и внутреннего туризма, степень развития транспортной инфраструктуры. Результаты исследования отражают поступательные изменения в территориальной структуре туризма стран Прибалтики. Главными туристскими центрами являются столицы рассматриваемых стран с ближайшими прилегающим территориями. Значительное влияние на развитие туристской деятельности оказывают их горизонтальные контакты с другими, более развитыми территориями государств ЕС и вертикальное взаимодействие ядер с другими регионами Эстонии, Латвии и Литвы. В настоящее время центр занимает доминирующее положение с точки зрения объема туристских потоков, что отражает значительную поляризованность туристского пространства, однако многие регионы полупериферии и периферии сумели улучшить позиции в последнее время за счет включенности в национальные и трансграничные туристские маршруты и проведения мероприятий по повышению узнаваемости на туристском рынке.

Ключевые слова:

туризм, территориальная структура, кластерный анализ, страны Прибалтики, центр-периферия

Введение

Прибалтийские страны — Латвия, Литва и Эстония — вышли на глобальный туристский рынок сравнительно недавно, лишь после обретения независимости в 1991 г. Сегодня туризм вносит заметный вклад в их социально-экономическое раз-

Для цитирования: Александрова А. Ю., Красавцев И. В. Территориальная структура въездного и внутреннего туризма в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 1. С. 120—138.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-7.

витие. По данным Всемирного совета по путешествиям и туризму¹ за 2019 г., доля туристской индустрии в ВВП Эстонии достигала 12,1 % (для сравнения: 10,3 % в целом по миру). В Латвии и Литве значения этого макроэкономического показателя хотя и ниже среднемирового уровня (7,7 и 6,0 % соответственно), но тоже весомые. Кроме того, туристская индустрия как один из наиболее трудоемких секторов экономики генерирует новые рабочие места. Наибольший вклад в обеспечение занятости местного населения вносит туристская индустрия Эстонии (11,7 %). В Латвии и Литве доля занятых в сфере туризма составляла 8,3 и 4,8 % соответственно.

Одним из комплексных показателей, позволяющих сравнивать развитие туризма на национальном уровне, является индекс конкурентоспособности путешествий и туризма. Согласно отчету за 2019 г.,² среди 136 стран, участвовавших в ранжировании, все страны Прибалтики разместились в первой половине списка, что свидетельствует о привлекательности ведения бизнеса на их туристских рынках. Эстония заняла 46-е место, Латвия — 53-е и Литва — 59-е. Среди ключевых конкурентных преимуществ эксперты называют развитую систему здравоохранения, низкий уровень преступности, достаточно высокий уровень владения населением ИКТ и доступные цены на предлагаемые услуги. К сдерживающим факторам конкурентоспособности относятся недостаточная открытость для международных поездок и сравнительно низкий уровень привлекательности природных и культурных ресурсов.

В 2019 г. общее количество туристских прибытий в Эстонию составило 3,3 млн, в Латвии — 1,9 млн, в Литве — 2,9 млн³. Продолжительность пребывания туристов в странах Прибалтики меняется год от года, это связано как со значительным влиянием мировых событий, так и с эффектом низкой базы. В 2019 г. в Эстонии было зарегистрировано 4,2 млн ночевков туристов, в Латвии — 7,8 млн, в Литве — 3,7 млн. Основными факторами, повлиявшими на динамику туристских прибытий, а также продолжительность пребывания туристов в этих странах в XXI в., были экономические кризисы и изменения геополитической ситуации. Традиционно основные въездные туристские потоки (90 %) в Латвии, Литве и Эстонии формируются в Европейском регионе. В настоящее время можно выделить три группы государств, откуда главным образом прибывают туристы в Прибалтику: страны-соседи, исторически связанные между собой страны и страны-лидеры на европейском рынке [1].

На туристском рынке Латвия, Литва и Эстония изначально продвигали столичные регионы, которые вызывали наибольший интерес среди туристов. Но со временем осведомленность о других регионах Прибалтийских стран также повысилась, что отразилось на географии въездного и внутреннего туризма в них. Сопредельные с наиболее аттрактивными в туристском отношении территориями, эти регионы стали стремиться интегрироваться в туристские маршруты и привлекать к себе дополнительных туристов. Например, между Пририжем и Ригой со временем стал складываться устойчивый туристский обмен благодаря доступной транспортной сети и единому туристскому продукту. При этом доля в общем количестве туристских поездок увеличилась с 15 % в 2009 г. до 17 % в 2019 г., а доля международных прибытий достигла 25 % в 2019 г.⁴.

¹ Economic Impact Reports, 2022, *World Travel & Tourism Council*, URL: <https://wtcc.org/Research/Economic-Impact> (дата обращения: 15.08.2022).

² Travel & Tourism Competitiveness Report 2019 by the World Economic Forum, 2019, *World Economic Forum*, URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2019.pdf (дата обращения: 15.08.2022).

³ UNWTO World Tourism Barometer, vol. 19, iss. 4, July 2021, *UNWTO*, URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/envir_e/unwto_barom21.pdf (дата обращения: 15.08.2022).

⁴ Hotels and other tourist accommodation establishments in regions, cities and municipalities, 2009—2021, *Central Statistical Bureau of Latvia*, URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/en/OSP_PUB/START_NOZ_TU_TUV/TUV050/ (дата обращения: 15.08.2022).

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить и охарактеризовать территориальную структуру туристского пространства и ее изменения в начале XXI в. вследствие углубления взаимодействия между странами Прибалтики, их соседями и другими европейскими странами. Развитие территориальной структуры рассматривается с точки зрения центр-периферической модели туристского пространства. Выделение регионов-ядер, менее развитых территорий периферии и промежуточных районов полупериферии позволяет обосновать стратегии пространственного развития туризма и повысить эффективность управления туристскими дестинациями через определение «регионов-локомотивов» и территориальных образований, нуждающихся в поддержке.

Степень изученности проблемы

Всплеск научного интереса к вопросам развития туризма в странах Прибалтики как единого региона приходится на период, когда эти государства стали независимыми. И. Друваскалне и А. Шляра раскрывают роль туризма в процессе вхождения стран Прибалтики в единое европейское пространство [2]. В фокусе внимания ряда отечественных географов находится международная кооперация в сфере туризма и такие специфические ее пространственные формы, как трансграничные туристско-рекреационные регионы (ТТРР). Непосредственно трансграничному регионообразованию в сфере туризма и рекреации на Балтике посвящены труды И. И. Драгиловой, В. В. Корнеевца, Е. Г. Кропиновой, А. Г. Манакова и др. В них были определены сущность и особенности, факторы и закономерности формирования ТТРР на макро-, мезо- и микроуровнях, выявлены наиболее эффективные инструменты трансграничного сотрудничества в сфере туризма, проведена типология ТТРР на Балтике [3–8]. Потенциал взаимодействия субъектов приграничных территорий соседних стран в северной зоне Балтийского макрорегиона раскрывается в работах С. В. Кондратьевой (Степановой) [9; 10]. Несмотря на рост числа работ, посвященных разным аспектам приграничного сотрудничества и трансграничного взаимодействия в сфере туризма Балтийского региона, туризм и рекреация остаются сравнительно новым объектом трансграничных исследований. В российской рекреационной географии сделаны лишь первые шаги в разработке теории и методологии изучения туристского потенциала государственных границ и трансграничного туристского регионообразования.

Другой блок работ имеет отношение к отдельным специальным видам туризма в Балтийском регионе и, в частности, к их территориальной организации. Заслуживают внимания статьи М. Смита об особенностях лечебно-оздоровительного отдыха на Балтике [11], В. Никулы и С. Спыну — о развитии сельского и гастрономического туризма [12], А. Ю. Анохина, Е. Г. Кропиновой и Э. Спиряеваса — о геотуризме [13]. Многие труды посвящены общему состоянию туристской индустрии в странах Прибалтики [14–17], повышению ее конкурентоспособности [18; 19] и мерам поддержки в условиях пандемии COVID-19 [20–22].

Особняком стоят работы прибалтийских авторов, основанные на комплексном подходе к исследованиям туристских систем каждой из стран Прибалтики. Значительный вклад в изучение туристской системы Эстонии внесли Дж. Джарвис [23], Х. Мюррестая [24], Х. Тооман [25], Латвии — И. Аболс, А. Клеперс, М. Розите [26], Литвы — Э. Спиряевас [27], А. Станайтис, С. Станайтис [28].

Для теоретического обоснования трансформации территориальной структуры въездного и внутреннего туризма в странах Прибалтики большое значение имеет модель «центр — периферия», показывающая, как взаимодействуют центральные и периферийные районы в процессе их развития. Разработанная Дж. Фридманом

в рамках регионального подхода, она была адаптирована к сфере туризма и сегодня позволяет оценить степень поляризации туристского пространства на разных иерархических уровнях. Трехярусная пространственная структура туризма в центр-периферической проекции рассматривается в трудах А. Ю. Александровой, В. К. Крыстева, И. И. Пирожника и др. [29—31].

В последнее время отмечается рост научного интереса специалистов в области туризма и рекреации как к Балтийскому региону в целом, так и к отдельным его странам. Расширяется библиография, более проблемной становится тематика исследований. Между тем территориальная структура туризма в странах Прибалтики до сих пор изучена недостаточно и оставалась на периферии интересов российских и зарубежных географов-рекреологов.

Материалы и методы исследования

С целью классификации регионов стран Прибалтики в соответствии с уровнем развития туризма был использован один из статистических методов, предлагающих автоматическую обработку и упорядочивание собранных данных, — кластерный анализ. Сам термин был введен американским психологом Р. Трионом в 1939 г. [32]. Одним из главных достоинств метода кластерного анализа является его применимость при обработке большого массива данных, состоящего из нескольких переменных, и классификации объектов, основывающейся на этих сведениях. Следует отметить, что в таком случае одновременно соблюдаются два обязательных условия классификации, а именно: чистота деления — каждый объект попадает в один и только один кластер, и полнота деления — нет объекта, который бы оставался вне группы. Классификация с помощью кластерного метода в работе проводилась на программной платформе статистического анализа IBM SPSS Statistics.

Среди недостатков кластерного подхода можно назвать субъективность отбора показателей и, как следствие, получение групп с набором общих признаков. В этой связи важно оптимизировать набор показателей, так как, с одной стороны, при большой прямой зависимости между параметрами или их небольшом объеме могут возникнуть сложности с выделением каких-либо смысловых групп, а с другой — включение в исследование значительного числа признаков может вызвать появление малочисленных групп с незначительным количеством объектов, которые не отразят общей системы [33].

При создании центр-периферической модели туристско-рекреационного пространства следует стремиться выделить кластеры на самом низком из иерархических уровней, для которого существуют статистические сведения. В исследовании использовалась Номенклатура территориальных единиц для целей статистики (NUTS) Статистической службы Европейского союза для унификации и проведения анализа статистических сведений различного территориального уровня. Для совместного исследования стран Прибалтики применение такой системы представляется наиболее репрезентативным. Поскольку страны Прибалтики имеют небольшие площади, наибольший интерес для исследования представляет третий уровень, на котором выделяются более мелкие по площади территории. Таким образом, кластеризация будет проводиться на уровне NUTS-3⁵.

Исследование охватывает период в 10 лет с 2009 по 2019 г. Выбор определялся существующими рядами динамики данных, предлагаемыми статистическими органами Эстонии, Латвии и Литвы. Информация об интересующих сведениях была

⁵ NUTS, 2022, SIMAP, URL: <https://simap.ted.europa.eu/web/simap/nuts> (дата обращения: 15.08.2022).

взята с официальных сайтов статистических бюро стран Прибалтики: Департамента статистики Эстонии⁶, Центрального статистического бюро Латвии⁷ и Департамента статистики Литвы⁸.

Исходя из вышеизложенного и основываясь на ранее проведенных исследованиях [29; 34], для классификации мы использовали 11 относительных показателей, которые можно сгруппировать следующим образом.

— Для отражения общего уровня социально-экономического развития территории — ВВП на душу населения (в текущих ценах, евро). По оценкам Всемирной туристской организации (ЮНВТО), динамика туристских потоков напрямую зависит от роста/падения ВВП. Если экономический рост составляет около 4 % и выше в среднем за год, туризм также растет, причем опережающими темпами. Картина меняется на противоположную, когда экономический рост не превышает 2 %. Так, в 1975—2000 гг. ВВП ежегодно увеличивался в среднем на 3,5 %, а объемы международного туризма на 4,7 %, то есть в 1,3 раза быстрее⁹.

— Для определения роли региона во въездном туризме — коэффициент въездного туристского прибытия (%), отражающий количество прибывших за год иностранных туристов на 1000 жителей этой территории; доля региона в общем объеме въездных туристских прибытий в страну за год (%), характеризующая вклад региона в прием туристов; средняя продолжительность пребывания иностранных туристов в регионе, определяемая через отношение количества ночевки в гостиницах и аналогичных средствах размещения к общему количеству прибывших иностранных туристов.

— Для определения роли региона во внутреннем туризме — коэффициент внутреннего туристского прибытия (%); доля региона в общем объеме внутренних туристских прибытий в стране за год (%); средняя продолжительность пребывания туристов-резидентов в регионе.

— Для оценки уровня развития транспортной инфраструктуры — обеспеченность региона объектами воздушного транспорта, который был одним из главных способов перемещения в настоящее время (оценивается в баллах, где 2 балла означают наличие международного аэропорта, 1 — наличие местного аэропорта, 0 — аэропорта нет; при наличии нескольких аэропортов на территории региона проводится суммирование баллов).

— Для оценки уровня развития туристской инфраструктуры — плотность объектов сферы гостеприимства, оцениваемая через количество мест в коллективных средствах размещения в регионе на 1 км².

— Для определения наличия объектов, повышающих осведомленность о стране и уникальность в глазах зарубежных туристов, — присутствие в регионе Эстонии¹⁰, Латвии¹¹ и Литвы¹² объектов из списка Всемирного наследия ЮНЕСКО и кандидатов в этот список (оценка также проводится в баллах, где наличие объекта из списка Всемирного наследия ЮНЕСКО оценивается 2 баллами, а кандидата — 1; при наличии нескольких объектов баллы складываются).

⁶ Estonia Statistics, URL: <https://www.stat.ee/en> (дата обращения: 15.08.2022).

⁷ Central Statistical Bureau of Latvia, URL: <https://www.csb.gov.lv/en/sakums> (дата обращения: 15.08.2022).

⁸ Lithuania Statistics, URL: <https://www.stat.gov.lt/home> (дата обращения: 15.08.2022).

⁹ International Trade Statistics, 2015, WTO, URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2015_e/its15_highlights_e.pdf (дата обращения: 15.08.2022).

¹⁰ Estonia, 2022, UNESCO, URL: <https://en.unesco.org/countries/estonia> (дата обращения: 15.08.2022).

¹¹ Latvia, 2022, UNESCO, URL: <https://en.unesco.org/countries/latvia> (дата обращения: 15.08.2022).

¹² Lithuania, 2022, UNESCO, URL: <https://en.unesco.org/countries/lithuania> (дата обращения: 15.08.2022).

Важно отметить, что статистика туризма является одним из главных ограничений при выборе временного промежутка и групп показателей, так как до вступления в Европейский союз и в начальные годы пребывания в этой интеграционной группировке изменились методики сбора статистических сведений и подсчета показателей. Для полноты исследования интерес представляют многие другие показатели, не вошедшие в перечень, например плотность железнодорожных и автомобильных дорог при характеристике транспортной инфраструктуры, вклад туризма в экономику каждого региона или обеспеченность кадрами туристской индустрии. Но, к сожалению, отсутствие необходимых сведений в ряде регионов не позволило включить эти показатели в научный оборот.

Большое внимание авторы уделяли точности расчетов. Для предотвращения искажения информации проводилась стандартизация данных. Их приведение к единому диапазону значений осуществлялось наиболее распространенным способом — с помощью z-преобразования [33]. Использовался также метод Варда, который позволяет выделить больше кластеров при наличии даже незначительных внутрикластерных различий. Использование евклидовой меры при подсчете расстояния между точками, в частности, обуславливалось этим методом, так как в больший кластер объединяются те микрокластеры, у которых наблюдается наименьшее увеличение суммы квадратов евклидовых расстояний до средних значений отдельных переменных [36]. Для проверки корректности выбора метода и результатов кластерного анализа был использован метод Краскала — Уоллиса. Модель выбиралась исходя из наименьшей суммы асимптотических ошибок.

Использование иерархического метода кластеризации удобно тем, что позволяет получить наглядное представление о возможном уровне выделения кластеров благодаря кластерному дереву — горизонтальной дендрограмме. Для дальнейшего проведения кластерного анализа объекты группируются таким образом, чтобы получились кластеры с наиболее отличающимися признаками. В этом случае полезен другой, итеративный, подход в кластерном анализе — метод k-средних. Его сущность заключается в определении центров кластера согласно заранее заданному количеству и дальнейшей группировке объектов вокруг полученного значения. Центром кластера является совокупность средних значений показателей всех объектов, находящихся в его пределах.

Главной целью при использовании такого подхода является выделение характеристик, отражающих особенности кластеров с регионами — центров, полупериферии и периферии. Средние значения характеризуют особенности того или иного кластера. Изменения, происходящие в средних значениях различных кластеров, могут указывать на изменение значимости тех или иных факторов со временем. Средние значения показателей отражают модельный («идеальный») регион для данного кластера, поэтому транзит региона из одной группы в другую может быть объяснен их изменениями.

Очевидно, что кластерный анализ на основании отобранных показателей не дает исчерпывающей картины. Для составления итогового варианта классификации были внесены поправки, связанные с особенностями развития регионов и их экономико-географического положения. На следующем этапе проводился анализ каждого кластера исходя из общего количества выделенных кластеров и среднего значения применяемых показателей. Главной целью в этом случае является определение его места в центр-периферической структуре туристского пространства, которое меняется со временем. Для визуализации полученной классификации представляется важным создание картографических изображений.

В результате проведенного кластерного анализа на территории стран Прибалтики было выделено четыре кластера. Те регионы, которые характеризуются самыми высокими средними значениями, относятся к центру, промежуточные значения

имеют полупериферийные регионы. Оставшиеся регионы относятся к периферии, которая подразделяется на два более мелких кластера: продвинутую периферию и глубокую периферию с наименьшими величинами исследуемых признаков.

Результаты исследования и их обсуждение

Пространственная структура туризма в странах Прибалтики и ее изменения с 2009 по 2019 г. показаны на рисунке 1.

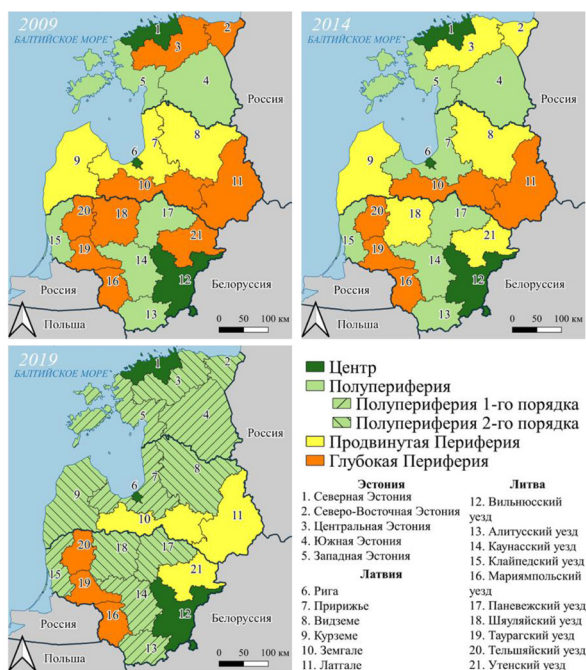

Рис. 1. Центр-периферическая структура туризма стран Прибалтики, 2009—2019 гг.

Центр представлен столицами (Рига, Латвия) или столичными регионами — Вильнюсский уезд (Литва) и Северная Эстония (Эстония).

Регионы полупериферии отличаются в двух аспектах. На их территории наличествуют важные с исторической точки зрения города (Тарту в Южной Эстонии) или крупные центры приморского и санаторно-курортного отдыха (Алитусский уезд (Друскининкай), Клайпедский уезд (Клайпеда), Пририжье (Юрмала, Кемери)). Некоторые полупериферийные регионы объединяют обе эти черты. Так, в Западной Эстонии находятся город-курорт Пярну и объект «Епископский замок в Курессаре» на острове Сааремаа, входящий в предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Другой пример — Каунасский уезд, где расположены бывшая столица Литвы Каунас и центр санаторно-курортного отдыха Бирштонас.

Периферийные регионы не обладают четкой специализацией на туристском рынке и стремятся использовать разные возможности для повышения участия в сфере туризма, поэтому они не имеют строгих предпочтений.

Таблица 1 содержит некоторые количественные характеристики центра, полупериферии и периферии туристского пространства стран Прибалтики. Она наглядно иллюстрирует сильную их дифференциацию по ключевым показателям, которая сохраняется со временем и подтверждает устойчивость центр-периферической структуры.

Таблица 1

Средние значения показателей для четырех кластеров в 2009, 2014 и 2019 гг.

Показатель	Центр			Полупериферия			Продвинутая периферия			Глубокая периферия		
	2009	2009	2014	2009	2019	2014	2009	2009	2014	2009	2009	2014
ВВП на душу населения, в текущих ценах, тыс. евро	17,86	11,5	20,12	17,5	11,5	10,2	6,54	8,35	7,52	8,35	8,74	8,43
Коэффициент внутреннего туристского прибытия, ‰	33,25	48,9	37,13	114	48,9	92,8	22,7	15,38	20,6	15,38	57,42	50,84
Доля регионов в общем объеме внутренних туристских прибытий, ‰	24,28	19,7	23,92	23,6	19,7	19,8	18,9	5,79	4,85	5,79	10,95	7,89
Средняя продолжительность пребывания местных туристов в средствах размещения, ночевки	2,21	2,57	1,98	2,05	2,57	2,48	2,06	2,07	1,91	2,07	1,76	1,75
Коэффициент въездного туристского прибытия, ‰	961,1	531	1762	1280	531	647	149	111,1	54,4	111,1	218,1	142,8
Доля регионов в общем объеме въездных туристских прибытий, ‰	70,08	7,74	70,37	30,8	7,74	10	6,32	1,43	0,81	1,43	2,43	1,62
Средняя продолжительность пребывания иностранных туристов в средствах размещения, ночевки	2,09	3,52	1,84	2,36	3,52	2,64	2,39	2,13	1,9	2,13	2,44	1,76
Плотность объектов сферы гостеприимства, количество мест в средствах размещения в регионах на 1 км ²	15,98	1,3	17,33	8,09	1,3	1,54	0,45	0,33	0,28	0,33	0,58	0,46
Объекты и кандидаты в объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО	4	2,67	4	2,78	2,67	2	0	0,78	1,2	0,78	0,83	2
Аэропорты международного и местного значения	1,33	2,67	1,33	2,78	2,67	3	4,67	0,33	0,4	0,33	1,67	0,67

С 2009 по 2019 г. отмечался общий экономический рост во всех странах Прибалтики. Однако на региональном уровне он проходил неравномерно. Регионы центра туристского пространства сохраняли лидерство: в них ВВП на душу населения, хотя и снизился в 2019 г. по сравнению с 2009 г., превышал среднее значение по стране примерно в 2 раза. В регионах полупериферии этот показатель принимал средние значения, а в регионах периферии был ниже среднего уровня.

Приоритетными видами туризма в странах Прибалтики являются въездной и внутренний. Основные потоки иностранных туристов концентрируются в центрах туристского пространства. В зависимости от года на Северную Эстонию приходилось 71—74 % от общего въездного туристского потока в страну, на Ригу — 77—78 %, на Вильнюсский уезд — 58—59 %. Однако иностранные туристы долго не задерживаются на месте и совершают в среднем лишь две ночевки в столичных регионах.

Коэффициент въездного туристского прибытия в регионах центра принимал в целом высокие значения. В 2009—2019 гг. он колебался от 96 до 206%. Такой большой диапазон может быть связан с миграционным оттоком из стран Прибалтики при увеличивающемся потоке иностранных туристов. Например, за рассматриваемый период население Риги уменьшилось на 7 %, а количество поездок иностранных туристов увеличилось в 1,5 раза.

Полупериферийные регионы принимали значительно меньше иностранных туристов: их доля колеблется от 4 до 16 %. Продолжительность пребывания иностранцев в таких регионах немного больше, чем в регионах центра, — от 2,5 до 3,5 ночевки. Коэффициент въездного туристского прибытия стабилен и изменяется в пределах от 50 до 60%. При этом в выделившейся к 2019 г. полупериферии первого порядка этот показатель приблизительно в 3 раза больше, чем в полупериферии второго порядка: 90% против 30%. Таким образом, некоторые регионы полупериферии по отдельным показателям смогли приблизиться к регионам центра.

Периферийные регионы практически не участвуют во въездном туризме: их доля не превышает 2 %. Продолжительность поездок колеблется в пределах двух ночевки. Среднее значение коэффициента въездного туристского прибытия для регионов продвинутой периферии не превышает 22%, а для регионов глубокой периферии — в 2 раза меньше, или 11%.

На рынке внутреннего туризма в отличие от въездного роль центра уже не так велика. Его доля не превышает 30 %. Столичные регионы, где проживает большая часть населения стран Прибалтики и где концентрируется туристский спрос, генерируют основные внутренние туристские потоки и в меньшей степени являются их реципиентами. Интенсивность внутреннего туризма ниже, чем въездного: коэффициент внутреннего туристского прибытия — 33—50%. Продолжительность пребывания также — около двух ночевки.

Внутренний туризм имеет большое значение для регионов полупериферии. Их доля приближается к 20 %. При этом возникает разрыв более чем в 2 раза между регионами полупериферии первого и второго порядка: средние значения в 2019 г. равняются 23 и 10 % соответственно. Особенно это заметно при рассмотрении коэффициента внутреннего туристского прибытия. Среднее значение показателя для полупериферии колеблется от 50 до 65%, тогда как для более развитых регионов оно составляет почти 90%. Продолжительность пребывания внутренних туристов в этих регионах не отличается от регионов центра (около двух ночевки), однако это меньше, чем у иностранных туристов. Такой результат может быть связан с относительно компактными размерами стран и, как следствие, возможностью совершать частые кратковременные поездки.

Регионы периферии практически не участвуют не только во въездном, но и во внутреннем туризме. Доля продвинутой периферии не превышает 6 %, а коэффициент внутреннего туристского прибытия 16%, в глубокой периферии — 1,5 % и 8% соответственно.

Одним из признаков центра туристского пространства является развитая инфраструктура. Однако плотность койко-мест несколько различается по конкретным регионам в зависимости от степени их урбанизации и туристской специализации. На общем фоне выделяется регион «Рига», полностью состоящий из крупнейшего города-столицы (53 места в средствах размещения на 1 км²). На втором месте с большим отрывом — Северная Эстония (5 мест в средствах размещения). Третье место в Литве занимает Клайпедский уезд как один из важнейших курортных центров. В регионах полупериферии 1-го порядка плотность койко-мест составляет всего 2 места на 1 км², а в регионах полупериферии 2-го порядка и периферии — меньше 1-го.

Туристская привлекательность региона во многом зависит от наличия объектов показа, в частности занесенных в Список ЮНЕСКО. Прослеживается положительная корреляция между их числом и статусом, с одной стороны, и объемами туристских потоков — с другой. В странах Прибалтики количество объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО на протяжении рассматриваемого периода не менялось. Они преимущественно сосредоточены в регионах центра. На полупериферии и периферии их количество уменьшается в 2 раза или вообще отсутствует.

Для стран Прибалтики столицы являются не только центром политической и административной жизни, главным транспортным хабом, но и основным местом для отдыха: более 60 % международных туристских прибытий в эти страны приходится на столичные регионы. Именно благодаря им повышается узнаваемость стран Прибалтики как туристских дестинаций в целом, формируется положительный образ и растет их конкурентоспособность как единого макрорегиона на глобальном туристском рынке.

Таллин, Рига и Вильнюс имеют широкую туристскую специализацию и популярны среди местных туристов и иностранцев. Прежде всего они известны как центры культурно-познавательного туризма. Исторические части этих городов включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Другими словами, в регионах центра или в непосредственной близости к ним существуют объекты, имеющие общемировую ценность и позволяющие организовать маршруты в рамках единого туристского продукта с привлечением регионов полупериферии и периферии. Например, в 35 км от Вильнюса находится объект ЮНЕСКО особой культурной и исторической важности — археологические памятники культурного резервата Кярнаве. Они входят в туристский маршрут «Четыре столицы Литвы»: Вильнюс, Каунас, Тракай и Кярнаве¹⁵.

Столицы стран Прибалтики также позиционированы как центры делового туризма. Это связано в том числе и с тем, что столичные регионы являются приоритетными при планировании экономического развития стран. Большое внимание уделяется созданию комфортной городской среды: застраиваются улицы, ремонтируются старые дома, появляются торговые и развлекательные центры, меняются к лучшему музеи и театры. Так, с 2007 г. были последовательно реконструированы все столичные аэропорты. Особенно важное направление в контексте развития общего туристско-рекреационного пространства — новый подвид делового туризма «bleisure», когда деловые поездки совмещаются с отдыхом. Такие программы позволяют вовлечь пристоличные регионы в единые маршруты. В частности, первые попытки организовать такие туры делались в Латвии усилиями туроператора «Латвия Турс» совместно с компанией «Амадеус»¹⁴.

¹⁵ Gamtos ir kultūros paveldo objektai, 2022, Keturiuos Sostines, URL: <https://www.keturiosostines.lt> (дата обращения: 15.08.2022).

¹⁴ Members explore bleisure travel, 2017, AmCham Latvia, URL: <https://www.amcham.lv/en/communications/news/2793> (дата обращения: 15.08.2022).

Как подчеркивалось выше, столичные регионы наиболее продвинуты на рынке международного въездного туризма. Для их дальнейшего развития используются различные инструменты и институты Европейского союза. Председательство Латвии в Совете ЕС в первой половине 2015 г. не только способствовало укреплению ее международного имиджа, но и подчеркнуло потенциал Риги как направления для деловых поездок. В рамках председательства в Латвии было организовано около 200 мероприятий с участием 25 тыс. человек, оставшихся в Риге на 2–3 дня [17].

Страны Прибалтики принимают активное участие в проекте Совета ЕС «Культурные столицы Европы». Неоднократные победы в этом престижном ежегодном конкурсе сыграли важную роль в повышении узнаваемости столичных городов среди европейских туристов. В 2009 г. почетный титул был присужден Вильнюсу. В 2011 г. средоточием культурной жизни всей Европы стал Таллин, а в 2014 г. — Рига¹⁵. Несмотря на то что большая часть мероприятий, включенных в программы этих культурных событий, была ориентирована в основном на местную аудиторию и развитие культурного пространства, экономики и инфраструктуры городов-столиц, их освещение за рубежом в течение года внесло значительный долгосрочный вклад в международное признание. Так, в опросе иностранных туристов, проведенном в Риге летом 2014 г., 2,9 % респондентов указали, что мероприятия культурной столицы Европы вызвали у них мотивацию приехать в Ригу [37]. Опыт участия в проекте позволил расширить географию мероприятий и дал толчок к интеграции культурного и туристского пространства. В 2022 г. одной из культурных столиц Европы был выбран Каунас, а в 2024 г. — Тарту. В настоящее время ведется активная подготовка к реализации данных проектов.

Большое значение с точки зрения повышения осведомленности о туристском потенциале центральных регионов стран Прибалтики имело проведение массовых спортивных мероприятий различной направленности. Дважды — в 2006 и 2021 гг. — Рига принимала Чемпионат мира по хоккею. В 2011 г. в Вильнюсе прошел Чемпионат Европы по баскетболу, а в Таллине — Чемпионат Европы по фигурному катанию. Некоторые спортивные события позволили задействовать спортивную инфраструктуру не только столиц, но и других регионов. Так, в 2011 г. в рамках Чемпионата Европы по баскетболу кроме Вильнюса отдельные соревнования проходили в Алитусе, Клайпеде, Шяуляе, Паневежисе и Каунасе. Их посетили 20 тыс. иностранных туристов [38].

Одной из ключевых характеристик туристского пространства является его связанность, целостность. Она, в частности, обеспечивается диффузией инноваций в центр-периферической структуре. Нововведения в сфере туризма — новые виды турпродуктов, более эффективные модели турбизнеса, улучшенные сервисные технологии и т. д. — передаются от более развитых территорий к менее развитым посредством потоков отдыхающих и деловых посетителей по радиальным маршрутам из центра, которые обеспечиваются хорошо развитой транспортной инфраструктурой вокруг столиц, а также посредством миграции капиталов и рабочей силы в сфере туризма.

Особую роль в распространении инноваций в странах Прибалтики играет их интеграция в общеевропейское пространство. В столичные регионы нововведения проникают из-за границы через горизонтальные связи. Затем они распространяются внутри страны по вертикали, от более развитых к менее развитым регионам.

¹⁵ European Capitals of Culture, 2022, Culture and Creativity, URL: <https://culture.ec.europa.eu/policies/culture-in-cities-and-regions/european-capitals-of-culture> (дата обращения: 15.08.2022).

Так, последовательное открытие сначала в Вильнюсе, а затем в Каунасе гостиниц международной гостиничной сети «Radisson»¹⁶ позволило повысить качество обслуживания туристов и способствовало внедрению международных стандартов гостеприимства.

Одной из основных форм трансграничного сотрудничества в Европе служат еврорегионы. Группы регионов стран-членов Евросоюза совместно с граничащими с Евросоюзом государствами заключают соглашения о сотрудничестве и проводят совместно мероприятия, в том числе в сфере туризма [12]. Страны Прибалтики участвуют в 12 проектах разного уровня — как между регионами соседних стран, так и среди стран, имеющих выход к Балтийскому морю¹⁷. Благодаря активному участию регионов в проектах ЕС участники туристского рынка получают возможность своевременно знакомиться с лучшими практиками.

Несмотря на то что центр-периферическая структура туристского пространства стран Прибалтики постоянно воспроизводится, она меняется со временем. В процессе эволюции прослеживается отход от традиционной, пирамидальной структуры к «бочкообразной». На протяжении 10 лет, с 2009 по 2019 г., расширялась группа регионов — полупериферия, которая тяготеет к центрам и обеспечивает распространение инноваций путем их передачи контактным способом от столиц к периферийным территориям (рис. 2). Расширение сети туристских маршрутов и географии туристских потоков в регионах полупериферии способствует развитию туристского пространства Эстонии, Латвии и Литвы. Такое изменение позволяет вовлечь дополнительные территории в общий обмен инновациями для стимулирования деловой активности на их туристском рынке, сглаживает пространственную поляризованность и снижает риски разрывов в системе.

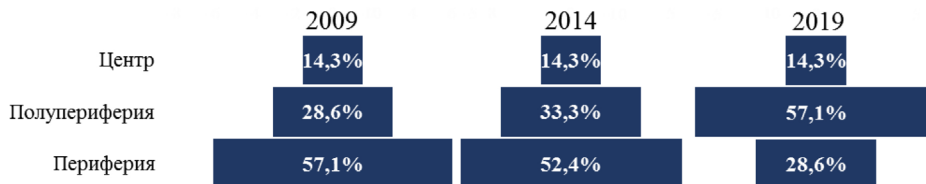

Рис. 2. Изменение центр-периферической структуры въездного и внутреннего туризма в странах Прибалтики с 2009 по 2019 г.

Выводы

Метод кластерного анализа хорошо зарекомендовал себя в исследовании территориальной структуры туризма. Он показывает, что факторы и условия, как и результаты туристской деятельности, характеризуются пространственной дифференциацией и туристское пространство стран Прибалтики имеет ярко выраженную центр-периферическую структуру. Оно весьма сильно поляризовано. Эта иерархическая структура трансформируется в ходе адаптации стран Прибалтики к новым условиям — вступлению в ЕС, а также благодаря их транзитному положению, сохранившимся историческим связям с разными группами стран и сформировавшейся в прошлые периоды истории базе для развития туризма.

¹⁶ Explore hotels in Lithuania, *Radisson Hotel Group Destinations*, URL: <https://www.radissonhotels.com/en-us/destination/lithuania> (дата обращения: 15.08.2022).

¹⁷ EU Interreg Programmes, 2022, *Interreg*, URL: <https://interreg.eu/> (дата обращения: 15.08.2022).

В территориальной структуре туризма стран Прибалтики выделяются столичные регионы как «ареалы роста», которые конкурентоспособны на международном, прежде всего европейском, рынке путешествий и привлекают иностранных туристов. При этом остальные территории этих стран получают туристов из центров и специализируются в большей степени на внутреннем туризме. Однако в настоящее время развиваются локальные центры в регионах полупериферии, способные привлечь въездной поток и позволившие некоторым регионам приблизиться к центральным территориям.

Изменения туристского пространства стран Прибалтики, начиная с 2009 г. и особенно интенсивно с 2014 г. по 2019 г., свидетельствуют о прогрессивных направлениях развития как внутреннего, так и въездного туризма. Территориальная структура усложняется: несмотря на сохраняющуюся значительную поляризованность, наличие абсолютных лидеров (столичных регионов), полупериферийные территории разделились на два уровня. К 2019 г. можно выделить полупериферию 1-го и 2-го порядка. Происходит поступательное вовлечение в туристский обмен слабоосвоенных периферийных регионов. В настоящее время они находятся в отдалении и от побережья Балтийского моря, и от традиционных туристских центров. Поэтому их дальнейшее вовлечение в туристское пространство требует более активной интеграции в туристские маршруты.

Несмотря на некоторые положительные изменения в положении периферийных регионов в центр-периферической структуре туристского пространства стран Прибалтики до 2019 г., их отрыв от центров оставался весьма существенным. В его преодолении кроется один из главных резервов дальнейшего развития и формирования устойчивых и сбалансированных туристских структур в странах Прибалтики. Туристская периферия в первую очередь нуждается в эффективном продвижении на внутренних рынках путешествий и во вторую — на международном рынке, причем в качестве целевых в данном случае могут рассматриваться не только традиционные для региона страны, генерирующие въездные туристские потоки, но и новые азиатские направления. Продолжая создавать инновационные продукты и решения, регионы центра будут способствовать расширению географии туристских поездок и перераспределению уже существующих туристских потоков в пользу менее развитых в туристском отношении территорий. Это может быть реализовано через специальные маркетинговые программы, создание оригинальных нишевых туристских продуктов, более активное участие в многочисленных программах межрегиональной кооперации между странами — членами ЕС, использование инструментов государственной поддержки туристской индустрии, которые хорошо зарекомендовали себя в условиях пандемии и т. д.

События, связанные с пандемией COVID-19 и последующими изменениями геополитического характера, оказали негативное влияние на туристский рынок стран Прибалтики. Регионы центра как «локомотивы» в первую очередь были вынуждены оперативно реагировать на конъюнктурные изменения, предлагая новые решения для потребителей. С ужесточением визовых формальностей со стороны стран Прибалтики, а затем введением запрета на проезд через их территорию в Шенгенскую зону для граждан России снизилось влияние транзитного положения территорий полупериферии и периферии, имеющих общую границу с Россией и Беларуссией. При дальнейшем сохранении этих ограничений следует ожидать структурных изменений в географии поездок в странах Прибалтики, их еще более глубокой интеграции в западноевропейский рынок путешествий, соответствующей трансформации существующего туристского продукта под запросы потребителей стран ЕС, замедления темпа качественных прогрессивных изменений в менее развитых регионах туристской полупериферии и периферии.

Необходимо продолжить изучение пространственной структуры туристского рынка стран Прибалтики. Дальнейшее развитие такого сложного явления, как туризм, особенно в условиях ухудшающейся макроситуации и нарастающей неопределенности, требует научного сопровождения и даже опережения. Подобного рода географическая экспертиза имеет перспективы в современных условиях, когда ощущается острый дефицит в актуальной, полной и достоверной статистической информации о туризме. Она помогает принимать решения в области территориальной организации туристской деятельности и приводить их в соответствие с туристским «опытом территории» (по аналогии с «экономико-географическим опытом территории» Л.Е. Иофы). Это будет работать на повышение конкурентоспособности стран Прибалтики на туристском рынке и позволит более эффективно использовать туризм в качестве инструмента комплексного и устойчивого развития территорий.

Список литературы

1. Аигина, Е. В., Красавцев, И. В. 2020, Особенности развития въездного туризма в странах Балтии в постсоветский период, *Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: труды XV междунар. науч.-практ. конф.*, Тверь, Тверской государственный университет, т. 15, с. 180—190.
2. Druvaskalne, I., Šļara, A. 2006, Tourism Challenges in the Baltic States since EU enlargement, *European Regional Science Association conference papers*, p. 42—56.
3. Драгилева, И. И., Корнеевец, В. С., Кропинова, Е. Г. 2005, Международное сотрудничество и развитие туризма в Калининградской области, *Регион сотрудничества*, № 9, Калининград, с. 11—19.
4. Studzieniecki, T., Korneevets, V. 2016, The role of the European neighbourhood policy instrument in the tourist development of the Lithuanian—Polish—Russian Borderland, *XIX Mezinárodní Kolokvium*, p. 1135—1143, <https://doi.org/10.5817/cz.muni.p210-8273-2016-146>.
5. Кропинова, Е. Г. 2016, *Трансграничные туристско-рекреационные регионы на Балтике*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, 212 с.
6. Кропинова, Е. Г. 2011, Факторы формирования трансграничного туристско-рекреационного региона «Юго-Восточная Балтика», *Балтийский регион*, № 1, с. 106—114, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2011-1-12>.
7. Манаков, А. Г., Голомидова, Е. С. 2018, Трансграничные туристско-рекреационные регионы на смежных территориях России, Эстонии и Латвии, *Географический вестник*, № 2 (45), с. 156—166, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2018-2-156-166>.
8. Манаков, А. Г., Иванов, И. А., Чученкова, О. А. 2021, Классификация трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов в юго-восточной части Балтийского макрорегиона, *Региональные исследования*, № 1, с. 118—129, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2021-10>.
9. Кондратьева, С. В. 2019, Факторы развития приграничного туризма на смежных территориях России и Финляндии, *Псковский регионологический журнал*, № 4 (40), с. 106—114, <https://doi.org/10.37490/S221979310011766-5>.
10. Степанова, С. В. 2017, Трансграничные туристские маршруты: возможности северо-запада России, *Балтийский регион*, т. 9, № 4, с. 129—151, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-7>.
11. Smith, M. 2015, Baltic health tourism: uniqueness and commonalities, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 15, № 4, p. 357—379, <https://doi.org/10.1080/15022250.2015.1024819>.
12. Nicula, V., Spânu, S. 2018, Rural and gastronomic tourism in Baltic countries, in: Mărginean, S., Ogrăean, C., Orăștean, R. (eds.), *Emerging Issues in the Global Economy*, Springer Proceedings in Business and Economics, Springer, Cham, p. 253—275, https://doi.org/10.1007/978-3-319-71876-7_23.
13. Анохин, А. Ю., Кропинова, Е. Г., Спиряевас, Э. 2021, Развитие геотуризма в трансграничном регионе на основе использования геонаследия (пример Куршской косы — объекта ЮНЕСКО), *Балтийский регион*, т. 13, № 2, с. 112—128, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-2-6>.

14. Cottrell, S., Cottrell, J.R. 2015, The state of tourism in the Baltics *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 15, №4, p. 321—326, <https://doi.org/10.1080/15022250.2015.1081798>.
15. Hall, D. 2010, Tourism in semi-rural environments: sustainability issues and experience from the Baltic States, in: Macleod, D., Gillespie, S. (eds.), *Sustainable Tourism in Rural Europe*, Routledge, p. 91—106.
16. Jacobsen, P. 2018, *State of the Tourism Industry in the Baltic Sea Region, 2018 Edition*. Rostock: BSTC Baltic Sea Tourism Center, 33 p.
17. Sokhanvar, A., Çiftçioğlu, S. 2022, Tourism, employment, and economic expansion in Baltics, *Tourism Analysis*, vol. 27, №3. p. 403—407, <https://doi.org/10.3727/108354222X16510114086352>.
18. Рахманов, А.Б. 2019, Туризм и структура привлекательности мегаполисов Балтийского региона, *Балтийский регион*, т. 11, №2, с. 73—93, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-5>.
19. Саранча, М.А. 2020, Оценка конкурентоспособности туристских сфер государств Балтийского региона, *Балтийский регион*, т. 12, №3, с. 147—165, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-9>.
20. Ivanov, I.A., Golomidova, E.S., Terenina, N.K. 2021, Influence of the COVID-19 Pandemic on the Change in Volume and Spatial Structure of the Tourist Flow in Finland and Estonia in 2020, *Regional Research of Russia*, vol. 11, №3, с. 361—366, <https://doi.org/10.1134/s2079970521030059>.
21. Livina, A., Bukovska, G., Abols, I., Reddy, G.M. 2021, The Recovery Tactics of the Tourism Industry Amid COVID-19 Pandemic Conditions in the Baltic States, *Tourism Destination Management in a Post-Pandemic Context*, с. 11—23, <https://doi.org/10.1108/978-1-80071-511-020211001>.
22. Cernikovaite, M., Karazijiene, Z. 2021, Social-economic effects of the COVID-19 pandemic in Lithuania, *SHS Web of Conferences*, vol. 92, p. 01—10, <https://doi.org/10.1051/shs-conf/20219201006>.
23. Jarvis, J. 2020, 'Study in Estonia': the strategic implications of hosting international students on Estonia's tourism economy, *Journal of Baltic Studies*, vol. 51, №2, p. 261—274, <https://doi.org/10.1080/01629778.2018.1439847>.
24. Ruukel, A., Reimann, M., Tooman, H. 2020, Rural Tourism as a Tool for Sustainable Development: Lessons Learned in Estonia, *Tourism Development in Post-Soviet Nations*. Palgrave Macmillan, Cham, p. 15—29, https://doi.org/10.1007/978-3-030-30715-8_2.
25. Tooman, H., Muristaja, H. 2014, Developing Estonia as a positively surprising tourist destination, *European Tourism Planning and Organisation Systems*, p. 106—117, <https://doi.org/10.21832/9781845414344-012>.
26. Rozite, M., Klepers, A. 2012, Out of the Soviet Union: The re-emergence of Rīga as a tourist capital, *Current Issues in Tourism*, vol. 15, №1-2, p. 61—73, <https://doi.org/10.1080/13683500.2011.634895>.
27. Spirajevas, E. 2013, The development of international tourism in Lithuania: a comparative analysis of regional aspects, *Baltic region*, №1, p. 116—127, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2013-1-8>.
28. Stanaitis, A., Stanaitis, S. 2017, Lithuanian Tourism Geography, in: Widawski, K., Wyrzykowski, J. (eds.), *The Geography of Tourism of Central and Eastern European Countries*, Springer, Cham, p 233-280, https://doi.org/10.1007/978-3-319-42205-3_7.
29. Александрова, А.Ю. 2014, Центр-периферическая модель развития туризма, *Вопросы географии*, №139, с. 80—100.
30. Крыстев, В.К. 2015, Геоэкономическая поляризация мирового туристского пространства в центр-периферийном порядке, *Социально-политические и эколого-хозяйственные проблемы развития Балтийского региона: материалы науч.-практ. конф.*, Псков, Псковский гос. ун-т, с. 3—10.
31. Пирожник, И.И. 1996, *Международный туризм в мировом хозяйстве*, Минск, Изд-во Белорус. гос. ун-та, 49 с.
32. Tryon, R. C. 1958, Cumulative communality cluster analysis *Educational and Psychological Measurement*, vol. 18, №1, p. 3—35, <https://doi.org/10.1177/001316445801800102>.

33. Олдендерфер, М. С., Блэшфилд, Р. К. 1989, Кластерный анализ, *Факторный, дискриминантный и кластерный анализ*, под ред. И. С. Енюкова, М., Финансы и статистика, 215 с.
34. Ашугатоян, С. Г. 2017, Трансформация территориальной структуры въездного и внутреннего туризма в Турции, *Географический вестник*, № 4 (43), с. 153–161, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2017-4-153-161>.
35. Горшков, В. А., Снитко, В. К. 2009, Z-преобразование в экономических задачах, *Ученые записки Российского государственного социального университета*, № 7-1, с. 189–192.
36. Majerova, I., Nevima, J. 2017, The measurement of human development using the Ward method of cluster analysis, *Journal of International Studies*, vol. 10, № 2, p. 239–257, <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2017/10-2/17>.
37. Klepers, A., Smalinskis J., Livina, A. 2021, *Tourism in Latvia through the centuries. History, development, and perspective*, Riga, Turiba, 497 p.
38. Balciunas, M., Jasinskas, E., Koisoja, E. 2014, Economic contribution of sports event: Analysis of Eurobasket 2011 example, *Transformations in business & economics*, vol. 13, № 2, p. 41–54.

Об авторах

Анна Юрьевна Александрова, доктор географических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: analexan@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1772-8431>

Иван Владимирович Красавцев, аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: krassavtsev@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4303-8554>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

TERRITORIAL STRUCTURE OF INBOUND AND DOMESTIC TOURISM IN THE BALTIC STATES

A. Y. Aleksandrova

I. V. Krasavtsev

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia

Received 22.09.2022

Accepted 07.12.2022

doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-7

© Aleksandrova, A. Y., Krasavtsev, I. V., 2023

This paper examines the transformation of the territorial structure of tourism in Estonia, Latvia and Lithuania. The spatial and temporal organisation of tourism in these countries has undergone significant changes since they became independent and joined the EU. These changes have affected the geography of tourist flows and destinations of interest. This study

To cite this article: Aleksandrova, A. Y., Krasavtsev, I. V. 2023, Territorial structure of inbound and domestic tourism in the Baltic States, *Balt. Reg.*, Vol. 15, № 1, p. 120–138. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-7.

aims to define the geographical and economic peculiarities of the development of tourism in the Baltic States and to identify the central, peripheral and semi-peripheral regions. Elements of the centre-periphery structure were identified through cluster analysis covering the period 2009-2019. Eleven indicators were used to determine the level of socio-economic development, the state of inbound and domestic tourism and the degree of transport infrastructure development. The results of the study suggest that there have been progressive changes in the territorial structure of tourism in the Baltic states. The main centres of attraction are the capitals and their adjacent territories. Horizontal contacts with more developed regions of the EU states and vertical interaction with other regions of Estonia, Latvia and Lithuania have a significant impact on the development of tourism activities. Central regions are dominant in terms of attracting tourist flows. This is characteristic of a highly polarized tourism structure. However, many semi-peripheral and peripheral regions have lately improved their position, being integrated into national and cross-border tourism routes and increasing outreach in the tourism market.

Keywords:

tourism, territorial structure, cluster analysis, Baltic states, centre-periphery

References

1. Aigina, E. V., Krasavtsev, I. V. 2020, Inbound Tourism Development in the Baltic States in the Post-Soviet Period, *Tourism and recreation: fundamental and applied research: proceedings of the XV international scientific-practical conference*, Tver, Tver State University, vol. 15, p. 180—190 (in Russ.).
2. Druvaskalne, I., Šļara, A. 2006, Tourism Challenges in the Baltic States since EU enlargement, *European Regional Science Association conference papers*, p. 42—56.
3. Dragileva, I. I., Korneevets, V. S., Kropinova, E. G. 2005, Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo i razvitie turizma v Kaliningradskoi oblasti [International cooperation and the development of tourism in the Kaliningrad region], *Region sotrudnichestva [Region of cooperation]*, № 9, Kaliningrad, p. 11—19 (in Russ.).
4. Studzieniecki, T., Korneevets, V. 2016, The role of the European neighbourhood policy instrument in the tourist development of the Lithuanian—Polish—Russian Borderland, *XIX Międzynarodni Kolokwium*, p. 1135—1143, <https://doi.org/10.5817/cz.muni.p210-8273-2016-146>.
5. Kropinova, E. G. 2016, *Transgranichnye turistsko-rekreatsionnye regiony na Baltike* [Cross-border tourism and recreational regions on the Baltic Sea], Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Press, 212 p. (in Russ.).
6. Kropinova, Y. 2011, The Factors Affecting the Development of the South-Eastern Baltic Tourism and Recreation Region, *Baltic Region*, № 1, p. 93—100, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2011-1-12>.
7. Manakov, A. G., Golomidova, E. S. 2018, Transboundary tourist-recreational regions in the adjacent territories of Russia, Estonia and Latvia, *Geographical Bulletin*, № 2 (45), p. 156—166, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2018-2-156-166>.
8. Manakov, A. G., Ivanov, I. A., Chuchenkova, O. A. 2021, Classification of South-Eastern Baltics cross-border recreational mesoregions, *Regional studies*, № 1, p. 118—129, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2021-10>.
9. Kondrateva, S. 2019, Factors of development of border tourism in related territories of Russia and Finland, *Pskov regional studies journal*, № 4 (40), p. 106—114, <https://doi.org/10.37490/S221979310011766-5> (in Russ.).
10. Stepanov, S. V. 2017, Cross-border tourist routes: the potential of Russia's North-West, *Baltic Region*, vol. 9, № 4, p. 129—151, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-4-7>.
11. Smith, M. 2015, Baltic health tourism: uniqueness and commonalities, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 15, № 4, p. 357—379, <https://doi.org/10.1080/15022250.2015.1024819>.
12. Nicula, V., Spânu, S. 2018, Rural and gastronomical tourism in Baltic countries, in: Mărginean, S., Oğrean, C., Orăștean, R. (eds.), *Emerging Issues in the Global Economy*, Springer Proceedings in Business and Economics, Springer, Cham, p. 253—275, https://doi.org/10.1007/978-3-319-71876-7_23.

13. Anokhin, A. Yu., Kropinova, E. G., Spiryaev, E. 2021, Developing geotourism with a focus on geoheritage in a transboundary region: the case of the Curonian Spit, a UNESCO site, *Baltic Region*, vol. 13, № 2, p. 112—128, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-2-6>.
14. Cottrell, S., Cottrell, J.R. 2015, The state of tourism in the Baltics *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 15, № 4, p. 321—326, <https://doi.org/10.1080/15022250.2015.1081798>.
15. Hall, D. 2010, Tourism in semi-rural environments: sustainability issues and experience from the Baltic States, in: Macleod, D., Gillespie, S. (eds.), *Sustainable Tourism in Rural Europe*, Routledge, p. 91—106.
16. Jacobsen, P. 2018, *State of the Tourism Industry in the Baltic Sea Region, 2018 Edition*. Rostock: BSTC Baltic Sea Tourism Center, 33 p.
17. Sokhanvar, A., Çiftçioglu, S. 2022, Tourism, employment, and economic expansion in Baltics, *Tourism Analysis*, vol. 27, № 3, p. 403—407, <https://doi.org/10.3727/108354222X16510114086352>.
18. Rakhmanov, A.B. 2019, Tourism and the structure of attractiveness of the Baltic region metropolises, *Baltic Region*, vol. 11, № 2, p. 73—93, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-5>.
19. Sarancha, M. A. 2020, Assessing competitiveness of the Baltic states in tourism, *Baltic Region*, vol. 12, № 3, p. 147—165, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-9>.
20. Ivanov, I. A., Golomidova, E. S., Terenina, N.K. 2021, Influence of the COVID-19 Pandemic on the Change in Volume and Spatial Structure of the Tourist Flow in Finland and Estonia in 2020, *Regional Research of Russia*, vol. 11, № 3, p. 361—366, <https://doi.org/10.1134/s2079970521030059>.
21. Livina, A., Bukovska, G., Abols, I., Reddy, G.M. 2021, The Recovery Tactics of the Tourism Industry Amid COVID-19 Pandemic Conditions in the Baltic States, *Tourism Destination Management in a Post-Pandemic Context*, p. 11—23, <https://doi.org/10.1108/978-1-80071-511-020211001>.
22. Cernikovaite, M., Karazijiene, Z. 2021, Social-economic effects of the COVID-19 pandemic in Lithuania, *SHS Web of Conferences*, vol. 92, p. 01—10, <https://doi.org/10.1051/shs-conf/20219201006>.
23. Jarvis, J. 2020, 'Study in Estonia': the strategic implications of hosting international students on Estonia's tourism economy, *Journal of Baltic Studies*, vol. 51, № 2, p. 261—274, <https://doi.org/10.1080/01629778.2018.1439847>.
24. Ruukel, A., Reimann, M., Tooman, H. 2020, Rural Tourism as a Tool for Sustainable Development: Lessons Learned in Estonia, *Tourism Development in Post-Soviet Nations*. Palgrave Macmillan, Cham, p. 15—29, https://doi.org/10.1007/978-3-030-30715-8_2.
25. Tooman, H., Muristaja, H. 2014, Developing Estonia as a positively surprising tourist destination, *European Tourism Planning and Organisation Systems*, p. 106—117, <https://doi.org/10.21832/9781845414344-012>.
26. Rozite, M., Klepers, A. 2012, Out of the Soviet Union: The re-emergence of Riga as a tourist capital, *Current Issues in Tourism*, vol. 15, № 1—2, p. 61—73, <https://doi.org/10.1080/13683500.2011.634895>.
27. Spiriyaev, E. 2013, The development of international tourism in Lithuania: a comparative analysis of regional aspects, *Baltic region*, № 1, p. 116—127, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2013-1-8>.
28. Stanaitis, A., Stanaitis, S. 2017, Lithuanian Tourism Geography, in: Widawski, K., Wyrzykowski, J. (eds.), *The Geography of Tourism of Central and Eastern European Countries*, Springer, Cham, p 233—280, https://doi.org/10.1007/978-3-319-42205-3_7.
29. Aleksandrova, A. Yu. 2014, Centr-perifericheskaja model' razvitiya turizma [Core-periphery model of tourism development], *Voprosy Geografii [Problems of Geography]*, № 139, p. 80—100 (in Russ.).
30. Krystev, V.K. 2015, Geoekonomicheskaya polarizatsiya mirovogo turistskogo prostranstva v tsentro-periferiinom poryadke [Geo-economic polarisation of the global tourism space in a core-periphery model], *The socio-political, economical and environmental challenges of the Baltic region: proceedings of the scientific-practical conference*, Pskov, Pskov State University, p. 3—10 (in Russ.).
31. Pirozhnik, I.I. 1996, *Mezhdunarodnyi turizm v mirovom khozyaistve [International tourism in the world economy]*, Minsk, Belarusian State University Press, 49 p. (in Russ.).

32. Tryon, R. C. 1958, Cumulative communality cluster analysis *Educational and Psychological Measurement*, vol. 18, № 1, p. 3—35, <https://doi.org/10.1177/001316445801800102>.
33. Aldenderfer, M. S., Blashfield, R. K. 1989, Cluster analysis, in: Enyukov, I. S. (ed.), *Faktornyi diskriminantnyi i klasternyi analiz* [Factor discriminant and cluster analysis], Moscow, Publisher Finance and Statistics, p. 139—214 (in Russ.).
34. Ashugatoian, S. G. 2017, Transformation of the spatial structure of internal tourism in Turkey, *Geographical bulletin*, № 4 (43), p. 153—161. doi: 10.17072/2079-7877-2017-4-153-161 (in Russ.).
35. Gorshkov, V. A., Snitko, V. K. 2009, Z-preobrazovanie v ekonomicheskikh zadachakh [Z-transformation in economic problems], *Scientific notes of the Russian state social University*, № 7-1, p. 189—192 (in Russ.).
36. Majerova, I., Nevima, J. 2017, The measurement of human development using the Ward method of cluster analysis, *Journal of International Studies*, vol. 10, № 2, p. 239—257, <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2017/10-2/17>.
37. Klepers, A., Smalinskis, J., Livina, A. 2021, *Tourism in Latvia through the centuries. History, development, and perspective*, Riga, Turiba, 497 p.
38. Balciunas, M., Jasinskas, E., Koiso, E. 2014, Economic contribution of sports event: Analysis of Eurobasket 2011 example, *Transformations in business & economics*, vol. 13, № 2, p. 41—54.

The authors

Prof Anna Yu. Aleksandrova, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: analexan@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1772-8431>

Ivan V. Krasavtsev, PhD Student, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: krassavtseviv@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4303-8554>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ И ГЕОГРАФИИ ТУРИСТСКИХ ПОТОКОВ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

А. Г. Манаков¹

В. К. Крыстев²

И. Н. Красильникова¹

И. А. Иванов¹

¹Псковский государственный университет,
180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2

²Экономический университет Варна,
9002, Болгария, Варна, бул. Князя Бориса I, 77

Поступила в редакцию 16.08.2022 г.

Принята в печать 05.12.2022 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-8

© Манаков А. Г., Крыстев В. К., Красильникова И. Н., Иванов И. А., 2023

Туризм входит в число тех сфер человеческой деятельности, которые наиболее пострадали от ограничений в передвижении, введенных из-за пандемии COVID-19. Цель исследования — оценка влияния пандемии на территориальное перераспределение турпотока в пределах Балтийского региона. Для этого были использованы региональные годовые и месячные данные по прибытиям иностранных и внутренних туристов за 2019–2021 гг., размещенные на сайтах статистических служб стран Балтийского региона. В период пандемии COVID-19 наибольшее падение въездного турпотока испытали регионы, которые в допандемийный период были особенно зависимы от турпотока из России. В большинстве стран Балтийского региона наблюдался рост внутреннего туризма. Самое значительное увеличение внутреннего турпотока в 2021 г. по сравнению с 2020 г. произошло в приграничных регионах Северо-Западного федерального округа России, а также заметный рост — в Финляндии и странах Балтии. Это позволило внутреннему турпотoku в большинстве регионов частично или даже полностью компенсировать падение въездного турпотока. В период пандемии обозначились заметные изменения в структуре въездного турпотока, в которой увеличился удельный вес туристов из стран Балтийского региона. Наибольший рост данного показателя произошел в некоторых регионах юга Финляндии, чуть меньший — в Латвии и Литве.

Ключевые слова:

COVID-19, внутренний туризм, туристский поток, структура турпотока, замещение въездного турпотока

Введение

Туризм входит в число сфер человеческой деятельности, наиболее пострадавших от ограничений в передвижении и других карантинных мер, введенных из-за пандемии COVID-19. При этом большинство исследований, посвященных изучению влиянию пандемии на туризм, концентрирует внимание на ее последствиях для туристской индустрии, как мировой, так и отдельных стран. Заметно реже обращается внимание на изменения, произошедшие в географии туристских потоков.

Для цитирования: Манаков А. Г., Крыстев В. К., Красильникова И. Н., Иванов И. А. Изменение структуры и географии туристских потоков в Балтийском регионе в период пандемии COVID-19 // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 1. С. 139–152. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-8.

Если на мировом уровне эти изменения более очевидны, то на уровне групп стран, отдельных стран и регионов требуют специального изучения. Балтийский регион в период пандемии также испытал подвижки в структуре и географии турпотоков.

В нашем исследовании Балтийский регион рассматривается преимущественно в «узком понимании» [1] и включает такие страны, как Дания, Швеция, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, а также пять федеральных земель Германии (Шлезвиг-Гольштейн, Гамбург, Мекленбург-Передняя Померания, Бранденбург, Берлин) и пять северных воеводств Польши, которые участвуют в формировании трансграничных туристско-рекреационных регионов на побережье Балтийского моря. Однако с российской стороны вместе с собственно прибалтийскими регионами (Калининградская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область) добавлены также три приграничных региона Северо-Западного федерального округа (Псковская область, Республика Карелия и Мурманская область), обычно рассматриваемые в составе Балтийского региона в «широком понимании».

Цель исследования — оценка влияния пандемии COVID-19 на территориальное перераспределение турпотока в пределах Балтийского региона.

Задачи исследования:

- выявление региональных особенностей изменения объема въездного и внутреннего турпотока в 2021 г. по сравнению с 2020 г.;
- оценка роли внутреннего турпотока в замещении падения объема въездного турпотока в период пандемии;
- расчет показателя, отражающего изменение доли туристов из стран Балтийского региона в структуре въездного турпотока конкретных территориальных единиц.

Материалы и методы

Информационной базой исследования являются находящиеся в открытом доступе данные статистических служб Финляндии¹, Швеции², Дании³, Польши⁴, Эстонии⁵, Латвии⁶, Литвы⁷, России⁸ и федеральных земель Германии: Бранденбурга и Берлина⁹, Мекленбург-Передней Померании¹⁰, Шлезвиг-Гольштейна и Гамбурга¹¹.

¹ Visit Finland, 2022, *Statistics Service Rudolf*, URL: <https://visitfinland.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/VisitFinland/> (дата обращения: 20.07.2022).

² Statistical database, 2022, *Statistics Sweden*, URL: <http://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/> (дата обращения: 20.07.2022).

³ Overnight stay by type of overnight accommodations, region, nationality of the guest and period, 2022, *StatBank Denmark*, URL: <https://www.statbank.dk/statbank5a/SelectVarVal/Define.asp?Maintable=TURIST&PLanguage=1> (дата обращения: 20.07.2022).

⁴ Local Data Bank, 2022, *Statistics Poland*, URL: <https://bdl.stat.gov.pl/bdl/dane/podgrup/temat> (дата обращения: 20.07.2022).

⁵ Statistical database, 2022, *Statistics Estonia*, URL: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (дата обращения: 20.07.2022).

⁶ Tourism, 2022, Official statistics of Latvia, URL: <https://stat.gov.lv/en/statistics-themes/business-sectors/tourism> (дата обращения: 20.07.2022).

⁷ Oficiliosios statistikos portalas, 2022, *Statistics Lithuania*, URL: <https://osp.stat.gov.lt/statistiniu-rodikliu-analize/> (дата обращения: 20.07.2022).

⁸ Официальные статистические показатели, 2022, *ЕМИСС*, URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 20.07.2022).

⁹ Archiv: Statistischer Bericht, 2022, *Statistik Berlin Brandenburg*, URL: <https://www.statistik-berlin-brandenburg.de/archiv/g-iv-2-m> (дата обращения: 20.07.2022).

¹⁰ Landesamt für innere Verwaltung Statistisches Amt, 2022, *MV*, URL: <https://www.laiv-mv.de/Statistik/Zahlen-und-Fakten/Wirtschaftsbereiche/Gastgewerbe-und-Tourismus> (дата обращения: 20.07.2022).

¹¹ Beherbergung im Reiseverkehr in Schleswig-Holstein, 2022, *Statistisches Amt für Hamburg und Schleswig-Holstein*, URL: <https://www.statistik-nord.de/zahlen-fakten/handel-tourismus-dienstleistungen/tourismus/dokumentenansicht/product/6304/beherbergung-im-reiseverkehr-in-schleswig-holstein-64> (дата обращения: 20.07.2022).

Использованы региональные годовые и месячные данные по прибытиям иностранных и внутренних туристов за 2019—2021 гг. Для Швеции, где данные по прибытиям по регионам отсутствуют, они рассчитаны на основе количества ночевков в регионах и по среднему количеству ночевков по стране в целом.

В исследовании авторами был разработан и рассчитан индекс замещения въездного туристского потока внутренним турпотоком по следующей формуле:

$$ИЗ_{\text{въездТур}} = \frac{\text{Тур}_{\text{внутр 2021}} - \text{Тур}_{\text{внутр 2019}}}{\text{Тур}_{\text{въезд 2019}}} \times 100 \%,$$

где $ИЗ_{\text{въездТур}}$ — индекс замещения въездного турпотока внутренним, $\text{Тур}_{\text{внутр 2021}}$ — внутренний турпоток июля — сентября 2021 г., $\text{Тур}_{\text{внутр 2019}}$ — внутренний турпоток июля — сентября 2019 г., $\text{Тур}_{\text{въезд 2019}}$ — въездной турпоток июля — сентября 2019 г.

На наш взгляд, период с июля по сентябрь (3-й квартал) 2019—2021 гг. более показателен по двум основным причинам: в этом квартале в большинстве европейских стран были более мягкие эпидемиологические ограничения, что связано с пониженной заболеваемостью, а также была дана возможность турбизнесу заработать в сезон массовых отпусков.

В исследовании авторами предложен еще один показатель, который отражает долю стран Балтийского региона в структуре въездного турпотока конкретных территориальных единиц. Он рассчитывается по следующей формуле:

$$ИБ_{\text{въездТур}} = \frac{\sum \text{Тур}_{\text{въезд Балт}}}{\sum \text{Тур}_{\text{въезд}}} \times 100 \%,$$

где $ИБ_{\text{въездТур}}$ — индекс, отражающий долю стран Балтийского региона в структуре въездного турпотока, $\sum \text{Тур}_{\text{въезд Балт}}$ — суммарный въездной турпоток из стран Балтийского региона, $\sum \text{Тур}_{\text{въезд}}$ — весь въездной турпоток.

При расчете индекса учитывались все страны Балтийского региона (в «узком понимании»), за исключением Российской Федерации, так как после марта 2020 г. выезд россиян в страны Евросоюза был ограничен и турпоток из России сократился до незначительных размеров.

Интерес представляет изменение индекса в 2021 г. по сравнению с 2019 г., поскольку весной 2020 г. структура въездного турпотока кардинально изменилась в результате локдауна и введенных ограничений на перемещение между странами, при этом объем турпотока в январе — марте зачастую был выше, чем в остальные 9 месяцев 2020 г. В 2021 г. структура въездного турпотока существенно не изменялась: ни в первую половину года, когда в рассматриваемых странах действовали строгие ограничения для туристов, ни позднее, когда началось заметное оживление туризма, связанное с введением «ковидных паспортов», позволявших вакцинированным и недавно переболевшим свободно пересекать границы и заселяться в гостиницы без соблюдения карантина.

Степень изученности проблемы

По изучению влияния пандемии COVID-19 на туризм уже накопилось достаточно большое количество исследований. Если на первом году пандемии работы были посвящены преимущественно потерям, понесенным мировой индустрией туризма от введения ограничений в пересечении границ и карантинных мер в са-

мих странах [2–7], то на втором и третьем годах стало появляться все больше публикаций, где анализируется изменение объемов и направленности международного турпотока.

Отметим, например, работы, где этот вопрос освещается на уровне Румынии [8], Молдовы [9], Финляндии и Эстонии [10], Казахстана и Узбекистана [11]. В одной из статей [12] был даже представлен прогноз восстановления спроса на 2021 г. по двадцати туристским направлениям по всему миру. Также нужно отметить исследование польских авторов, проанализировавших воздействие пандемии на въездной туризм тридцати европейских стран, для чего был рассчитан индекс Перкала по пяти переменным показателям ЮНВТО и Евростата за 2020 г. [13].

Во все большем количестве публикаций обращается внимание на роль внутреннего туризма в восстановлении общей величины турпотока. Такого типа исследования были проведены, например, в России [14], Германии и Ирландии [15], Италии [16], Турции [17; 18], Южной Кореи [19], Новой Зеландии [20] и др. Все чаще для этого используются математические методы. Начинается изучение поведения туристов в постпандемийный период, например, в Венгрии [21], Южной Кореи [22] и др. В России также появились работы, где рассматривается влияние последствий пандемии на величину турпотока по регионам страны. В этом плане нужно отметить исследования, проведенные на уровне регионов Северо-Западного федерального округа по итогам 2020 г. [23; 24].

В соответствии с целью и задачами данной статьи нужно особо обратить внимание на работы, где представлены результаты исследований по изучению географии турпотока на уровне регионов отдельных стран. Обычно в этих работах рассматривается динамика и география въездного турпотока. Такого типа исследования были посвящены, например, регионам Ирландии [25], Великобритании [26], Норвегии [27], Эстонии [28] Австрии и Швейцарии [11] и ряда других стран. Однако эти работы опирались на туристскую статистику допандемийного периода и в них не изучалось изменение величины турпотока по регионам стран под влиянием пандемии COVID-19.

Также нужно отметить, что исследование изменения объема турпотока на уровне территориальных единиц стран Балтийского региона впервые было предпринято нами при осуществлении классификации трансграничных туристско-рекреационных регионов по статистике с начала 2019 по июнь 2021 г. [29]. Было замечено, что наибольшее падение турпотока на первом году пандемии пришлось на трансграничные туристско-рекреационные регионы, в формировании которых принимали участие Россия и Швеция. Соответственно, наше исследование должно ответить на вопросы: насколько изменилась величина и структура турпотока на втором году пандемии, вырос ли внутренний турпоток, началось ли восстановление въездного турпотока и если да, то в каких частях Балтийского региона?

Результаты исследования и их обсуждение

Выявление территориальных различий в восстановлении туристского потока в Балтийском регионе было начато нами со сравнения объема въездного турпотока в 2021 и 2020 гг. (рис. 1). Выбор этих двух лет для сравнения был сделан по той причине, что они позволяют оценить степень восстановления въездного турпотока более точно, так как в сравнении с допандемийным 2019 г. во всех регионах наблюдается очень сильное сокращение въездного турпотока (более 50 %), которое в 2021 г. не удалось преодолеть.

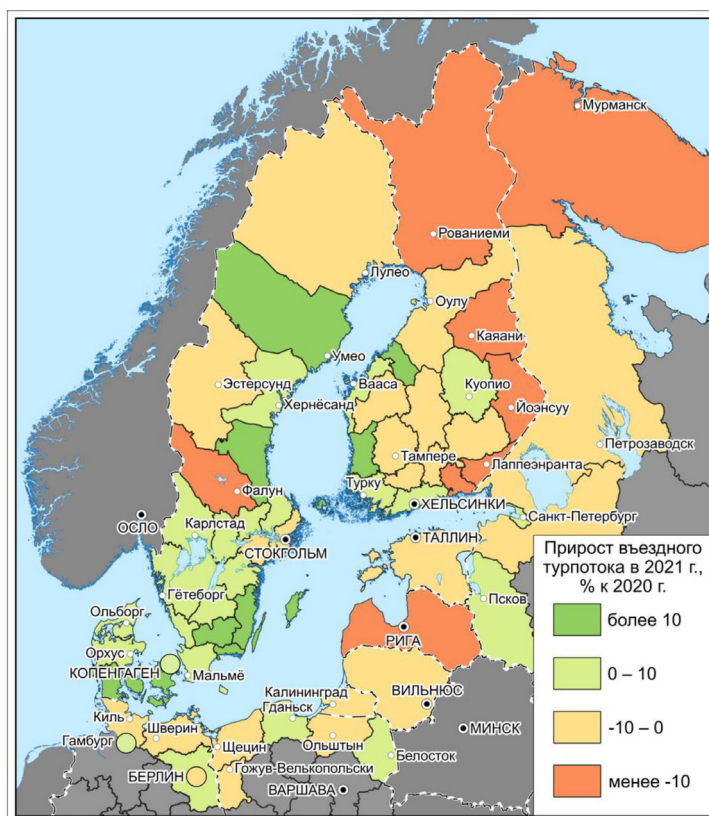

Рис. 1. Прирост въездного турпотока в 2021 г. по отношению к 2020 г., % (составлено И. А. Ивановым)

Наихудшие показатели динамики характерны для двух групп территориальных единиц. В первую входят страны и регионы, которые в допандемийный период были наиболее зависимы от российского турпотока: Латвия и финские регионы Кайнуу, Кюменлааксо, Южная и Северная Карелия. Во вторую группу входят регионы, в которых значительная часть прибытий приходится на зимний период. Во всех этих регионах находятся крупные горнолыжные комплексы. Это финская Лапландия, шведская Даларна и российская Мурманская область. Во-первых, это объясняется тем, что в 2020 г. с января по март въездные турпотоки сохранялись на прежнем уровне (но в марте уже началось сокращение), а в 2021 г. на этот период пришелся зимний локдаун, в связи с которым въездной туризм был практически невозможен. В остальное время года из-за действовавших ограничений не удалось достичь даже уровня трех месяцев начала 2020 г. Во-вторых, сокращение международного авиасообщения (основного способа доставки иностранных туристов в горнолыжные регионы) является дополнительным негативным фактором, влияющим на динамику прибытий.

Наилучшие показатели динамики продемонстрировали регионы Ботнического залива: положительная динамика наблюдается во всех финских регионах, кроме Северной Остроботнии, и во всех шведских, кроме Норрботтена. Однако большинство приботнических регионов имеют достаточно низкий объем въездного турпотока, поэтому прирост в абсолютных значениях был незначительным.

Также положительная динамика наблюдается в регионах Южной Швеции и Дании, в которых большая часть прибытий приходится на Германию. Примечательно, что в Любушском и Западно-Поморском воеводствах Польши, где туристы из Германии также имеют подавляющее большинство в структуре прибытий, такого роста не произошло — скорее всего, эти различия связаны с тем, что летом 2020 г. в Польше действовали менее строгие антикоронавирусные ограничения, чем в Дании и Швеции (согласно рассчитываемому Оксфордским университетом индексу строгости¹²). В 2021 г. различия в строгости ограничений между этими странами были не столь ощутимы, однако в сравнении с 2020 г. менее строгие ограничения в Дании и Швеции привели к заметному росту въездного турпотока (в первую очередь из Германии).

Из российских регионов положительная динамика въездного турпотока наблюдалась только в Псковской области, однако прирост в абсолютных значениях был небольшим (9 тыс. прибытий в 2021 г. против 8 тыс. в 2020 г.).

Во время пандемии COVID-19 большее значение приобрел внутренний туризм. На рисунке 2 отражен прирост внутреннего турпотока в 2021 г. по отношению к 2020 г. Контрасты в динамике внутреннего турпотока более заметны. Сокращение внутреннего турпотока наблюдалось в двух федеральных землях Германии (Бранденбург и Мекленбург-Передняя Померания) и в большинстве регионов Швеции.

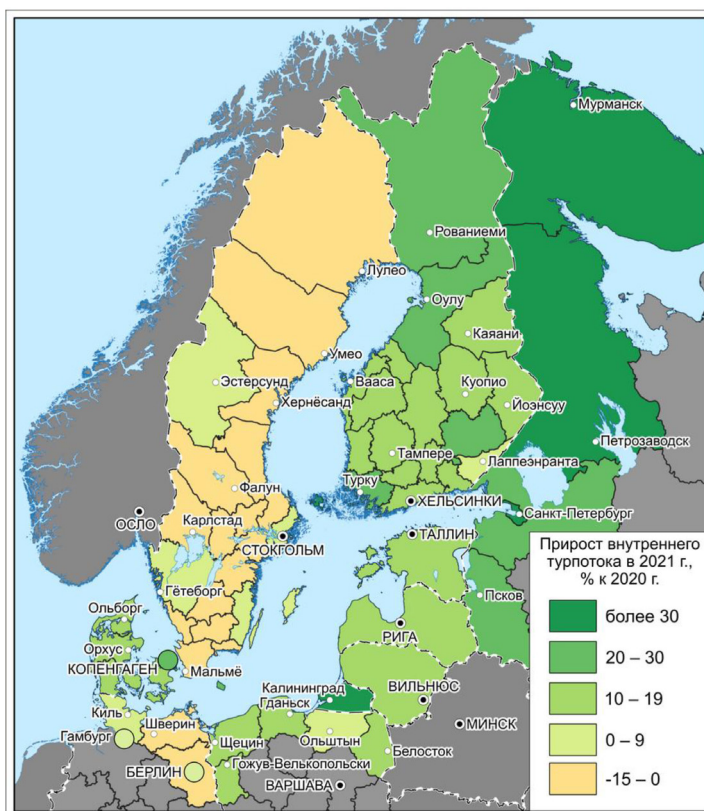

Рис. 2. Прирост внутреннего турпотока в 2021 г. по отношению к 2020 г., % (составлено И. А. Ивановым)

¹² COVID-19 Government Response Tracker, 2022, *Blavatnik school of government*, URL: <https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/covid-19-government-response-tracker> (дата обращения: 20.07.2022).

Наиболее высокие значения прироста характеризовали приграничные регионы Северо-Западного федерального округа России (скорее всего, из-за невозможности для многих россиян выезда в европейские страны). Для Калининградской области, где имеются приморские курорты, дополнительным положительным фактором стала погода летом 2021 г. — на черноморских курортах она была дождливой. Во всех финских регионах в 2021 г. произошел рост внутреннего турпотока более чем на 10 % по сравнению с 2020 г., лишь в Южной Карелии прирост составил менее 10 %. В странах Балтии, Дании и большинстве воеводств Польши прирост также составил более 10 %, исключением является Варминско-Мазурское воеводство.

Почти во всех регионах, испытавших наибольшее падение въездного турпотока в 2021 г., рост внутреннего турпотока был небольшим или даже наблюдалось его падение. Это относится и к финским регионам вдоль границы с Россией, и к Латвии, и к региону Даларна в Швеции. Исключение составила финская Лапландия, где прирост внутреннего турпотока составил 30 %.

На рисунке 3 показан рассчитанный авторами индекс замещения въездного туристского потока внутренним турпотоком в июле — сентябре 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.

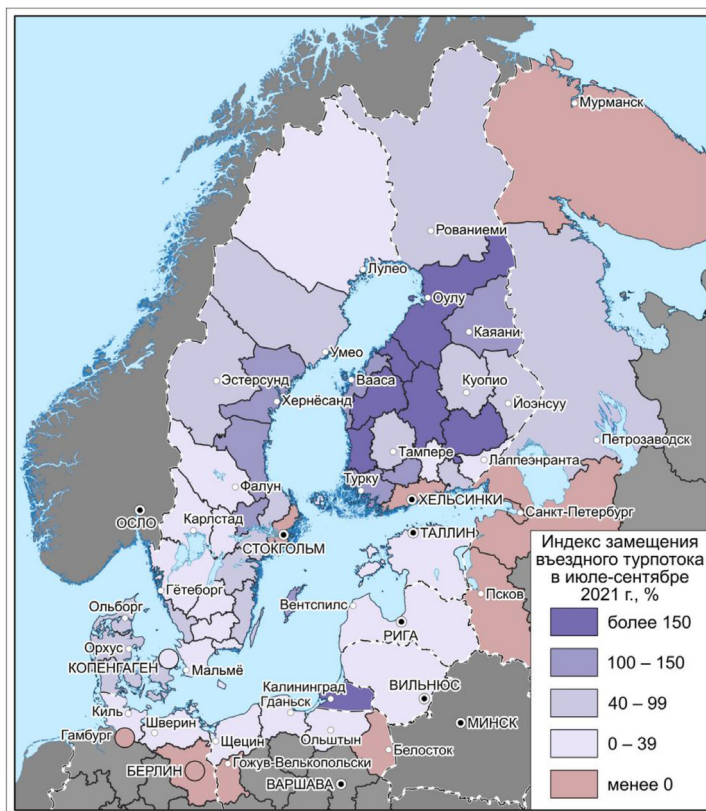

Рис. 3. Индекс замещения въездного турпотока в июле — сентябре 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. (составлено И. А. Ивановым)

В случае если показатель превышает 100 %, можно говорить не просто о замещении, а даже о росте суммарного турпотока в июле — сентябре 2021 г. по сравнению с 2019 г. Это произошло в большинстве регионов Финляндии (кроме некоторых

пограничных с Россией) и в ряде прибрежных регионов Швеции, а также в Калининградской области России. В странах Балтии и в целом в регионах на южном побережье Балтийского моря степень замещения была достаточно низкой. Особо нужно отметить регионы, где не произошло даже частичного замещения въездного турпотока внутренним. В первую очередь это столичные регионы стран Балтийского региона, а также Санкт-Петербург, земли Гамбург и Бранденбург в Германии, в допандемийный период принимавшие на себя основной поток иностранных туристов. В эту же группу регионов входят Мурманская, Ленинградская и Псковская области России, а также два польских воеводства, где рост внутреннего турпотока в 2021 г. так и не смог компенсировать падение первого года пандемии.

В 2021 г. произошли заметные изменения в структуре въездного турпотока. На рисунке 4 показано изменение доли прибытий из восьми стран Балтийского региона в 2021 г. по отношению к 2019 г. Внутренний турпоток своей страны исключен, Россия также не учтена из-за закрытых Евросоюзом границ. В отличие от предыдущих двух обзоров динамики турпотока в данном случае базисным выбран 2019 г., поскольку следующий год в плане структуры нерепрезентативен: в январе — марте 2020 г. сохранялась прежняя структура прибытий, а летом 2020 г. она в большинстве регионов резко изменилась. В 2021 г. наблюдалась уже более стабильная структура прибытий туристов.

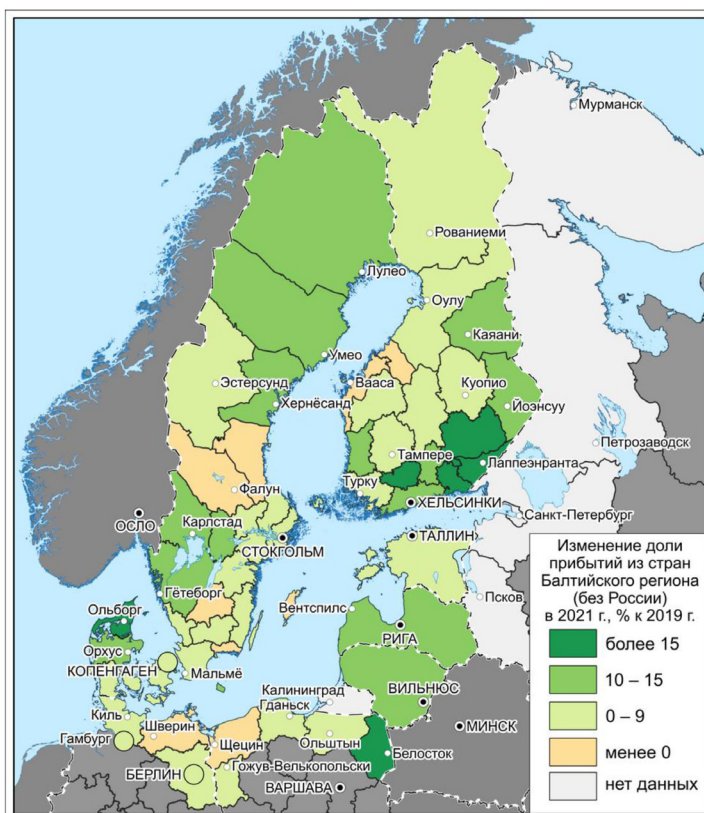

Рис. 4. Изменение доли прибытий из стран Балтийского региона (без России) в 2021 г. по отношению к 2019 г. (составлено И. А. Ивановым)

В большинстве рассмотренных территориальных единиц в структуре въездного турпотока произошел рост доли прибытий из стран Балтийского региона, что вме-

сте с тем отражает сократившуюся среднюю дальность поездок туристов. Нужно отметить, что при обвальном сокращении объема въездного турпотока увеличение данного показателя происходило не за счет роста турпотока, а за счет меньшего его сокращения.

Наибольший рост показателя произошел в некоторых регионах юга Финляндии (Кянта-Хяме, Кюменлааксо, Южная Карелия и Южное Саво) и Подляшском воеводстве Польши, чуть меньший — в Латвии и Литве (вследствие резкого сокращения числа туристов из России и Республики Беларусь). Также рост доли прибытий из стран Балтийского региона произошел в граничащих с Норвегией ленах Швеции (за счет сокращения числа прибытий из Норвегии). В некоторых регионах наблюдается снижение удельного веса прибытий из стран Балтийского региона, что является следствием значительного сокращения доли страны-лидера в регионе. Для юга Швеции и запада Польши такой страной-лидером является Германия, а для Мекленбурга-Передней Померании — Швеция (фактическим лидером по числу прибытий в этой федеральной земле Германии стали расположенные за пределами Балтийского региона Нидерланды).

Выводы

В ходе исследования были выявлены региональные особенности изменения объема въездного турпотока в 2021 г. по сравнению с 2020 г. Территориальные единицы Балтийского региона с наибольшим падением объема турпотока были разделены на две группы. В первую входят страны и регионы, которые в допандемийный период были наиболее зависимы от турпотока из России. Во вторую — регионы, в которых значительная часть прибытий приходится на зимний период, а зимой 2021 г. был объявлен локдаун, в связи с которым въездной туризм стал практически невозможен.

Наибольший прирост въездного турпотока в 2021 г. по сравнению с 2020 г. наблюдался в регионах Ботнического залива, что объясняется изначально небольшим объемом въездного турпотока в них. Кроме того, положительную динамику продемонстрировали регионы Южной Швеции и Дании, в которых большая часть прибытий приходится на Германию.

Во время пандемии COVID-19 в большинстве стран Балтийского региона наблюдался рост внутреннего туризма. Наиболее значительное увеличение внутреннего турпотока в 2021 г. по сравнению с 2020 г. произошло в приграничных регионах России, а также заметный рост — в Финляндии и странах Балтии. Сокращение внутреннего турпотока наблюдалось в большинстве регионов Швеции и двух федеральных землях Германии (Бранденбург и Мекленбург-Передняя Померания).

Рост внутреннего турпотока в большинстве регионов смог частично или даже полностью компенсировать падение въездного турпотока. Исключение составили столичные регионы, а также еще несколько регионов России, Польши и Германии, где внутренний турпоток в 2021 г. так и не смог преодолеть уровень 2019 г. Это показал рассчитанный нами индекс замещения въездного турпотока внутренним в июле — сентябре 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.

В 2021 г. произошли заметные изменения в структуре въездного туристского потока. В структуре турпотока обозначился рост удельного веса прибытий туристов из стран Балтийского региона. Наибольшее увеличение данного показателя произошло в некоторых регионах юга Финляндии, чуть меньшее — в Латвии и Литве (по причине резкого сокращения числа туристов из России и Республики Беларусь). Лишь в нескольких регионах (на юге Швеции, западе Польши, севере Германии) наблюдалось уменьшение этого показателя, что связано с сокращением в структуре въездного турпотока доли стран-соседей, традиционно являвшихся главными поставщиками туристов.

Список литературы

1. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М., Корнеевец, В. С. 2008, *Россия на Балтике: 1990—2007 годы*, Калининград, Изд-во РГУ им. И. Канта, 224 с.
2. Акбулаев, Н. Н., Мамедов, И. М., Алиев, В. З. 2020, Влияние COVID-19 на индустрию туризма (Испания, Италия и Турция), *Научные труды Вольного экономического общества России*, т. 223, № 3, с. 380—390.
3. Буторов, С. А. 2020, Пандемия COVID-19 и ее влияние на мировую туристическую индустрию, *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, № 2 (94), с. 116—125, <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-10212>.
4. Донских, И. С. 2021, Фактор влияния пандемии COVID-19 на мировой туризм, *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*, № 11, с. 23—28, <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2021.11.10>.
5. Симонян, Г. А., Сарян, А. А. 2020, О влиянии пандемии коронавируса на туризм, *Современная научная мысль*, № 2, с. 158—164.
6. Теличева, Е. Г., Чернов, В. А. 2020, Устойчивое развитие туризма: контент-обзор конъюнктуры туристского рынка в период пандемии, *Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке*, т. 2, с. 136—140.
7. Sigala, M. 2020, Tourism and COVID-19: Impacts and implications for advancing and re-setting industry and research, *Journal of Business Research*, vol. 117, p. 312—321, <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.06.015>.
8. Volkmann, C., Tokarski, K. O., Dincă, V.M, Bogdan, A. 2021, The Impact of COVID-19 on Romanian Tourism. An Explorative Case Study on Prahova County, Romania, *Amfiteatru Economic*, vol. 23, № 56, p. 196—205, <https://doi.org/10.24818/EA/2021/56/196>.
9. Кротенко, И. 2021, Проблемы туризма в условиях коронавируса, *Vector European: Revista Științifico-Practică*, № 1, с. 110—115, <https://doi.org/10.52507/2345-1106.2021-1.22>.
10. Ivanov, I. A., Golomidova, E. S., Terenina, N. K. 2021, Influence of the COVID-19 Pandemic on the Change in Volume and Spatial Structure of the Tourist Flow in Finland and Estonia in 2020, *Regional Research of Russia*, vol. 11, № 3, p. 361—366, <https://doi.org/10.1134/S2079970521030059>.
11. Манаков, А. Г. (ред.). 2022, *Виды туризма и география турпотоков в зеркале пандемии COVID-19*, Псков, Псковский государственный университет, 214 с.
12. Liu, A., Vici, L., Ramos, V., Giannoni, S., Blake, A. 2021, Visitor arrivals forecasts amid COVID-19: A perspective from the Europe team, *Annals of Tourism Research*, № 88, 103182, <https://doi.org/10.1016/j.annals.2021.103182>.
13. Korinth, B., Wendt, J. A. 2021, The impact of COVID-19 pandemic on foreign tourism in European countries, *Prace Komisji Geografii Przemysłu Polskiego Towarzystwa Geograficznego*, vol. 35, № 3, p. 186—204, <https://doi.org/10.24917/20801653.353.11>.
14. Полухина, А. Н. 2022, Анализ современного состояния внутреннего туризма в регионах России в период пандемии (по итогам исследования 2022 г.), *Инновационное развитие экономики*, № 1—2 (67—68), с. 175—181, <https://doi.org/10.51832/2223798420221-2175>.
15. Panzer-Krause, S. 2022, Rural Tourism in and after the COVID-19 Era: “Revenge Travel” or Chance for a Degrowth-Oriented Restart? Cases from Ireland and Germany, *Tourism and Hospitality*, vol. 3, № 2, p. 399—415, <https://doi.org/10.3390/tourhosp3020026>.
16. Reitano, A., Fazio, M., Schirripa Spagnolo, F., Karanasios, N. 2021, COVID-19 Impact on the Tourism Industry: Short Holidays within National Borders, *Symphony Emerging Issues in Management*, № 2, p. 85—98, <https://doi.org/10.4468/2021.2.08reitano.fazio.schirripa.karanasios>.
17. Altuntas, F., Gok, M. S. 2021, The effect of COVID-19 pandemic on domestic tourism: A DEMATEL method analysis on quarantine decisions, *International Journal of Hospitality Management*, vol. 92, 102719, <https://doi.org/10.1016%2Fj.ijhm.2020.102719>.
18. Binbaşıoğlu, H. 2022, A shift in attitudes and priorities of Turkish domestic tourists as a result of the COVID-19 pandemic, *Studia Periegetica*, vol. 31, № 1, p. 87—106, <https://doi.org/10.5604/01.3001.0015.8580>.
19. Gurung, K. 2021, The outbreak of COVID-19 and its impact in South Korea’s Tourism: A hope in Domestic Tourism, *Journal of Applied Sciences in Travel and Hospitality*, vol. 4, № 1, p. 1—8, <https://doi.org/10.31940/jasth.v4i1.2332>.
20. Hussain, A., Fusté-Forné, F. 2021, Post-Pandemic Recovery: A Case of Domestic Tourism in Akaroa (South Island, New Zealand), *World*, vol. 2, № 1, p. 127—138, <https://doi.org/10.3390/world2010009>.

21. Kupi, M., Szemerédi, E. 2021, Impact of the COVID-19 on the Destination Choices of Hungarian Tourists: A Comparative Analysis, *Sustainability*, vol. 13, № 24, p. 13785, <https://doi.org/10.3390/su132413785>.
22. Sung, Y.-A., Kim, K.-W., Kwon, H.-J. 2021, Big Data Analysis of Korean Travelers' Behavior in the Post-COVID-19 Era, *Sustainability*, vol. 13, № 1, p. 310, <https://doi.org/10.3390/su13010310>.
23. Дементьев, В. С., Баженова, Т. С. 2022, Динамика туристского потока в регионах Северо-Западного федерального округа в условиях COVID-19, *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки*, т. 15, № 1, с. 3—11.
24. Кондратьева, С. В. 2022, Развитие туризма в регионах Европейского Севера, *Арктика и Север*, № 47, с. 164—187, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.47.164>.
25. Иванова, Л. А., Крыстев, В. К. 2022, Динамика и география въездного туристского потока в Ирландию, *Псковский регионологический журнал*, т. 18, № 2, с. 108—125, <https://doi.org/10.37490/S221979310020086-7>.
26. Иванова, Л. А. 2021, Динамика и география международного туристского обмена Великобритании в первые два десятилетия XXI в., *Псковский регионологический журнал*, № 1 (45), с. 92—109, <https://doi.org/10.37490/S221979310013368-7>.
27. Иванов, И. А., Михайлов, Б. С. 2020, Структура и география распределения въездного туристского потока в Норвегии, *Псковский регионологический журнал*, № 4 (44), с. 107—118, <https://doi.org/10.37490/S221979310011436-2>.
28. Чученкова, О. А. 2019, География потоков международного въездного туризма в Эстонию в 2004—2018 гг., *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки*, № 14, с. 55—66.
29. Manakov, A. G., Krasilnikova, I. N., Ivanov, I. A. 2022, Towards a classification of transboundary tourist and recreation mesoregions in the Baltic region, *Balt. Reg.*, vol. 14, № 1, p. 75—89, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-5>.

Об авторах

Андрей Геннадьевич Манаков, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

Вилиян Крыстев Крыстев, кандидат географических наук, доцент кафедры «Экономика и организация туризма», Экономический университет Варны, Болгария.

E-mail: vilianbg@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5456-247X>

Ирина Николаевна Красильникова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: mulia777@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0351-0327>

Иван Андреевич Иванов, аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: ii60@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>

CHANGES IN THE STRUCTURE AND GEOGRAPHY OF TOURIST FLOWS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

A. G. Manakov¹

V. K. Krastev²

I. N. Krasilnikova¹

I. A. Ivanov¹

¹Pskov State University
2 Lenina pl., Pskov, 180000, Russia
²University of Economics – Varna
77 Bul. Knyaz Boris I, Varna, 9002, Bulgaria

Received 16 August 2022
Accepted 05 December 2022
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-8
© Manakov, A. G., Krastev, V. K., Krasilnikova, I. N., Ivanov, I. A., 2023

Tourism suffered more than many other sectors amid COVID-19 travel restrictions. This article looks at the impact of the pandemic on the territorial redistribution of tourist flows in the Baltic region. The study draws on regional annual and monthly data on international and domestic tourist arrivals between 2019 and 2021, available on the websites of the statistical offices of the Baltic Region countries. The regions earlier dependent on tourist arrivals from Russia experienced the largest drop in inbound tourism during the COVID-19 pandemic. Yet, domestic tourism burgeoned in most of the region's countries. In 2021, the most dramatic increase in domestic arrivals occurred, year on year, in the border regions of Russia's Northwest Federal District; the growth was also notable in Finland and the Baltic States. Domestic tourist flow compensated, partially or even fully, for the decrease in inbound tourist traffic in most regions. The structure of inbound tourism changed markedly during the pandemic, with the share of tourists from the Baltic States growing. The strongest rise was in some regions of southern Finland and more modest in Latvia and Lithuania.

Keywords:

COVID-19, domestic tourism, tourist traffic, tourist traffic structure, inbound tourist flow substitution

References

1. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M., Korneevets, V. S. 2008, *Rossiia na Baltike: 1990—2007 gody`* [Russia in the Baltic: 1990—2007]. Kaliningrad, 224 p. (in Russ.).
2. Akbulaev, N. N., Mammadov, I. M., Alyev, V. Z. 2020, The effect of the COVID-19 pandemic on tourism (Spain, Italy and Turkey), *Nauchny'e trudy` Vol'nogo e'konomicheskogo obshhestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], vol. 223, № 3, p. 380—390 (in Russ.).
3. Butorov, S. A. 2020, COVID-19 pandemic and its impact on the global tourism industry, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury` i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], № 2 (94), p. 116—125 (in Russ.).
4. Danskikh, I. S. 2021, Factor of the influence of the COVID-19 pandemic on world tourism, *Modern science: actual problems of theory and practice*, № 11, p. 23—28, doi: 10.37882/2223-2974.2021.11.10 (in Russ.).
5. Simonyan, G. A., Saryan, A. A. 2020, On the Impact of the Coronavirus Pandemic on Tourism, *Modern scientific thought*, № 2, p. 158—164 (in Russ.).

To cite this article: Manakov, A. G., Krastev, V. K., Krasilnikova, I. N., Ivanov, I. A. 2023, Changes in the structure and geography of tourist flows during the COVID-19 pandemic, *Balt. Reg.*, Vol. 15, № 1, p. 139—152.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-8.

6. Telicheva, E. G., Chernov, V. A. 2020, Sustainable development of tourism: content review of the tourism market during the pandemic period, *Scientific, technical and economic cooperation between Asia-Pacific countries in the XXI century*, vol. 2, p. 136—140 (in Russ.).
7. Sigala, M. 2020, Tourism and COVID-19: Impacts and implications for advancing and re-setting industry and research, *Journal of Business Research*, vol. 117, p. 312—321, <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.06.015>.
8. Volkmann, C., Tokarski, K. O., Dincă, V. M., Bogdan, A. 2021, The Impact of COVID-19 on Romanian Tourism. An Explorative Case Study on Prahova County, Romania, *Amfiteatru Economic*, vol. 23, № 56, p. 196—205, <https://doi.org/10.24818/EA/2021/56/196>.
9. Krotenko, I. 2021, Problems of tourism in the conditions of coronavirus, *Vector European: Revistă Științifico-Practică*, № 1, p. 110—115, <https://doi.org/10.52507/2345-1106.2021-1.22> (in Russ.).
10. Ivanov, I. A., Golomidova, E. S., Terenina, N. K. 2021, Influence of the COVID-19 Pandemic on the Change in Volume and Spatial Structure of the Tourist Flow in Finland and Estonia in 2020, *Regional Research of Russia*, vol. 11, № 3, p. 361—366, <https://doi.org/10.1134/S2079970521030059>.
11. Manakov, A. G. (ed.). 2022, *Vidy` turizma i geografija turpotokov v zerkale pandemii COVID-19* [Types of tourism and geography of tourist flows in the mirror of the COVID-19 pandemic], Pskov, Pskov State University, 214 p. (in Russ.).
12. Liu, A., Vici, L., Ramos, V., Giannoni, S., Blake, A. 2021, Visitor arrivals forecasts amid COVID-19: A perspective from the Europe team, *Annals of Tourism Research*, № 88, 103182, <https://doi.org/10.1016/j.annals.2021.103182>.
13. Korinth, B., Wendt, J. A. 2021, The impact of COVID-19 pandemic on foreign tourism in European countries, *Prace Komisji Geografii Przemysłu Polskiego Towarzystwa Geograficznego*, vol. 35, № 3, p. 186—204, <https://doi.org/10.24917/20801653.353.11>.
14. Polukhina, A. N. 2022, Analysis of the current state of domestic tourism in the regions of Russia during the pandemic period (based on the results of the 2022 research), *Innovative development of economy*, № 1—2 (67—68), p. 175—181, <https://doi.org/10.51832/2223798420221-2175>.
15. Panzer-Krause, S. 2022, Rural Tourism in and after the COVID-19 Era: “Revenge Travel” or Chance for a Degrowth-Oriented Restart? Cases from Ireland and Germany, *Tourism and Hospitality*, vol. 3, № 2, p. 399—415, <https://doi.org/10.3390/tourhosp3020026>.
16. Reitano, A., Fazio, M., Schirripa Spagnolo, F., Karanasios, N. 2021, COVID-19 Impact on the Tourism Industry: Short Holidays within National Borders, *Symphony Emerging Issues in Management*, № 2, p. 85—98, <https://doi.org/10.4468/2021.2.08reitano.fazio.schirripa.karanasios>.
17. Altuntas, F., Gok, M. S. 2021, The effect of COVID-19 pandemic on domestic tourism: A DEMATEL method analysis on quarantine decisions, *International Journal of Hospitality Management*, vol. 92, 102719, <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2020.102719>.
18. Binbaşıoğlu, H. 2022, A shift in attitudes and priorities of Turkish domestic tourists as a result of the COVID-19 pandemic, *Studia Periegetica*, vol. 31, № 1, p. 87—106, <https://doi.org/10.5604/01.3001.0015.8580>.
19. Gurung, K. 2021, The outbreak of COVID-19 and its impact in South Korea’s Tourism: A hope in Domestic Tourism, *Journal of Applied Sciences in Travel and Hospitality*, vol. 4, № 1, p. 1—8, <https://doi.org/10.31940/jasth.v4i1.2332>.
20. Hussain, A., Fusté-Forné, F. 2021, Post-Pandemic Recovery: A Case of Domestic Tourism in Akaroa (South Island, New Zealand), *World*, vol. 2, № 1, p. 127—138, <https://doi.org/10.3390/world2010009>.
21. Kupi, M., Szemerédi, E. 2021, Impact of the COVID-19 on the Destination Choices of Hungarian Tourists: A Comparative Analysis, *Sustainability*, vol. 13, № 24, p. 13785, <https://doi.org/10.3390/su132413785>.
22. Sung, Y.-A., Kim, K.-W., Kwon, H.-J. 2021, Big Data Analysis of Korean Travelers’ Behavior in the Post-COVID-19 Era, *Sustainability*, vol. 13, № 1, p. 310, <https://doi.org/10.3390/su13010310>.
23. Dementiev, V. S., Bazhenova, T. S. 2022, The dynamics of the tourist flow in the regions of the North-Western Federal District in the context of COVID-19, *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvenny`e i fiziko-matematicheskie nauki* [Bulletin of the Pskov State University. Series: Natural and physical and mathematical sciences], vol. 15, № 1, p. 3—11 (in Russ.).

24. Kondratyeva, S. V. 2022, Tourism Development in the Regions of the European North. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, № 47, p. 164—187, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.47.164> (in Russ.).

25. Ivanova, L. A., Krastev, V. K. 2022, Dynamics and geography of the inbound tourist flow to Ireland, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 18, № 2, p. 108—125, <https://doi.org/10.37490/S221979310020086-7> (in Russ.).

26. Ivanova, L. A. 2021, Dynamics and geography of the international tourist exchange of the UK in the first two decades of the 21st century, *Pskov Journal of Regional Studies*, № 1 (45), p. 92—109, <https://doi.org/10.37490/S221979310013368-7> (in Russ.).

27. Ivanov, I. A., Mikhailov, B. S. 2020, Structure and geography of the distribution of the inbound tourist flow in Norway, *Pskov Journal of Regional Studies*, № 4 (44), p. 107—118, <https://doi.org/10.37490/S221979310011436-2> (in Russ.).

28. Chuchenkova, O. A. 2019, Geography of international inbound tourism flows in Estonia in 2004—2018, *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvenny`e i fiziko-matematicheskie nauki [Bulletin of the Pskov State University. Series: Natural and physical and mathematical sciences]*, № 14, p. 55—66 (in Russ.).

29. Manakov, A. G., Krasilnikova, I. N., Ivanov, I. A. 2022, Towards a classification of trans-boundary tourist and recreation mesoregions in the Baltic region, *Balt. Reg.*, vol. 14, № 1, p. 75—89, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-5>.

The authors

Prof Andrei G. Manakov, Pskov State University, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

Dr Viliyan K. Krastev, University of Economics — Varna, Bulgaria.

E-mail: vilianbg@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5456-247X>

Dr Irina N. Krasilnikova, Pskov State University, Russia.

E-mail: mulia777@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0351-0327>

Ivan A. Ivanov, PhD student, Pskov State University, Russia.

E-mail: ii60@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Я. А. Ворожеина¹

А. П. Клемешев¹

Н. А. Комлева²

А. Г. Дружинин^{3,4}

В. К. Белозеров⁵

Г. М. Федоров¹

К. Ю. Волошенко¹

¹Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

²Академия геополитических проблем, 121108, Россия, Москва, ул. Герасима Курина, 10, корп. 2

³Южный федеральный университет, 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

⁴Институт географии Российской академии наук, 119017, Россия, Москва, Старомонетный переулочек, 29, стр. 4

⁵Московский государственный лингвистический университет, 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1

Поступила в редакцию 12.11.2022 г.

Принята к публикации 11.01.2023 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-9

© Ворожеина Я. А., Клемешев А. П., Комлева Н. А., Дружинин А. Г., Белозеров В. К., Федоров Г. М., Волошенко К. Ю., 2023

Обзорная статья подготовлена по итогам рабочего семинара «Геополитическая безопасность России: к постановке проблемы», состоявшегося в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Калининград) 26 августа 2022 г. В материале приводятся основные тезисы научного обсуждения. В ходе семинара была озвучена инициатива Института геополитических и региональных исследований БФУ им. И. Канта о создании системы мониторинга геополитической (региональной) безопасности России. Дискуссия касалась общих проблем разработки концептуальной модели геополитической безопасности как необходимого условия для создания этой системы. Были даны авторские определения понятия геополитической безопасности, очерчены общие рамки понимания геополитического пространства, выделены некоторые геополитические угрозы и уязвимости. Рассмотрены теоретические подходы, применимые к мониторингу состояния геополитической безопасности России. Отмечено, что наиболее перспективным направлением, позволяющим отслеживать динамику геополитических угроз, может стать конструктивистский подход, ориентированный в первую очередь на дискурсивные практики. Предложено также фокусировать внимание на региональной проблематике, на ситуации в конкретных регионах страны. В качестве перспективной задачи выделена операционализация соответствующих понятий, создание системы индикаторов геополитических угроз и уязвимостей, с которыми сталкивалась и может столкнуться Россия.

Ключевые слова:

геополитическая безопасность, геополитическое пространство, геополитические угрозы, геополитические уязвимости, мониторинг геополитической ситуации

Для цитирования: Ворожеина Я. А., Клемешев А. П., Комлева Н. А., Дружинин А. Г., Белозеров В. К., Федоров Г. М., Волошенко К. Ю. Геополитическая безопасность России: к постановке проблемы // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 1. С. 153–169. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-9.

Предисловие

Я. А. Ворожеина. Сегодня в условиях международно-политической напряженности, достигшей наивысшего уровня со времен окончания холодной войны, ни у кого не вызывает сомнения актуальность вопросов национальной и международной безопасности, но мы полагаем, что в текущей ситуации крайне важно выделить прежде всего геополитический контур безопасности. Над этой проблематикой сейчас активно работает Институт геополитических и региональных исследований БФУ им. И. Канта (ИГРИ БФУ им. И. Канта). В настоящее время нами инициирован проект, посвященный разработке системы мониторинга состояния геополитической безопасности России («Уравнение безопасности»). Данный проект будет реализовываться в несколько крупных этапов. Первый этап предполагает построение концептуальной модели геополитической безопасности России. В ходе этой работы был проведен семинар, на котором обсуждались вопросы, связанные с пониманием самой геополитической безопасности, геополитического пространства, угроз и уязвимостей геополитического характера. Участие в этой дискуссии приняли д-р полит. наук, проф. А. П. Клемешев (президент БФУ им. И. Канта, научный руководитель ИГРИ БФУ им. И. Канта); д-р геогр. наук, проф. Г. М. Федоров (директор центра геополитических исследований Балтийского региона ИГРИ БФУ им. И. Канта); д-р полит. наук, проф. Н. А. Комлева (директор центра геополитического анализа Академии геополитических проблем); д-р геогр. наук, проф. А. Г. Дружинин (директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ, ведущий научный сотрудник Института географии РАН); канд. экон. наук К. Ю. Волошенко (директор центра социально-экономических исследований региона БФУ им. И. Канта); д-р полит. наук, проф. В. К. Белозеров (заведующий кафедрой политологии МГЛУ, член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации). Ниже мы приводим основные тезисы прозвучавших выступлений.

Геополитическая безопасность и геополитическое пространство

А. П. Клемешев. Актуальность вопросов национальной безопасности России не требует особого пояснения. Но постановка проблемы мониторинга геополитической безопасности страны должна иметь серьезные обоснования на теоретическом, методическом и техническом уровнях.

Мы рассматриваем геополитическую безопасность страны в качестве особого контура национальной безопасности. Основанием для выделения такого контура является наличие особого вида угроз, отличающихся по своему характеру и локации. И эти угрозы находятся в геополитическом пространстве России.

Под геополитическим пространством мы будем понимать особый вид социального пространства, создающийся в ходе борьбы между ведущими державами за тот или иной геополитический институциональный порядок, утверждающий свои нормы и практики, субъектом которых обычно выступает держава-гегемон. Это геополитическое пространство имеет свои уровни (глобальный, региональный, локальный) и сферы (политическую, идеологическую, военную и экономическую).

В условиях холодной войны глобальное геополитическое пространство формировалось не просто противоборством двух сверхдержав, а противоборством двух противоположных идейно-политических и социально-экономических систем.

С разрушением Советского Союза в геополитическом пространстве осталась одна сверхдержава с претензией на мировую гегемонию. Российская Федерация сохранила за собой статус великой державы, так как в институциональном плане выступает в качестве правопреемника Советского Союза, являясь, например, членом Совета безопасности ООН, а также обладает соответствующим арсеналом ядерного оружия. Но эти преимущества дают возможность действовать на глобальном уровне в очень узком «коридоре свободы». Экономический и социокультурный потенциал, а также отчасти и военный потенциал России ориентирует ее на активные действия в своем историческом геополитическом регионе, прежде всего в рамках постсоветского пространства. Именно здесь новая Россия формулировала свои интеграционные инициативы, включая инициативы, связанные с региональной безопасностью.

Надо сказать, что после завершения холодной войны в условиях формирующегося однополярного мира сами западные эксперты стали активно подчеркивать роль регионального уровня геополитической безопасности, в частности формирования региональных комплексов безопасности [1].

Проблема же заключается в том, что Соединенные Штаты после холодной войны стали исходить из идеологии транснационального либерализма, глобального распространения универсальных правил западных рынков и демократий. При этом любые шаги Российской Федерации, направленные на интеграционные процессы на постсоветском пространстве, объявлялись Соединенными Штатами очередной попыткой восстановления Советской империи. В основу своей стратегии в отношении России США и их союзники положили принцип постоянного расширения, используя для этого механизмы НАТО и ЕС. В результате историческое геополитическое окружение России, включая в первую очередь постсоветское пространство, превратилось в некое векторное поле, где идет противоборство во всех сферах геополитической безопасности. В каждом из этих секторов, в каждой из стран этого пространства та или иная геополитическая угроза проявляется прежде всего в виде вектора негативной направленности по отношению к России. США и их союзники стремятся к тому, чтобы в любой отдельно взятой стране российского геополитического пространства векторы всех сфер безопасности приобрели общую негативную направленность в отношении к России. Таким образом, идет борьба за изменение векторного геополитического пространства России, которая начиналась (и продолжается) с переписывания истории, с реформатирования как сознания элит, так и массового сознания, а завершается цветными революциями и прокси-войнами. И мы исходим из того, что сегодня остро стоит вопрос о таком мониторинге геополитических угроз, который позволял бы выявить их в тех начальных точках, когда можно их купировать с наименьшими рисками и ущербом. Нынешние события на Украине являются самым убедительным подтверждением необходимости такого рода разработок.

Н. А. Комлева. С моей точки зрения, необходимо четко определить, что феномены и понятия национальной и геополитической безопасности различаются. В тексте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹ национальная безопасность определяется как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целост-

¹ Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400.

ности, социально-экономическое развитие страны»². Иначе говоря, национальная безопасность — это состояние защищенности интересов личности, государства и общества — именно такая иерархия интересов закреплена в Конституции Российской Федерации.

Анализу сущности феномена национальной безопасности посвящена обширная научная литература. При этом феномен безопасности геополитической не получил должного исследовательского внимания. Работ, в которых целенаправленно рассмотрена геополитическая безопасность как отдельный специфический феномен, практически нет. Единственным исключением является статья И.Л. Морозова «Геополитическая безопасность современной России» [4], но определения понятия, вынесенного в заглавие, в тексте статьи нет. Имеются труды авторов, тесно связывающих национальную и геополитическую безопасность, например работы А.М. Зимичева [5], А.И. Зубкова [6], В.В. Москвитина [7] и др. Однако, как правило, определения феномена геополитической безопасности авторы или не дают вовсе, или оно звучит следующим образом: «Геополитическая безопасность — это состояние защищенности геополитических интересов страны» [5].

Поэтому выявление сущности и специфики феномена геополитической безопасности представляет собой актуальную исследовательскую задачу. На мой взгляд, геополитическая безопасность как феномен — это *состояние защищенности геополитического пространства социума от угроз и уязвимостей для обеспечения беспрепятственного выживания и развития данного социума*. При этом я исхожу из того, что геополитическое пространство имеет четыре основные формы существования: географическое (основной актор — государство), экономическое (основной актор — корпорации, производящие товары и услуги), информационно-идеологическое (основной актор — СМИ, представители науки, искусства, литературы, преподаватели и управленческий состав системы образования), информационно-кибернетическое (основной актор — разработчики программного обеспечения и компьютерных сетей).

Структура каждой формы существования геополитического пространства состоит из трех основных элементов: 1) акторы, 2) ресурсы, 3) технологии борьбы за ресурсы.

Ресурсы определяются нами как средства выживания и развития человеческих сообществ, в данном качестве представляющие собой главную опору и главный объект геополитической борьбы.

В данном случае под ресурсами понимается следующее:

- сырье (ресурс собственно природный);
- народонаселение в совокупности его количественных и качественных характеристик (природно-социальный ресурс);
- экономическая система общества в совокупности доминирующей формы собственности и основного способа управления производством товаров и услуг (экономический ресурс);
- технологии и технические средства обработки массового и индивидуального сознания с целью формирования системы ценностей, предопределяющей социальное поведение;
- программный продукт, информационно-кибернетические технологии (информационный ресурс).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400, 2021, *Президент России*, URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 10.10.2022). Об отдельных аспектах национальной безопасности подробнее см.: [2; 3].

Таким образом, *геополитическая безопасность — это один из аспектов национальной безопасности в части обеспечения благоприятного для данного социума хода и исхода борьбы за ресурсы его выживания и развития.*

А. Г. Дружинин. Я считаю, необходимо акцентировать внимание на том, что в проблематике геополитической безопасности предельно значимым является географический (территориальный) аспект. Один из основоположников геополитики К. Хаусхофер определял данную науку именно как «взгляд на пространство с точки зрения государства» [8], а другой видный исследователь географ Ив Лакост понимал как научную дисциплину о «соперничестве сил над территорией» [9]. В целом аналогичные подходы культивируются и в современной России [10—13]. По мнению В. А. Колосова и Н. С. Мироненко [14], геополитика представляет собой предметную область, нацеленную на фиксацию и прогноз пространственных границ силовых полей, а Р. Ф. Туровский видит в качестве ее сущности «географию отношений между центрами политической силы в мире» [15, с. 30]. Имеет место и еще более «географизированный» подход, предполагающий отождествление предмета геополитики с изучением «влияния свойств территории на политику государства, расположенного на этой территории» [16, с. 113]. Весьма часто при этом проблематика геополитики рассматривается во взаимосвязи с вопросами обеспечения безопасности [17; 18]; достаточно пристальное внимание данному направлению исследований уделяется и в современной России [19—21].

С учетом приведенных формулировок феномена геополитики, *геополитическую безопасность можно определить как такое состояние (совокупность факторов, процессов и их следствий), при котором конкретное государство способно устойчиво и эффективно во взаимодействии с иными (подчас конкурентными ему) центрами силы контролировать некую территорию (и обустроить ее, развивать, использовать ее коммуникативные, ресурсные, военно-стратегические и иные возможности), относящуюся к сфере его политических, экономических и гуманитарных интересов.*

В. К. Белозеров. Вопрос о научной проработке проблемы геополитической безопасности России действительно заслуживает пристального внимания исследователей. Геополитическую безопасность России есть смысл понимать, прежде всего исходя из инструментально-прикладных соображений и недавно возникших реалий международной обстановки, как *безопасность ее геополитического пространства.*

Хочу сразу же акцентировать внимание на том, что с высокой долей вероятности при теоретической проработке данной темы и продвижении как концепта с неизбежностью возникнут проблемы и препятствия. На мой взгляд, в политической науке оформились два подхода к теоретическим исследованиям пространства, назову их утилитарным и ценностно-идейным. Причем следует оговорить, что (1) непроницаемой стены между ними нет, (2) оба они находят свое выражение в реальной политике.

Первый подход предполагает фактически отождествление политического пространства с территорией. В данном случае пространство понимается как «реальная протяженность территории, на которую распространяется исторически обусловленная политическая жизнь или политическое влияние» [22, с. 296]. Указание же на обстоятельства исторического толка фактически выступает как признание пределов притязаний политического субъекта на земное, читай — утилитарное, пространство. Примерно на таких же представлениях основывается географическая парадигма политики и выстраивались достаточно долгое время классические геополитические концепции. В подтверждение можно указать на

утверждение известного немецкого военного теоретика генерала Х. фон Секта (1866—1936) о том, что «самой реальной основой политики является родная земля» [23, S. 11].

Хочу обратить внимание и на то, что в настоящее время в нашей стране в течение ряда лет фактически осуществляется концептуализация государственной политики, связанной с обустройством и защитой ее географического пространства. Соответствующие установки обнаруживаются и в главном доктринальном документе страны — Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной президентом летом 2021 г. Характерно, что в действующем законодательстве оборона понимается как вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории³. Вместе с тем такой подход неизбежно влечет за собой ограничения как для восприятия геополитического пространства России, так и для деятельности по обеспечению его безопасности.

В этой связи уместно обратиться к пониманию политического пространства как ценностно-идейного, которое свойственно второму подходу. Речь в данном случае идет о сфере действия политики, ареале влияния политических субъектов, что определяется распространенностью, силой и влиянием их идей, теорий, программ, принятием их социумами [24, с. 301]. Понимание геополитического пространства предполагает особое восприятие его пределов, границ. Геополитические границы далеко не всегда совпадают с государственными. Государственные границы не могут стеснять геополитическое пространство, ареал притязаний субъекта. Отечественный геополитик А. Е. Вандам (1867—1933) в своей работе «Наше положение», вышедшей в 1913 г., дал такую оценку действиям российского внешнеполитического ведомства по установлению границ на востоке страны: «Многие слова, в силу частого их повторения, теряют обыкновенно свой глубокий внутренний смысл. Так, слово “граница” обозначает собою преграду, стеснительную для наступающего и выгодную для обороняющегося. Давным-давно утративший свою агрессивность и перешедший к обороне Китай, замкнувшись со стороны моря и обнеся все свои города высокими каменными валами, в то же время воплотил и идею границы в своей знаменитой великой стене. Так как на своем левом фланге Россия была наступающей стороной, то ясно, насколько ошибочен был почин нашей дипломатии» [25, с. 71—72].

Угрозы и факторы геополитической безопасности

А. П. Клемешев. Мы полагаем, что одним из теоретических направлений, позволяющих отслеживать динамику геополитических угроз, является конструктивистский подход, ориентированный на дискурсивные практики. Примером может быть концепция секьюритизации Бьюзена — Уэвера, в рамках которой хорошо показаны как процесс конструирования угроз, так и их реализация в политическом дискурсе [26].

Н. А. Комлева. Я бы предложила в связи с определением сущности геополитической безопасности современной России троичную схему рассмотрения угроз и уязвимостей.

Основные угрозы:

1. В географическом пространстве: военная агрессия стран НАТО и, шире, стран «коллективного Запада» против нашей страны, выражающаяся в военных

³ См. ст. 1. федерального закона Российской Федерации от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», 1996, *Президент России*, URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9446> (дата обращения: 10.10.2022).

действиях на Украине с использованием западного оружия, западных инструкторов и западных ЧВК, а также возможность расширения военных действий НАТО на территорию Союзного государства России и Белоруссии [27; 28].

2. В экономическом пространстве: санкционная политика, применяемая против России.

3. В идеологическом пространстве: идеологические диверсии в сфере массового сознания с целью изменения системы традиционных ценностей, а также дезинформация в отношении России.

Системная угроза нашей геополитической безопасности, с моей точки зрения, в настоящее время базируется на трех основных уязвимостях российского социума:

1. Важнейшим элементом системы геополитической безопасности является оптимальным образом выстроенная коммуникация между властвующими и подвластными, иначе говоря, между органами власти и управления, с одной стороны, и народонаселением страны — с другой.

2. Деформации политической коммуникации в связке «властвующие — подвластные» способствует и такой фактор, как деградация исполнительской дисциплины в органах власти и управления, а также их ориентация не на практический результат деятельности, а на имитацию такового.

3. Отсутствие моральной цензуры в сфере литературы и искусства, а также в СМИ (включая блогосферу).

В каждом типе угроз и уязвимостей предлагаю выделять:

1) актуальные;

2) потенциальные;

3) преэмптивные (они могут сформироваться, а могут и не сформироваться, но все равно нужно отслеживать эту ситуацию).

А. Г. Дружинин. Полагаю, что современные реалии требуют культивирования предельно широкого и системного взгляда на аспекты и факторы геополитической безопасности, рассматриваемые:

1) в рамках дихотомической оценочной шкалы «опасность — безопасность» (как сочетание неких значимых вызовов и угроз и, одновременно, возможностей, интересов, приоритетов);

2) как совокупность (система) хронологических (последовательно сменяющих друг друга) и пространственных (различающихся «от места к месту», то есть уникальных для конкретных регионов) ситуаций;

3) как сопряженность (и иерархия) глобального (общепланетарные структуры и процессы), макрорегионального (для России это, например, Балтийский регион или Причерноморье) и собственно регионального (Крым, Калининградская область и др.).

Важно при этом осознавать, что в сфере реальной геополитики (в условиях, когда конкуренция между ведущими центрами силы приобретает все более ожесточенный характер [29]) какая-либо устойчивая «безопасность» той или иной страны (даже державы-лидера) возможна исключительно теоретически, что позволяет фокусировать внимание на степени безопасности, а точнее, на степени тех или иных «геополитических опасностей», часто дополняющих друг друга, но подчас выступающих и как свои альтернативы (например, опасность противостояния геополитическому гегемону и ведомому им военно-политическому блоку и опасность тотального подчинения, утраты геополитической субъектности).

Фокусируя внимание на приоритетах базирующегося на методологии пространственного анализа [30] сочетания геоситуационного, динамического и полимасштабного подходов, подчеркну также, что для анализа компонент собственно российской геополитической «безопасности-опасности» предельно важен учет

системного двуединства «Российская Федерация — ее внешний геополитический контекст», где первоочередного внимания требует выявление опасностей, порожденных существующей геополитической архитектурой мира, равно как и его основными трансформациями (включая переход к многополюсной модели, сопровождаемый общей турбулентностью [31], а также формированием регионально значимых «центров силы» практически по всему периметру российских границ). Требуют в этой связи инвентаризации и многоплановые риски, и опасности, генерируемые положением России [11] в глобальной и евразийской геополитике, в том числе и связанные с переходом к открытому противостоянию Российской Федерации с коллективным Западом [32; 33].

Г. М. Федоров. Нужно следить за западными геополитическими концепциями, многие из которых прямо выстраиваются западными геополитиками как недружественные в отношении России. Они, следуя идеям Х. Маккиндера и Н. Спикмена, изначально нацелены на борьбу с континентальным «Хартлендом» (по определению консервативным, даже реакционным, деспотичным и варварским), противостоящим океаническому демократическому и цивилизованному «Римленду». Нужно подробнее изучить издающиеся на Западе статьи и книги, посвященные международным отношениям и касающиеся нашей страны, и особенно зарубежные вузовские и школьные учебники по истории и географии. Тогда станет понятнее, на какие взаимоотношения нацелены наши возможные партнеры и возможно ли с ними равноправное сотрудничество (и сотрудничество вообще).

Геополитическая безопасность и регионы

А. Г. Дружинин. В связи с разработкой и осмыслением категории «геополитическая безопасность» важно сконцентрировать внимание на существенных для устойчивого геополитического положения России обстоятельствах ее внутреннего развития, на ситуации в конкретных регионах, их экономической, демографической, этнокультурной динамике, на региональной идентичности, включенности в общероссийские и международные центр-периферийные взаимозависимости. Здесь геополитические исследования напрямую стыкуются с общественно-географическим анализом, а последний должен неизбежно «геополитизироваться», обретая вполне определенный предметно-тематический аспект.

Геополитического структурирования и типологизации требуют не только непосредственно территория Российской Федерации, но и сопредельные с ней пространства (лимитрофы, ареалы исходящих угроз, жизненно необходимые территории). Актуализирована одновременно и идентификация ареалов и зон интересов глобальных и региональных геополитических акторов непосредственно в пределах Российской Федерации (наподобие геополитической структуры «Турецкого мира», в последние годы обретающей свой все более четкий контур [33]). Не менее важно генерировать и системные (учитывающие реалии и интересы в том числе регионов страны) представления об актуальной и перспективной сфере геополитических интересов России (в Центрально-Восточной Европе, в Причерноморье, в Центральной Азии и т. д.) [35, с. 218; 36].

А. П. Клемешев. Когда мы говорим о геополитическом пространстве России, о соответствующих геополитических угрозах, то нельзя забывать, что здесь акторами выступают не только США, но и страны, близкие Великому Лимитрофу [37; 38], многозначному образу «территорий-проливов» [39], которые являются относительно самостоятельными игроками, вмешивающимися в расстановку сил на историческом геополитическом пространстве России. Ярким примером здесь является позиция Турции в Карабахском конфликте.

Очевидно, что при определенных условиях, например социокультурных, в том числе конфессиональных, такое вмешательство будет затрагивать и регионы самой Российской Федерации. Если речь зашла о «Великом Туране», то мы, естественно, должны понимать, каким образом такого рода конструкция отзовется в некоторых российских регионах.

В. К. Белозеров. Думаю, мало у кого вызовет сомнение то, что сдерживать обеспечение безопасности геополитического пространства России ее территорией и пределами ее границ нецелесообразно и даже опасно. Геополитическая безопасность нашей страны, будучи целостным феноменом, складывается в том числе и из совокупности «безопасностей» регионов, ее образующих. Причем и безопасность того или иного субъекта Российской Федерации не замыкается его территорией и государственными границами. То есть геополитический статус субъектов Российской Федерации отличается разнообразием.

К. Ю. Волощенко. Согласно, что родовым понятием по отношению к «геополитической безопасности» выступает национальная безопасность России⁴ и именно в той ее части, которая соответствует национальным интересам в области «поддержания стратегической стабильности, укрепления мира и безопасности, правовых основ международных отношений»⁵. Законодательно закреплено, что обеспечение и защита названного национального интереса достигается через реализацию стратегического национального приоритета «стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество». Вследствие этого терминологические основы «геополитической безопасности» должны быть увязаны с внешней политикой, направленной на защиту национальных интересов России и укрепление ее международной безопасности. В этой ситуации возникает вопрос о возможности использования категории геополитической безопасности применительно к региону и о роли каждого региона России в ее обеспечении.

Принимая во внимание пространственные (территориальные) особенности регионов России, можно утверждать, что в разработке проблем геополитической безопасности ключевое значение имеют не только геополитические исследования, но и общественно-географический подход к ее изучению. Различия (гео)стратегической роли регионов, особенности их географического положения, в том числе по отношению к разным участкам границы, будут формировать и совершенно различные задачи в части реализуемых стратегических национальных приоритетов, в том числе в области геополитической безопасности.

Предельную остроту вопросы геополитической безопасности имеют для геостратегических территорий России⁶, и они требуют глубокого теоретического осмысления. Именно через социально-экономическое развитие геостратегических территорий обеспечивается национальная безопасность РФ, следовательно, и ее геополитическая безопасность. Однако в полной мере и геостратегические территории в силу их приграничного положения испытывают потребность в обеспечении

⁴ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ президента РФ от 02.07.2021 г. №400, *Президент России*, URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 17.08.2022).

⁵ Там же.

⁶ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : постановление Правительства РФ от 13.02.2019 г. №207-р., 2019, *Министерство экономического развития РФ*, URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/ (дата обращения: 17.08.2022).

собственной геополитической безопасности, однако лишь в части, соответствующей полномочиям региона или касающейся области действия внешних и внутренних угроз.

Перспективы и проблемы

А. Г. Дружинин. Для идентификации и оценки параметров геополитической безопасности существенно, что развернувшееся в связи со СВО военно-силовое противостояние России и коллективного Запада превращает в пространство гибридной войны всю территорию Российской Федерации. Российская геополитика в данном контексте стремительно «территориализуется». Геополитически существенным оказывается предельно широкий спектр вопросов регионального развития: от местной идентичности и социально-политической активности до финансово-экономических возможностей территории, ее места в сложившихся отношениях «центр — периферия», значимости трансграничных контактов и зарубежных партнерств. На этом фоне еще рельефнее проявилась геополитическая «особость» отдельных территорий и их группировок. Все пространственное развитие нашей страны становится в этих условиях предельно важной сферой геополитического противостояния; оно же порождает системно значимые геостратегические риски и одновременно выступает стимулом и ресурсом в резко активизировавшейся в контексте СВО геополитической «большой игре».

В. К. Белозеров. В дискуссионном плане в качестве цели (ожидаемого результата) работы по оценке состояния геополитической безопасности России могут быть предложены:

1) проработка и раскрытие содержания понятия «геополитическая безопасность»;

2) определение критериев, показателей, индикаторов геополитической и региональной безопасности России;

3) получение ясности по следующим вопросам:

— динамика изменений вызовов, рисков, опасностей и угроз (ВРОУ) геополитической безопасности России по регионам;

— состояние социальной и политической напряженности в регионах;

— характер и результаты воздействия внешних факторов в том или ином регионе;

— геополитический статус регионов России в контексте обеспечения национальной безопасности;

— классификация регионов и субъектов РФ по результатам установления их геополитического статуса.

А. П. Клемешев. Разработка концептуальной модели геополитической безопасности является необходимым условием для создания системы мониторинга геополитической безопасности России как своеобразной системы «раннего предупреждения». И уже сегодня мы должны видеть те инструменты, которые могут быть использованы для такого рода мониторинга. Но важно определиться с методическим и техническим подходом при создании системы такого мониторинга. Мы полагаем, что наиболее перспективным в этом плане является направление, связанное с технологией сбора и анализа данных из открытых источников (OSINT).

Заключение

Я. А. Ворожеина. Обсуждение, которое прошло в ходе семинара, позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, ни у кого не вызывает сомнений актуальность постановки проблемы геополитической безопасности России, путей осуществления мониторинга состояния этой безопасности в тот или иной период времени, тех или иных зон геополитического пространства страны. Во-вторых, понятно и

то, что требует дополнительной содержательной проработки: вопрос о самой геополитической безопасности, о геополитическом пространстве, геополитической картине мира, геополитических границах, угрозах и уязвимостях. Самое главное здесь — определить то особенное, что отличает именно геополитическую проблематику в сфере национальной безопасности. Важно не постоянное повторение слова «геополитика», необходимо выделить специфическое содержание, с которым мы будем дальше работать. В-третьих, если контуры концептуальной модели геополитической безопасности уже видны, то важной перспективной задачей является операционализация соответствующих понятий, создание системы индикаторов тех геополитических угроз и уязвимостей, с которыми мы сталкивались. Их важно идентифицировать, чтобы затем использовать те инструменты, которые бы позволяли осуществлять соответствующий мониторинг.

Публикация подготовлена в рамках реализации программы «Приоритет-2030» (проект «Проблема разработки системы мониторинга состояния геополитической безопасности России», («Уравнение безопасности»)).

Список литературы

1. Buzan, B., Wæver, O. 2003, *Regions and Powers. The Structure of International Security*, Cambridge University Press, 564 с.
2. Бабурин, С. Н., Дзлиев, М. И., Урсул, А. Д. 2022, *Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты*, Москва, Магистр, 512 с.
3. Егоров, Ю. Н., Никитина, Л. К., Хохлова, О. М. 2019, Национальная безопасность России в современном мире в условиях глобализации, *Вестник Воронежского института МВД России*, № 1, с. 145 — 150.
4. Морозов, И. Л. 2015, Геополитическая безопасность современной России, *Теория и практика общественного развития*, № 8, с. 112 — 114.
5. Зимичев, А. М. 2014, Геополитика и проблемы национальной безопасности России, *Психологическая газета*, 2014, 16 июля.
6. Зубков, А. И. 2004, *Геополитика и проблемы национальной безопасности России*, Москва, Юридический Центр Пресс, 240 с.
7. Москвитин, В. В. 2021, Россия в зоне геополитической безопасности, *Регионы России*, 2021, 22 июля, URL: <https://www.gosrf.ru/rossiya-v-zone-geopoliticheskoy-bezopasnosti/> (дата обращения: 16.10.2022).
8. Хаусхофер, К. 2001, *О геополитике. Работы разных лет*, Москва, Мысль, 426 с.
9. Lacoste, Y. 2012, La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique, *Herodote*, № 146 — 147, p. 14 — 44, <https://doi.org/10.3917/her.146.0014>.
10. Трейвиш, А. И. 2009, *Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведов*. Москва, Новый хронограф, 372 с.
11. Дружинин, А. Г. 2021, *Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ*. Ростов-на-Дону; Таганрог, 270 с.
12. Кузнецова, О. В. 2019, Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем, *Пространственная экономика*, т. 15, № 4, с. 107 — 125, <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125>.
13. Лавров, С. Б. 1993, Геополитика: возрождение запретного направления, *Известия РГО*, № 4, с. 36 — 41.
14. Колосов, В. А., Мироненко, Н. С. 2002, *Геополитика и политическая география*. Москва, Аспект Пресс, 479 с.
15. Туровский, Р. Ф. 1999, *Политическая география*. Москва; Смоленск, Изд-во СГУ, 381 с.
16. Потоцкая, Т. И., Сильнича, А. В. 2019, Состояние геополитических исследований в современной России, Балтийский регион, т. 11, № 2, с. 112 — 135, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-7>.

17. Dalby, S. 1991, American security discourse: The persistence of geopolitics, *Political Geography*, vol. 9, № 2, p. 171—188.
18. Caldara, D., Iacoviell, M. 2022, Measuring geopolitical risk, *American Economic Review*, vol. 112, № 4, p. 1194—1225, <https://doi.org/10.1257/aer.20191823>.
19. Волков, В. Я. 2000, *Геополитика и безопасность в современном мире*, Москва, 198 с.
20. Кортунов, С. В. 2003, *Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации*, Москва, Наука, 630 с.
21. Тихомиров, Ю. А. 2005, Геополитические императивы безопасности Российского государства, *Государство и право*, № 1, с. 80—87.
22. Политическая энциклопедия : в 2 т. 1999, т. 2. Москва, Мысль, 702 с.
23. Seekt, H. 1933, *Deutschland zwischen West und Ost*, Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 200 s.
24. Аверьянов, Ю. И. 1993, *Политология: Энциклопедический словарь*, Москва, Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 431 с.
25. Вандам (Едрихин), А. Е. 2002, *Геополитика и геостратегия*, Жуковский ; Москва, Кучково поле, 272 с.
26. Buzan, B., Wæver, O., Wilde, J. 1998, *Security: A New Framework for Analysis*, Lynne Rienner Publishers, 239 p.
27. Корсак, Л. 2022, Описан сценарий жесткого втягивания Белоруссии в конфликт России и Украины. Польша может использовать повод «для защиты Незалежной» от агрессии, *Московский комсомолец*, 2022, 11 мая, URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/05/11/opisan-scenariy-zhestkogo-vtyagivaniya-belorussii-v-konflikt-rossii-i-ukrainy.html> (дата обращения: 10.10.2022).
28. Чернышева, Е. 2022, Киев сообщил о вызове посла в Белоруссии из-за «планов нанести удар», *РБК*, 2022, 9 октября, URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/10/2022/634239d19a7947cd564e1eb0> (дата обращения: 10.10.2022).
29. Громько, А. А. 2020, Пандемия и кризис системы международных отношений, *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, т. 13, № 5, с. 6—19, <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1>.
30. Алаев, Э. Б. 1981, Географическое мышление и геопространственная парадигма, *Известия Всесоюзного географического общества*, № 5, с. 419—422.
31. Тренин, Д. В. 2021, *Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия*, Москва, Альпина Паблшер, 471 с.
32. Караганов, С. А., Сулов, Д. В. 2020, Россия в мире после коронавируса: новые идеи для внешней политики, *Россия в глобальной политике*, № 3, с. 170—182.
33. Естафьев, Д. Г., Ильницкий, А. М. 2020, Предположения о грядущем мире, *Россия в глобальной политике*, № 4, с. 58—68.
34. Аватков, В. А. 2021, Внешняя и внутренняя политика Турции: ключевые изменения 2020 г., *Свободная мысль*, № 1 (1685), с. 81—90.
35. Дынкин, А. А. 2020, Международная турбулентность и Россия, *Вестник Российской Академии наук*, № 3, с. 208—219, <https://doi.org/10.31857/S0869587320030032>.
36. Дружинин, А. Г. 2022, Российско-турецкие взаимодействия в условиях перехода к многополярному миру (черноморско-азовский формат), *Научная мысль Кавказа*, № 3, с. 5—15.
37. Цымбурский, В. Л. 2000, *Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика*, Москва, Эдиториал УРСС, 141 с.
38. Хатунцев, С. В. 2014, Лимитрофы — межцивилизационные пространства Старого и Нового света, *Русская истина*, 2014, 1 сентября, URL: <https://politconservatism.ru/experiences/limitrofy-mezhtsivilizatsionnye-prostranstva-ctarogo-i-novogo-sveta> (дата обращения: 17.10.2022).
39. Ильин, М. В. 2015, Диалог об островах и проливах, междуморьях и междумирьях, *Тетради по консерватизму*, № 1, с. 128—135.

Об авторах

Яна Антановна Ворожеина, кандидат политических наук, заместитель проректора по научной работе — директор Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: YVorozheina@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4777-2051>

Андрей Павлович Клемешев, доктор политических наук, профессор, президент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: AKlemeshev@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6343-3263>

Наталья Александровна Комлева, доктор политических наук, профессор, директор Центра геополитического анализа, Академия геополитических проблем, Россия.

E-mail: komleva1@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0184-6182>

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия; главный научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

Василий Клавдиевич Белозеров, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Московский государственный лингвистический университет, Россия.

E-mail: vk_belozerov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

Геннадий Михайлович Федоров, доктор географических наук, профессор, директор Центра геополитических исследований Балтийского региона, Институт геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gennady_fedorov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4267-2369>

Ксения Юрьевна Волошенко, кандидат экономических наук, директор центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

GEOPOLITICAL SECURITY OF RUSSIA: REMARKS ON THE PROBLEM STATEMENT

Y. A. Vorozheina¹

A. P. Klemeshev¹

N. A. Komleva²

A. G. Druzhinin^{3,4}

V. K. Belozеров⁵

G. M. Fedorov¹

K. Yu. Voloshenko¹

¹Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo Str., Kaliningrad, 236041, Russia

²Academy for Geopolitical Problems,
10/2 Gerasima Kurina, Moscow, 121108, Russia

³Southern Federal University
105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia

⁴Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences
29 Staromonentny pereulok, Moscow, 119017, Russia

⁵Moscow State Linguistic University,
38/1 Ostozhenka, Moscow, 119034, Russia

Received 12 November 2022

Accepted 11 January 2023

doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-9

© Vorozheina, Y. A., Klemeshev, A. P.,
Komleva, N. A., Druzhinin, A. G., Beloz-
erov, V. K., Fedorov, G. M., Voloshen-
ko, K. Yu., 2023

This paper summarizes the results of the seminar “Geopolitical Security of Russia: Remarks on the Problem Statement”, held on August 26, 2022, at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad. During the seminar, the Institute of Geopolitical and Regional Studies of the university announced an initiative to devise a system of monitoring the geopolitical (regional) security of Russia. The debate centred around the development of a conceptual framework and a geopolitical security model as a prerequisite for the system. The discussion also covered other relevant issues, including the definition of geopolitical security and geopolitical space as well as the types of geopolitical threats and vulnerabilities. Another topic on the agenda was the analysis of theoretical approaches applicable to monitoring the geopolitical security in Russia. A constructivist approach based on discursive practices was viewed as the most promising for tracking changes in geopolitical threats. In this work, the emphasis should be placed on regional issues, i.e. the situation in particular regions. Other promising avenues for further research are the operationalization of relevant concepts and the development of a set of indicators of geopolitical threats and vulnerabilities, which Russia has already faced and may face in the future.

Keywords:

geopolitical security, geopolitical space, geopolitical threats, geopolitical vulnerabilities, geopolitical monitoring

References

1. Buzan, B., Wæver, O. 2003, *Regions and Powers. The Structure of International Security*, Cambridge University Press, 564 p.
2. Baburin, S. N., Dzljev, M. I., Ursul, A. D. 2022, *Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossii: teoretiko-metodologicheskie aspekty* [Russia's National Security Strategy: Theoretical and Methodological Aspects], Moscow, Magistr, 512 p. (in Russ.).

To cite this article: Vorozheina, Y. A., Klemeshev, A. P., Komleva, N. A., Druzhinin, A. G., Belozerov, V. K., Fedorov, G. M., Voloshenko, K. Yu. 2023, Geopolitical Security of Russia: Remarks on the Problem Statement, *Balt. Reg.*, Vol. 15, № 1, p. 153–169. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-9.

3. Egorov, Yu. N., Nikitina, L. K., Khokhlova, O. M. 2019, National security of Russia in the modern world in the conditions of globalization, *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [The bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], № 1, p. 145—150 (in Russ.).
4. Morozov, I. L. 2015, Geopolitical security of modern Russia, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], № 8, p. 112—114 (in Russ.).
5. Zimichev, A. M. 2014, Geopolitics and Russia's National Security Problems, *Psihologicheskaya gazeta*, 16.07.2014 (in Russ.).
6. Zubkov, A. I. 2004, *Geopolitika i problemy nacional'noj bezopasnosti Rossii* [Geopolitics and Russia's National Security Problems], Moscow, publishing house «Legal Center Press», 240 p. (in Russ.).
7. Moskvitin, V. V. 2021, Russia in the geopolitical security zone: update 22.07.2021, *Regiony Rossii*, URL: <https://www.gosrf.ru/rossiya-v-zone-geopoliticheskoy-bezopasnosti/> (accessed 16.11.2022) (in Russ.).
8. Haushofer, K. 2001, *O geopolitike. Raboty raznykh let* [On Geopolitics. Works from Various Years], Moscow, publishing house «Mysl'», 426 p. (in Russ.).
9. Lacoste, Y. 2012, La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique, *Herodote*, № 146—147, p. 14—44, <https://doi.org/10.3917/her.146.0014> (in Fr.).
10. Treyvish, A. I. 2009, *Gorod, raion, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, District, Country and World. Development of Russia through the eyes of a country scholar], Moscow, publishing house «Novyi khronograf», 372 p. (in Russ.).
11. Druzhinin, A. G. 2021, *Idei klassicheskogo evraziizva i sovremennost': obshchestvenno-geograficheskii analiz* [Ideas of Classical Eurasianism and Modernity: A Socio-Geographic Analysis], Rostov-on-Don, Taganrog, 270 p. (in Russ.).
12. Kuznetsova, O. V. 2019, Problems of Elaboration of Spatial Development Strategy of the Russian Federation, *Spatial Economics*, vol. 15, № 4, p. 107—125, <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125> (in Russ.).
13. Lavrov, S. B. 1993, Geopolitics: the revival of the forbidden trend, *Izvestiya RGO* [Izvestiya — Russkogo Geograficheskogo Obshchestva], № 4, p. 36—41 (in Russ.).
14. Kolosov, V. A., Mironenko, N. S. 2002, *Geopolitika i politicheskaya geografiya* [Geopolitics and Political Geography], Moscow, publishing house «Aspekt Press», 479 p. (in Russ.).
15. Turovsky, R. F. 1999, *Politicheskaya geografiya* [Political geography], Moscow-Smolensk, publishing house of Smolensk State University, 381 p. (in Russ.).
16. Pototskaya, T. I., Silnichaya, A. V. 2019, Modern geopolitical research in Russia, *Baltic Region*, vol. 11, № 2, p. 112—135, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-7>.
17. Dalby, S. 1991, American security discourse: The persistence of geopolitics, *Political Geography*, vol. 9, № 2, p. 171—188.
18. Caldara, D., Iacoviell, M. 2022, Measuring geopolitical risk, *American Economic Review*, vol. 112, № 4, p. 1194—1225, <https://doi.org/10.1257/aer.20191823>.
19. Volkov, V. Ya. 2000, *Geopolitika i bezopasnost' v sovremennom mire* [Geopolitics and security in the modern world], Moscow, 198 p. (in Russ.).
20. Kortunov, S. V. 2003, *Stanovlenie politiki bezopasnosti: Formirovanie politiki natsional'noi bezopasnosti Rossii v kontekste problem globalizatsii* [Formation of Security Policy: Formation of Russia's National Security Policy in the Context of Globalization Problems], Moscow, publishing house «Nauka», 630 p. (in Russ.).
21. Tikhomirov, Yu. A. 2005, Geopolitical security imperatives of the Russian state, *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], № 1, p. 80—87 (in Russ.).
22. *Political Encyclopedia*. In 2 vols. 1999, vol. 2, Moscow, publishing house Mysl', 702 p.
23. Seekt, H. 1933, *Deutschland zwischen West und Ost*, Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 200 s.
24. Averyanov, Y. I. 1993, *Political Science: Encyclopedic Dictionary*, Moscow: Publishing house of Moscow Commercial University, 431 p. (in Russ.).
25. Vandam (Yedrikhin), A. E. 2002, *Geopolitika i geostrategiya* [Geopolitics and Geostrategy], Zhukovskiy-Moscow, publishing house «Kuchkovo pole», 272 p. (in Russ.).

26. Buzan, B., Wæver, O., Wilde, J. 1998, *Security: A New Framework for Analysis*, Lynne Rienner Publishers, 239 p.

27. Korsak, L. 2022, Describes the scenario of Belarus being dragged hard into the conflict between Russia and Ukraine. Poland can use the occasion “to protect Nezalezhnaya” *Moskovskii komsomolets*, 11.05.2022, URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/05/11/opisan-scenariy-zhestko-go-vtyagivaniya-belorussii-v-konflikt-rossii-i-ukrainy.html> (accessed 10.11.2022) (in Russ.).

28. Chernisheva, E. 2022, Kiev announced the summoning of the ambassador to Belarus because of “plans to strike”, 09.11.2022, *RBK*, URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/10/2022/634239d19a7947cd564e1eb0> (accessed 10.11.2022) (in Russ.).

29. Gromyko, A. A. 2020, The Pandemic and the Crisis in the System of International Relations, *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, vol. 13, № 5, p. 6—19, <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1> (in Russ.).

30. Alaev, E. B. 1981, Geographic thinking and the geospatial paradigm, *Izvestiia Vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestva*. № 5, p. 411—418 (in Russ.).

31. Trenin, D. V. 2021, *Novyi balans sil: Rossiya v poiskakh vneshnepoliticheskogo ravnovesiya* [A New Balance of Power: Russia in Search of a Foreign Policy Balance], Moscow, publishing house «Al'pina Publisher», 471 p. (in Russ.).

32. Karaganov, S. A., Suslov, D. V. 2020, Russia in the world after coronavirus, *Russia in Global Affairs*, № 3, p. 170—182 (in Russ.).

33. Evstafiev, D. G., Ilnicky, A. M. 2020, Assumptions about the world to come, *Russia in Global Affairs*, № 4, p. 58—68 (in Russ.).

34. Avatkov, V. A. 2021, Turkey's foreign and domestic policy. Key changes in 2020, *Svobodnaya mysl'* [Free thought], № 1 (1685), p. 81—90 (in Russ.).

35. Dynkin, A. A. 2020, International Turbulence and Russia, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, № 3, p. 208—219, <https://doi.org/10.31857/S0869587320030032> (in Russ.).

36. Druzhinin, A. G. 2022, Russian-Turkish cooperation in the transition to a multipolar world (Black sea — Sea of Azov format), *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], № 3, p. 5—15 (in Russ.).

37. Tsymbursky, V. L. 2000, *Rossiya — Zemlya za Velikim Limitofom: tsivilizatsiya i ee geopolitika* [Russia — The Land Beyond the Great Limit: Civilisation and its Geopolitics], Moscow: Editorial URSS, 141 p. (in Russ.).

38. Khatuntsev, S. V. 2014, Limitrophs — inter-civilizational spaces of the Old and New World, 01.09.2014, *Russkaya Istina*, URL: <https://politconservatism.ru/experiences/limitrofy-mezhtsvilizationsionnye-prostranstva-ctarogo-i-novogo-sveta> (accessed 17.11.2022) (in Russ.).

39. Ilyin, M. V. 2015, A dialogue about islands and straits, intermarums and intermunds, *Tetra-di po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], № 1, p. 128—135 (in Russ.).

The authors

Dr Yana A. Vorozheina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: YVorozheina@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4777-2051>

Prof Andrei P. Klemeshev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: AKlemeshev@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6343-3263>

Prof Natalia A. Komleva, Academy of Geopolitical Problems, Russia.

E-mail: komleva1@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0184-6182>

Prof Alexander G. Druzhinin, Southern Federal University, Russia; Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

Prof Vasily K. Belozarov, Moscow State Linguistic University, Russia.

E-mail: vk_belozarov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

Prof Gennady M. Fedorov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gennady_fedorov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4267-2369>

Dr Ksenia Yu. Voloshenko, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

РЕЦЕНЗИЯ

ПОДЪЕМЫ И СПАДЫ РОССИЙСКО-ЭСТОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Рецензия на книгу: Тамби С. А. Россия — Эстония: история взаимоотношений и современность. К 100-летию со времени установления дипломатических отношений. — СПб. : Питер, 2021. — 240 с. : ил. ISBN 978-5-4461-1854-0

К. К. Худoley

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-10
© Худoley К. К., 2023

Современный мир является свидетелем самых серьезных перемен за несколько десятилетий — серьезный экономический кризис, пандемия коронавируса, изменение климата, острая конфронтация России и Запада и многое другое. Во внешней политике России, безусловно, главное место занимает конфликт с Западом, центральной точкой которого стала Украина. Самую жесткую позицию в нем заняли страны, являющиеся членами ЕС и НАТО и имеющие непосредственную границу с нашей страной. Отношения России с западными соседями по большому счету всегда были непростыми, причем немаловажную роль в этом играл идеологический компонент — различная, а иногда и просто противоположная трактовка исторических событий. Так как речь шла о событиях недавнего прошлого, некоторые участники которых еще живы, то эти различия приобретали особую актуальность и остроту. Нельзя сказать, что не предпринималось попыток обсудить спорные вопросы истории, сблизить позиции обеих сторон. Так, были созданы двусторонние комиссии историков России и Польши, Литвы, Латвии, которые проделали определенную работу и подготовили ряд публикаций документов и научных исследований. Ситуация с Эстонией в этом отношении была несколько особой — при отсутствии структур, пользовавшихся официальной поддержкой, учеными двух стран была проведена большая работа по изучению истории советско-эстонских и российско-эстонских отношений. Тем не менее эта проблематика далеко не исчерпана и по-прежнему привлекает к себе интерес исследователей.

С. Тамби — молодой исследователь, закончивший бакалавриат факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета и магистратуру МГИМО-Университета и сочетающий в своей деятельности достижения этих двух ведущих российских центров по подготовке высококвалифицированных специалистов-международников, — опубликовал очень интересную по содержанию и оригинальную по жанру книгу, посвященную 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Эстонией. Значительная ее часть состоит из публикации документов Архива внешней политики Российской Федерации, перепечаток материалов советской, российской и эстонской прессы и ряда других источников, которые практически не были известны или были известны очень узкому кругу специалистов. Введение их в научный оборот позволяет как более глубоко проанализировать основные тренды в развитии двусторонних отношений,

так и осветить отдельные детали, на которые ранее не обращалось должного внимания. Вполне естественно, что С. Тамби — действующий дипломат, который работал в Эстонии, уделяет большое внимание истории советского и российского дипломатических представительств в Таллине и эстонского посольства в Москве. Данные сюжеты пока не получили всестороннего освещения в исторической литературе, кроме отдельных страниц, а между тем роль посольств в процессе принятия внешнеполитических решений весьма существенна ввиду как той информации, которая направляется правительствам, так и практической деятельности по претворению в жизнь принятых решений. Перепечатки из прессы 1920—1930-х гг. и последних десятилетий позволяют читателю лучше понять атмосферу тех лет, преобладавшие тогда общественные настроения и тренды. Представляется, что книга в еще большей степени выиграла бы, если бы в нее были включены также выдержки из мемуаров видных политиков и дипломатов. При всей специфичности этого источника он, несомненно, может играть важную роль при разработке проблем истории международных отношений, включая отношения России и Эстонии.

С. Тамби придерживается официальной точки зрения российской дипломатии, но не вступает в дискуссии российских и эстонских историков, имеющих самые различные взгляды и подходы. Он скорее анализирует опубликованные документы, а не события, которые привели к их появлению. В данной публикации это, видимо, оправдано, так как в рассматриваемых документах и материалах СМИ нет каких-то фактов, которые привели к пересмотру уже сложившихся взглядов и концепций. Но наряду с этим С. Тамби останавливается на ряде сюжетов, показывающих всю сложность и неоднозначность происходивших процессов.

Автор считает, что мирный договор, подписанный в Тарту (1920) между Советской Россией и Эстонией, прекратил свое действие в 1940 г., когда Эстония была включена в состав Советского Союза. Но одновременно он показывает, что в 1920 г. подписание данного договора имело большое значение для обеих стран, создавало основу для последующего развития отношений, способствовало укреплению международных позиций и Советской России, и Эстонии. Данный момент представляется важным, так как в советской историографии роль договора в Тарту явно принижалась — обычно о нем говорилось очень кратко как о каком-то третьестепенном событии или не упоминалось вообще. К сожалению, в ряде работ современных российских авторов по истории международных отношений также проявляются подобные подходы. Между тем договор 1920 г. с Эстонией не только был очень важным событием для двусторонних отношений, но и создавал для Советской России первый легальный канал политических и экономических связей с внешним миром.

Конечно, общественно-политические системы СССР и Эстонии были не просто различны, а диаметрально противоположны. Это создавало значительное ограничение для развития отношений во всех сферах, но не мешало поиску путей к взаимопониманию. С. Тамби в связи с этим привлекает внимание к нескольким интересным эпизодам. Так, в 1921 г., когда значительные регионы европейской части России были охвачены голодом, правительство Эстонии и эстонский Красный Крест оказали гуманитарную помощь Советской России. Специальный поезд с продовольствием и медикаментами прибыл в Москву, откуда присланные товары были отправлены в Казань, Самару, Симбирск, Уфу и другие города. В благодарственном письме министру иностранных дел Эстонии О. Штрандману один из высших руководителей Советской России Л. Б. Каменев особо отмечал, что это был первый дар, полученный от западных соседей. С. Тамби пишет о сложностях советско-эстонских отношениях в военной сфере, но при этом в книге (с. 143) помещена фотография маршала Советского Союза А. Егорова, прибывшего в Таллин с визитом

в феврале 1937 г. По нашему мнению, этому событию следовало бы уделить больше внимания: как приему, оказанному А. Егорову в Эстонии (насколько известно, это единственный случай, когда в 1920—1930-е гг. в иностранном государстве официально отмечали день Красной Армии), его переговорам с эстонским руководством, так и откликам в советской и эстонской печати на этот визит.

В разделах, посвященных истории отношений России и Эстонии после распада СССР в последние три десятилетия, достаточно много говорится о политических и экономических отношениях, связях в области науки, образования, культуры и искусства, между регионами и т. д. Данная информация достаточно велика, но во многих случаях носит справочный характер. Можно было бы более подробно рассказать о содержательной стороне этих связей, конкретных проектах, реализуемых прежде всего в гуманитарной сфере. Здесь был накоплен весьма важный и позитивный опыт.

В настоящее время Россия и Запад находятся в состоянии острой конфронтации и многое из того позитивного, что было создано в предшествующие годы, не работает. Однако через какое-то время вопрос о нормализации отношений вновь встанет на повестку дня. Речь будет, конечно, идти не о простом воссоздании того, что было раньше, а о поиске новых ответов на возникающие вызовы и проблемы. В этих условиях объективный анализ того, почему старые схемы не оправдали себя, что требует качественно иных подходов и что может быть в какой-то степени использовано, будет необходим. И тогда материалы книги С. Тамби могут стать еще более актуальными и востребованными, чем в настоящее время.

Об авторе

Константин Константинович Худoley, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: kkhudoley@gmail.com

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

The author

Prof Konstantin K. Khudoley, Head of Department of European Studies, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: kkhudoley@gmail.com

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

3. Все присланные в редакцию работы проходят **двойное «слепое» рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

4. Плата за публикацию рукописей не взимается.

5. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

2) аннотацию на русском и английском языках (*150–250 слов*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

3) ключевые слова на русском и английском языках (*4–8 слов*);

4) список литературы (*не менее 30 источников*);

5) приставейные библиографические списки оформляются **на языке оригинала** (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и **на латинице** (в соответствии с Harvard System of Referencing Guide);

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

7) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены **в электронной форме** в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте <https://balticregioneditorial.kantiana.ru/jour/>

BALTIC REGION

2023
Volume 15
№ 1

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2023.
176 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders
Immanuel Kant Baltic
Federal University
Saint Petersburg
State University

Editorial Office
Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236016

Managing editor:
Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal
University, 2023

Editorial council

Prof **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof **Gennady M. Fedorov**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof Dr **Joachim von Braun**, University of Bonn, Germany; Prof **Irina M. Busygina**, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia; Prof **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Pertti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Frederic Lebaron**, Ecole normale superieure Paris-Saclay, France; Prof **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof **Vladimir A. Mau**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Peter Oppenheimer**, Oxford University, United Kingdom; Prof **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia.

CONTENTS

Politics

- Chikhachev, A. Yu.* France's strategy in the Baltic region: military and political aspects 4
- Putintsev, I. S.* The two-party tendency in Poland's political system: manifestations, causes and prospects 18
- Chekov, A. D.* Estonian 'Balticness' as a social construct: meanings and contextual specifics 34
- Rozanova, N. N.* Reputation core of Russian authorities: the case of the regional level of executive power 52

Economic geography

- Azhinov, D. G., Lapshova, T. E.* A typology of the Baltic region states according to excellence in science and technology 78
- Alov, I. N., Pilyasov, A. N.* The spread of the COVID-19 infection in Russia's Baltic macro-region: internal differences 96

Tourism

- Aleksandrova, A. Y., Krasavtsev, I. V.* Territorial structure of inbound and domestic tourism in the Baltic States 120
- Manakov, A. G., Krastev, V. K., Krasilnikova, I. N., Ivanov, I. A.* Changes in the structure and geography of tourist flows during the COVID-19 pandemic 139

Events Digest

- Vorozheina, Y. A., Klemeshev, A. P., Komleva, N. A., Druzhinin, A. G., Belozero, V. K., Fedorov, G. M., Voloshenko, K. Yu.* Geopolitical Security of Russia: Remarks on the Problem Statement 153

Book Review

- Khudoley, K. K.* The peaks and troughs of Russian-Estonian relations 170

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

—
2023

Том 15

№ 1

Редактор *Е. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 05.12.2022 г.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 15,5

Тираж 300 экз. (1-й завод 50 экз.). Заказ 133

Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. Невского, 14